Ивановский

ДѢЛО

ПАТРІАРХА НИКОНА.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ПО ПОВОДУ XI Т. «ИСТОРІИ РОССІИ», ПРОФ. СОЛОВЬЕВА.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ АКТОВЪ И БУМАГЪ, ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ЭТОМУ ДѢЛУ.

Н. СУББОТИНА.

Московскаго Цензурнаго Комитета БИБЛІОТЕКА

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.

1862.

6к

ЗНАЧИТЕЛЬНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

			напечатано:	*должно читать:*
стр. 2	строка	1 св.	необыкновенная	необыкновеннаго
— 21	—	3 —	одноротный	однорожный
— 24	—	14 сн.	на милости	на милость
— 25	—	15 св.	много моего	многаго моего
— 113	—	3 —	патріарховы	патріарховыхъ
— 120	—	18 сн.	сами	сими
— 136	—	1 св.	дѣлѣ	духѣ
— 141	—	13 —	соберутся	соберуся
— 156	—	14 —	имъ	ихъ
— 165	—	3 сн.	въ основаніи	въ основаніе

ДѢЛО
ПАТРІАРХА НИКОНА.

Ивановский

ДѢЛО

ПАТРІАРХА НИКОНА.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ПО ПОВОДУ XI Т. «ИСТОРІИ РОССІИ», ПРОФ. СОЛОВЬЕВА.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ АКТОВЪ И БУМАГЪ, ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ЭТОМУ ДѢЛУ.

Н. СУББОТИНА.

Казанского Духовного Училища БИБЛІОТЕКА КОМИТЕТА

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.

1862.

„Пров 38“

DK
119

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Одобрено цензурою. Москва. Февраля 22-го дня года.

217130.

Въ четвертой главѣ одиннадцатаго тома русской исторіи профессора Соловьева изложено извѣстное дѣло патріарха Никона, начавшееся неудовольствіями царя Алексѣя Михайловича съ его «собиннымъ» другомъ, и кончившееся соборнымъ низложеніемъ патріарха и ссылкой въ заточеніе. Это безъ сомнѣнія, самая занимательная часть книги г. Соловьева. Авторъ пользовался подлинными актами Никонова дѣла, съ собственноручными отмѣтками царя, и другими не многимъ доступными источниками, что придаетъ еще болѣе значенія его изслѣдованію, которому сообщаетъ уже большой интересъ и самый предметъ его,—событіе дотолѣ небывалое въ лѣтописяхъ нашей исторіи—распря русскаго царя съ русскимъ патріархомъ, разсудить которую нарочно пріѣзжаютъ греческіе патріархи, собираются соборы духовныхъ властей и синклита,—и лица, принимавшія такое живое участіе въ этой странной враждѣ двухъ прежде не разлучныхъ друзей, и особен-

но личность самаго Никона, этого необыкновенная человѣка, который изъ крестьянской хижины умѣлъ дойти до патріаршихъ палатъ и царскихъ чертоговъ, гдѣ былъ какъ у себя дома, и кончилъ заточеніемъ съ именемъ простаго монаха! Двѣсти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ произнесено соборное рѣшеніе по дѣлу Никона,—и доселѣ не установился еще вполнѣ правильный взглядъ на дѣло, равно какъ и на характеръ Никона. Слѣдуя сказаніямъ Шушерина и невольно подчиняясь силѣ характера и ума патріарха Никона, о которыхъ свидѣтельствуютъ и его неутомимая дѣятельность въ разныхъ областяхъ церковнаго и гражданскаго управленія, и его быстрое возвышеніе по ступенямъ іерархической лѣстницы, одни превозносятъ его похвалами и съ удивленіемъ останавливаются предъ величіемъ этой, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно замѣчательной исторической личности; другіе, напротивъ, обративъ вниманіе исключительно на темныя стороны его характера, осыпаютъ его порицаніями, обвиняютъ во многомъ, въ чемъ едва ли можно обвинять его, готовы видѣть въ немъ какую-то темную судьбу царствованія Алексѣя Михайловича. Мы не говоримъ уже о раскольникахъ, которые съ именемъ Никона доселѣ соединяютъ все, что только есть для нихъ ненавистнаго. Еще менѣе опредѣленности во взглядахъ на распрю патріарха съ царемъ, въ рѣшеніи вопроса — кто

правъ здѣсь и кто виноватъ? или въ какой степени права и виновата та и другая сторона? Понятно отсюда, какой интересъ должно было возбудить изслѣдованіе объ этомъ дѣлѣ историка съ такою ученостью, какъ г. Соловьевъ, имѣвшаго притомъ въ своемъ распоряженіи подлинные акты Никонова дѣла.

При своемъ здравомъ взглядѣ на обязанности историка, не усвояя себѣ права произносить приговоръ надъ историческими дѣятелями, авторъ не произнесъ своего суда и надъ Никономъ. Но читателю не трудно понять, что его симпатіи не на сторонѣ патріарха, — и это очень понятно: личность Никона дѣйствительно не симпатическая. Сторонники Никона, составившіе о немъ понятіе по разсказамъ Шушерина, съ сожалѣніемъ должны сказать, что историкъ, слишкомъ недовѣрчиво смотрѣвшій на эти разсказы, безжалостно развѣнчиваетъ величіе великаго патріарха. Но даже и не сторонники Никона должны признаться, что авторъ не пожалѣлъ темныхъ красокъ для изображенія его характера,—что по прочтеніи его разсказа, образъ Никона возстаетъ предъ глазами читателя въ слишкомъ непривлекательномъ видѣ: вмѣсто человѣка энергическаго, всей душой преданнаго заботамъ о пользахъ церкви и государства, человѣка съ прямымъ и яснымъ взглядомъ на вещи, умѣвшаго стать выше суевѣрій и предразсудковъ своего

вѣка, въ защиту которыхъ такъ жестоко возстали на него раскольники, предъ нимъ является человѣкъ упрямый, властолюбивый, раздражительный до крайности и, что всего неожиданнѣе, мелочный и склонный къ суевѣрію, являющійся порой какимъ-то визіонеромъ, напоминающимъ своего отчаяннаго противника, протопопа Аввакума! Мы вовсе не думаемъ, чтобы почтенный профессоръ хотѣлъ преднамѣренно изобразить такимъ патріарха Никона, еще менѣе,—что онъ сдѣлалъ это въ ущербъ исторической правдѣ. По нашему мнѣнію дѣло здѣсь главнымъ образомъ въ томъ, что разсказъ о Никонѣ вошелъ (и долженъ былъ войти) въ его исторію эпизодически, что по самому ходу своего историческаго труда, онъ долженъ былъ остановиться на такомъ періодѣ жизни Никона, въ которомъ по преимуществу выступили темныя стороны его характера, притомъ не мало измѣнившагося въ теченіе осмилѣтнихъ неудовольствій съ дворомъ, тогда какъ дѣла патріарха, внушающія уваженіе къ его уму и даже характеру, относясь къ другому времени и принадлежа болѣе къ области церковной исторіи, не могли найти мѣста въ настоящемъ изслѣдованіи историка, и такимъ образомъ темныя стороны характера Никона неуравновѣшены здѣсь, или, по крайней мѣрѣ, неослаблены свѣтлыми чертами его характера, въ которыхъ было бы несправедливо отказать ему, хотя первыя, дѣйствительно, часто брали

у него перевѣсъ надъ послѣдними. Представить характеръ и дѣятельность Никона, со всѣми ихъ свѣтлыми и темными сторонами, это задача его полной біографіи, въ которой есть теперь настоятельная нужда, но которой мы вправѣ ожидать отъ ученаго и безпристрастнаго писателя, а не отъ какого-нибудь поверхностнаго разскащика. Не менѣе важно здѣсь и другое обстоятельство,—именно, что авторъ совершенно отстранилъ книгу Шушерина, желающаго во всемъ оправдать Никона *, а слѣдовалъ въ своемъ изложеніи источникамъ, имѣющимъ, такъ сказать, офиціальный характеръ. Онъ имѣлъ основательныя причины не довѣрять Шушерину и, основываясь преимущественно на подлинныхъ актахъ Никонова дѣла, очевидно, руководился достойнымъ полнаго уваженія намѣреніемъ—сохранить во всей строгости историческую истину. Но кто внимательно разбиралъ всѣ эти акты, тотъ не можетъ не согласиться, что они представляютъ столько разнорѣчій и между собою и съ другими, не менѣе достовѣрными извѣстіями, столько вообще не яснаго, не досказаннаго, внушеннаго духомъ

---

* Книгѣ Шушерина слѣдуетъ противопоставить сочиненіе Паисія Лигарида о Никонѣ: онѣ представляютъ двѣ противоположныя крайности. Однакоже почтенный профессоръ съ большимъ довѣріемъ относился къ Паисію, нежели къ Шушерину.

партіи и личной страсти, что нужно тонкое историческое чутье и большой навыкъ, чтобъ изъ всѣхъ этихъ сказокъ, грамотъ и т. п., непогрѣшительно извлечь строгую истину. У нашего автора, безъ сомнѣнія, нѣтъ недостатка ни въ томъ ни въ другомъ и мы по справедливости должны сказать, что разсказъ его основанъ на несомнѣнныхъ показаніяхъ подлинныхъ актовъ, что какимъ представляется Никонъ въ этихъ послѣднихъ, такимъ является онъ и въ разсказѣ нашего историка. Считаемъ нужнымъ сдѣлать только одно замѣчаніе. Остановивъ вниманіе преимущественно на личности Никона, представивъ во всемъ непривлекательномъ свѣтѣ его дѣятельность во время распри съ царемъ и при соборномъ изслѣдованіи его дѣла,— дѣятельность, большею частію, подъ вліяніемъ страстей, выходившихъ иногда за предѣлы всякаго благоразумія, историкъ недостаточно освѣтилъ противную сторону; а между тѣмъ и на этой сторонѣ страсти дѣйствовали со всею силою; всѣ лица, принимавшія участіе въ дѣлѣ Никона, всѣ эти, такъ называемыя, власти, этотъ синклитъ и комнатные бояре, эти пришельцы далекаго востока— какую незавидную роль играли они въ дѣлѣ русскаго патріарха съ русскимъ царемъ! Едва можно найти между ними двухъ-трехъ человѣкъ, которые обнаружили въ своихъ сужденіяхъ и поступкахъ сколько-нибудь безпристрастія, независимости и благородной смѣлости. Чтобъ представить все это въ надлежащей полнотѣ, для этого,

конечно, потребовалось бы значительно расширить рамы исторической картины, притомъ, можетъ быть, въ ущербъ стройности цѣлаго труда,—да и самая картина вышла бы еще мрачнѣе; за то она выиграла бы въ вѣрности тому, что дѣйствительно было, и Никонъ былъ бы правильнѣе обставленъ, не выступалъ бы такъ рѣзко, мы лучше увидѣли бы въ немъ, при всей исключительности его характера, человѣка своего времени. Кромѣ того, надобно замѣтить, не всегда такъ называемые офиціальные акты можно предпочитать извѣстіямъ, не имѣющимъ никакого офиціальнаго характера. Иногда одна замѣтка современника, одна фраза, мимоходомъ сказанная въ письмѣ или разговорѣ, проливаетъ на дѣло гораздо болѣе свѣта, нежели подробный и прямой отвѣтъ, вынужденный правежомъ и пыткою и записанный въ какой-нибудь сказкѣ. Въ бумагахъ, относящихся къ дѣлу Никона, можно найти не мало подобнаго рода замѣтокъ, разъясняющихъ нѣкоторыя стороны дѣла. Нѣкоторыя изъ нихъ опущены авторомъ, между тѣмъ какъ имѣли право на большее вниманіе съ его стороны и были бы вовсе не лишними въ его изслѣдованіи.

Представляя читателямъ изложеніе Никонова дѣла, мы имѣли цѣлію главнымъ образомъ указать тѣ именно стороны его и тѣ подробности, на которыя г. Соловьевъ не обратилъ должнаго вниманія, но которыя,

по нашему мнѣнію, не лишены занимательности и важны для правильнаго взгляда на это дѣло, сколько любопытное, столько же и важное по своимъ послѣдствіямъ *.

---

* Болѣе важныя изъ тѣхъ актовъ и бумагъ, которыми мы руководствовались въ изложеніи Никонова дѣла, но которыя г. Соловьевымъ оставлены безъ вниманія, а можетъ быть и не были ему извѣстны, помѣщаемъ въ приложеніяхъ.

ДѢЛО ПАТРІАРХА НИКОНА.

I.

«Собинная» дружба царя Алексѣя Михайловича съ патріархомъ Никономъ прекратилась вскорѣ послѣ его возвращенія въ Москву изъ польскаго похода. Когда онъ пріѣзжалъ оттуда въ первый разъ и увидѣлся съ Никономъ въ Вязьмѣ, гдѣ послѣдній представилъ ему супругу его и семейство, которыхъ такъ заботливо охранялъ во время мороваго повѣтрія, тогда эта дружба существовала въ полной силѣ и новая услуга Никона царскому семейству, по видимому, укрѣпила ее еще больше. Быть можетъ именно тогда царь предоставилъ ему названіе «великаго государя», которое прежде усвоено было только патріарху Филарету и то какъ царскому отцу и соправителю. Какъ случилось, что Никонъ принялъ это «злополучное для него» имя, и когда это случилось, —по видимому онъ и самъ не зналъ опредѣленно. Онъ утверждалъ только одно, что это случилось не по его волѣ и даже не́ по желанію. «Надѣюся на Господа», писалъ онъ къ самому государю, «что нигдѣ не отыщется моего хотѣнія, или повелѣнія на сіе... и не вѣмъ откуду начася, а мню, тобою великимъ государемъ такіе начатки явилися». Какъ бы то ни было, только Никонъ носилъ уже и употреблялъ въ указахъ титулъ великаго государя, когда царь окончательно пріѣхалъ въ Москву изъ

похода. Вскорѣ послѣ этого, какъ мы сказали, дружбѣ двухъ «великихъ государей» суждено было сильно поколебаться. Нашъ авторъ хорошо объясняетъ внутреннія основанія этого, по видимому, не ожиданнаго и во всякомъ случаѣ слишкомъ рѣзкаго измѣненія во взаимныхъ отношеніяхъ друзей. «Походъ, дѣятельность воинская, и «полная самостоятельность въ челѣ полковъ развили ца«ря, закончили его возмужалость; благодаря новой сфе«рѣ, новой дѣятельности, въ короткое время было пере«жито много, явились новыя привычки, новые взгляды. «Великій государь возвращается въ Москву и застаетъ «тамъ другаго великаго государя, который въ это время, «будучи неограниченнымъ правителемъ, также развился «вполнѣ относительно своего характера, взглядовъ и пріе«мовъ... Никонъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые «умѣютъ останавливаться, не доходить до крайности, умѣ«ренно пользоваться своею властію. Природа, одаривъ «его способностію пробиваться впередъ, пріобрѣтать «вліяніе и власть, не дала ему нравственной твердости «умѣрять порывы страстей; образованіе, котораго ему «тогда негдѣ было получить, не могло въ этомъ отноше«ніи помочь природѣ; наконецъ необыкновенное счастіе «разнуздало его совершенно и непріятныя стороны его «характера выступили рѣзко наружу. Званіе патріарха, «которое для природы болѣе мягкой служило бы сильною «нравственною сдержкою, заставляя постоянно быть об«разцомъ стаду, при жесткой природѣ Никона уничто«жало всякую сдержку, ибо все вниманіе его было обра«щено на права высшаго пастыря, высшаго истолкователя «божественнаго закона, и въ этомъ значеніи онъ считалъ «для себя все позволеннымъ; при недостаткѣ христіан«скаго начала, духа кротости и смиренія, обстановка

«святительской власти, глубокое уваженіе со стороны «царя и всѣхъ подражавшихъ царю (а такихъ, разумѣет- «ся, было очень много) легко отуманили Никона, заста- «вили его дѣйствительно считать себя вязателемъ и рѣ- «шителемъ во всѣхъ дѣлахъ, обладающимъ высшими ду- «ховными дарами»... «Возведеніе на патріаршество съ «условіемъ повиновенія отъ возводившихъ, размѣры поли- «тическаго вліянія, уступленнаго царемъ патріарху, и «наконецъ правительство во время отсутствія царя, раз- «вили (въ Никонѣ) властительство до высшей степени и «необходимо должны были вести къ столкновеніямъ съ «вельможами, къ столкновенію съ самимъ царемъ, кото- «рый нашелъ перемѣну въ своемъ «собинномъ» пріяте- «лѣ и тѣмъ легче нашелъ ее, что въ немъ самомъ прои- «зошла перемѣна, что онъ на многое сталъ теперь смо- «трѣть иначе». Съ искусствомъ и вѣрностію представле- но здѣсь развитіе властолюбивыхъ наклонностей Никона во время отсутствія государя изъ Москвы; нѣтъ сомнѣ- нія, что въ это время и характеръ царя сдѣлался неза- висимѣе, по крайней мѣрѣ относительно Никона: безъ него уже привыкли обходиться; теперь, при новой встрѣ- чѣ, онъ дѣйствительно долженъ былъ яснѣе обнаружи- ться своими темными сторонами, на которыя прежде не обращали вниманія, или смотрѣли съ снисходитель- ностію друга,—да прежде онѣ и не выступали такъ рѣзко. Тѣмъ не менѣе, едва ли и въ это время Алексѣй Михай- ловичъ пріобрѣлъ на столько твердости характера, что- бы дѣйствовать съ полною самостоятельностію,—его на- тура была слишкомъ мягка для этого. Почувствовавъ на столько рѣшимости, чтобы выдти изъ-подъ вліянія Нико- на, онъ въ тоже время весьма легко подчинился другимъ вліяніямъ и, должно сказать, этимъ послѣднимъ собствен-

но и былъ обязанъ тѣмъ, что шелъ дальше и дальше въ разладѣ съ своимъ прежнимъ другомъ и привелъ его къ извѣстному исходу. Въ самомъ дѣлѣ, во все продолженіе Никонова дѣла мы видимъ царя подъ вліяніемъ партіи враждебной Никону,—вліяніемъ, отъ котораго ему какъ будто хотѣлось порой освободиться, но въ тоже время недоставало рѣшимости, къ которому наконецъ онъ такъ привыкъ, что не зналъ уже, какъ и обойтись безъ него, особенно когда дѣло съ Никономъ зашло слишкомъ далеко. Онъ самъ сравнивалъ свое положеніе съ положеніемъ Никона, во время ихъ взаимной распри, и находилъ, что послѣднему гораздо удобнѣе было бы дѣйствовать въ пользу примиренія, если бы только онъ хотѣлъ смириться, — что онъ свободенъ дѣлать, что хочетъ, тогда какъ царя окружаютъ власти и бояре: «они всѣ приводятъ меня на ярость», говорилъ царь, «а ему одному лучше меня, что хочетъ, то и дѣлаетъ въ помыслѣ своемъ, никто его не заставляетъ насильно».

И такъ, если царь и самъ почувствовалъ, что Никонъ сдѣлался тяжелъ для него, что его властолюбіе стало переходить границы, то еще больше ему показали это и дали почувствовать враги Никона, умѣвшіе съ замѣчательной ловкостью занять его мѣсто при царѣ. А враговъ Никонъ успѣлъ, при своемъ характерѣ, нажить слишкомъ много во всѣхъ сословіяхъ. Большая часть бояръ не терпѣла его за его близость къ царю, за его распоряженія въ царскомъ совѣтѣ, за строгія замѣчанія, которыя онъ дѣлалъ имъ, по обычаю, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Извѣстно, что нѣкоторые бояре говорили объ немъ, когда онъ былъ еще митрополитомъ, что лучше погибнуть въ новой землѣ за Сибирью, чѣмъ попасть подъ начало къ новгородскому митрополиту. Сдѣлавшись

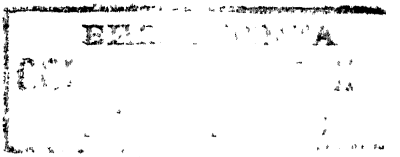
патріархомъ Никонъ, разумѣется, не сдѣлался снисходительнѣе къ боярамъ и не думалъ заботиться пріобрѣсти ихъ расположеніе. Не любило его и духовенство,— черныя власти за то, что обращался съ ними слишкомъ властительно и строго, бѣлое духовенство — за недоступность и недостаточное вниманіе къ его настоятельнымъ нуждамъ. Нашъ историкъ приводитъ чрезвычайно любопытную жалобу на патріарха, поданную царю Алексѣю Михайловичу, въ которой тогдашнее положеніе бѣлаго духовенства представлено въ ужасномъ видѣ. Теченіе дѣлъ по разнымъ просьбамъ къ патріарху шло весьма медленно и требовало большихъ расходовъ, которые иногда въ конецъ раззоряли бѣдныхъ просителей: «перехожая становилась иному беззаступному попу рублей по шести, по семи, по десяти и пятнадцати, кромѣ своего харчу; волочились недѣль по двадцати и по тридцати, а иной бѣдный человѣкъ поживетъ въ Москвѣ недѣль десять и больше, да и проѣстъ рублей пять, шесть и больше, и уѣдетъ безъ перехожей; многіе по два и по три раза для перехожихъ въ Москву пріѣзжали, а безъ нихъ попадьи и дѣти ихъ скитаются межъ дворовъ». Патріаршіе приказные дѣлали страшные поборы; объ нѣкоемъ Иванѣ Кокошиловѣ говорится въ жалобѣ, что «людямъ его раздавали по полтинѣ и по рублю, а самому рублей по пяти и по шести деньгами, кромѣ гостинцевъ, меду и рыбы, да еще бы рыба была живая, да женѣ его переносятъ гостинцевъ мыломъ и ягодами на рубль и больше, а если не дать людямъ, никакими мѣрами на дворъ не пустятъ.» Кромѣ того несчастные священники терпѣли страшное униженіе отъ мірскихъ людей, особенно отъ тогдашняго грубаго боярства. «Если и придется кому заплатить за безчестье попа, или дьякона», сказано въ жалобѣ госу-

дарю, «то бояться нечего, потому что, *по благому совѣту бояръ твоихъ*, безчестье положено тяжкое Мордвину, Черемисину, попу—пять рублей, да четвертая собака пять же рублей! и нынѣ похвальное слово у небоящихся Бога дворянъ и боярскихъ людей: бей попа, что собаку, лишь бы живъ былъ, да кинь пять рублей. Иноземцы удивляются, а иные плачутъ, что такъ обезчещенъ чинъ церковный!» Вотъ слѣды того унизительнаго положенія нашего бѣлаго духовенства, того дикаго до безнравственности отношенія къ нему народа, которое, по несчастію, замѣчается и въ наше время, какъ роковое наслѣдіе почтенной древности! Всѣ эти обвиненія не прямо касались Никона,—тяжкіе поборы были введены еще при его предшественникѣ, униженіе духовенства было дѣломъ «благаго совѣта бояръ»; но Никонъ былъ виноватъ здѣсь уже тѣмъ, что при своемъ значеніи, при своей силѣ у царя, не позаботился облегчить такое положеніе духовенства, тогда какъ занимался дѣлами, которыя не входили въ кругъ его прямыхъ обязанностей. Въ жалобѣ онъ обвиняется собственно за то, что уничтожилъ прежнюю общительность между верховнымъ святителемъ и подчиненнымъ ему духовенствомъ, что, «возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко, что принялъ обычай строить бранныя потребы, что̀ не святительское дѣло,—принялъ власть строить вмѣсто евангелія бердыши, вмѣсто креста топорки на помощь государю, на бранныя потребы». Надобно прибавить къ этому неудовольствіе противъ Никона приверженцевъ стараго порядка вещей, старыхъ церковныхъ книгъ и обрядовъ, за исправленіе которыхъ Никонъ принялся съ обычной энергіей,—неудовольствіе людей, у которыхъ были единомышленники и въ простомъ народѣ и при царскомъ дворѣ,—чтобы понять, какая ог-

ромная коалиція составилась противъ Никона и стала между нимъ и его другомъ-царемъ. Могъ ли Алексѣй Михайловичь, съ его мягкимъ, довѣрчивымъ характеромъ, не подчиниться вліянію всѣхъ этихъ людей, которые въ одинъ голосъ говорили ему, что царской власти уже не слыхать въ государствѣ, что великій государь патріархъ сильнѣе великаго государя царя и т. п. «Когда Алексѣй Михайловичь окончательно повѣрилъ всѣмъ этимъ внушеніямъ — неизвѣстно», говоритъ намъ историкъ; «очень можетъ быть, что и самъ онъ не умѣлъ въ точности опредѣлить этой печальной для него минуты, когда послѣдняя, можетъ быть ничтожная капля упала въ сосудъ и переполнила его. Любовь и нелюбье подкрадываются не замѣтно и овладѣваютъ душою; человѣкъ увѣренъ, что онъ все еще любитъ, или что все еще хладнокровенъ, пока наконецъ какое-нибудь ничтожное обстоятельство не вскроетъ состоянія души, давно уже приготовленнаго. По природѣ своей и по прежнимъ отношеніямъ къ патріарху царь не могъ рѣшиться на прямое объясненіе, на прямой разсчетъ съ Никономъ; онъ былъ слишкомъ мягокъ для этого, и предпочелъ бѣгство, онъ сталъ удаляться отъ патріарха. Никонъ замѣтилъ это и, также по природѣ своей и по положенію, къ которому привыкъ, не могъ идти на прямое объясненіе съ царемъ и впередъ сдерживаться въ своемъ поведеніи. Холодность и удаленіе царя прежде всего раздражили Никона, привыкшаго къ противному; онъ считалъ себя обиженнымъ и не хотѣлъ снизойти до того, чтобъ искать объясненія и кроткими средствами уничтожить нелюбье въ самомъ началѣ. По этимъ побужденіямъ Никонъ также удалялся и тѣмъ давалъ врагамъ своимъ полную свободу дѣйствовать, все болѣе и болѣе вооружать противъ него государя».

И такъ, вскорѣ по возвращеніи царя изъ польскаго похода, отношенія двухъ друзей сдѣлались очень натянуты; надобно было ожидать взрыва накопившихся въ томъ и другомъ неудовольствій. Враги Никона сторожили удобную минуту чтобы подложить искру и зажечь вождѣленную для нихъ вражду между царемъ и патріархомъ. Благопріятный случай къ тому представился скоро.

Лѣтомъ 1658 г., по случаю пріѣзда въ Москву грузинскаго царевича Теймураза, во дворцѣ былъ обѣдъ, на который, противъ обыкновенія, Никонъ приглашенъ не былъ. Окольничій Богданъ Матвѣичь Хитровъ, очищавшій въ толпѣ народа путь для царевича, ударилъ палкой, между прочимъ, патріаршаго боярина, присланнаго сюда зачѣмъ-то отъ Никона, — по словамъ Паисія, высмотрѣть, что тутъ дѣлается. Быть можетъ, Богданъ Матвѣичь сдѣлалъ это безъ особеннаго намѣренія, просто по доброму обычаю стараго времени надѣлять ударами каждаго, кто слишкомъ выдвинится изъ толпы на какомъ-нибудь парадѣ; но бояринъ не смолчалъ, сказалъ Хитрову, чтобы тотъ не смѣлъ драться, что онъ здѣсь недаромъ, не изъ простаго любопытства, а присланъ за дѣломъ отъ патріарха. Этимъ именемъ бояринъ, конечно, надѣялся смутить окольничаго; но то время, когда одно имя Никона возбуждало страхъ, миновалось. Богданъ Матвѣичь во все не испугался; напротивъ, былъ доволенъ, что представился удобный случай показать Никону, что онъ не такъ страшенъ теперь, какъ прежде: патріаршій бояринъ получилъ отъ него новый палочный ударъ съ наставленіемъ, чтобы не слишкомъ чванился. Это было уже, такимъ образомъ, сознательное, намѣренное оскорбленіе патріарха въ лицѣ его боярина. Такъ именно и понялъ это дѣло Никонъ. Онъ написалъ собственноручно пись-



мо къ государю, требовалъ суда за оскорбленіе своего боярина. Царь отвѣтилъ, что самъ увидится съ патріархомъ и поговоритъ объ этомъ дѣлѣ;—но свиданія не было и удовлетворенія никакого не дано. Впослѣдствіи на соборѣ, царь оправдывался, что не далъ суда патріарху по недосугамъ, по причинѣ занятія государственными дѣлами; но прежде подобныя дѣла не мѣшали царю видаться съ патріархомъ,—да и чего стоило въ тогдашнее время учинить расправу съ какимъ-нибудь окольничимъ! Очевидно, Хитровъ принадлежалъ къ партіи враждебныхъ Никону бояръ, и дѣйствовалъ сильно разсчитывая на ихъ поддержку; они-то, безъ сомнѣнія, и не допустили царя до свиданія съ Никономъ. Предстояла возможность скоро увидѣться съ царемъ на двухъ приближавшихся праздникахъ: 8 іюля былъ праздникъ въ Казанскомъ соборѣ, на которомъ царь обыкновенно присутствовалъ и участвовалъ въ крестномъ ходѣ; но Алексѣй Михайловичь не пришелъ не къ одной службѣ въ Казанскій соборъ; наступилъ другой, еще болѣе торжественный праздникъ, 10 іюля, въ память принесенія изъ Персіи въ Москву ризи Господней; въ этотъ праздникъ государь всегда слушалъ вечерню, утренію и обѣдню въ Успенскомъ соборѣ; но на этотъ разъ онъ прислалъ къ патріарху князя Юрія Ромодановскаго сказать, чтобъ его не ждали ни къ одной службѣ. Все это было явнымъ знакомъ царскаго неудовольствія; да князь Юрій и не скрывалъ отъ Никона, что царское величество на него гнѣвенъ и гнѣвенъ за то, зачѣмъ онъ называетъ себя великимъ государемъ. Никонъ сталъ защищаться; но Ромодановскій сказалъ ему рѣшительно, царскимъ словомъ, чтобы «впередъ онъ не смѣлъ называться и писаться великимъ государемъ и что царь почитать его впередъ не будетъ». Трудно до-

пустить, чтобы Ромодановскій рѣшился говорить такія слова отъ себя, не получивъ на самомъ дѣлѣ порученія отъ царя. Если же такъ, то очевидно, что государь сказалъ свое царское слово въ минуту большаго неудовольствія на прежняго друга, въ минуту сильнаго нелюбья. Съ другой стороны, въ отношеніи къ Никону, слова эти имѣли дѣйствіе той искры, которая должна была воспламенить и вызвать наружу всѣ непріятныя чувства, которыя накопились въ душѣ его въ послѣднее время. Правда, отъ него еще зависѣло дать дѣлу то или другое направленіе, — смириться предъ государемъ и съ христіанской кротостью перенести личное оскорбленіе, чтобы сохранить миръ церкви и государства, или—отстаивать свое личное достоинство, свои личныя права, полученныя отъ самаго государя. На первое Никонъ не могъ рѣшиться по своему характеру, особенно послѣ свиданія съ Ромодановскимъ; онъ рѣшился на послѣднее. Но теперь надобно было подумать, какъ сохранить за собою неприкосновенность власти и чести. Никонъ избралъ для этого слишкомъ рѣшительное средство, которое, противъ его ожиданія, окончательно сгубило его, — онъ рѣшился торжественно, въ церкви, отречься отъ патріаршества. По всей вѣроятности, онъ не думалъ совсѣмъ оставить патріаршую каѳедру, а надѣялся только своимъ отреченіемъ смутить царя, скорѣе подвинуть его на объясненіе и съ полнымъ для себя торжествомъ возстановить прежнія отношенія съ государемъ. Впослѣдствіи, на вопросъ друзей: для чего сошелъ съ патріаршества и думаетъ ли возвратиться на свою каѳедру? — онъ отвѣчалъ прямо, что «сшелъ съ сердца, а снова ему для чего не быть патріархомъ». Однакожь преданные ему люди говорили ему напередъ, что его намѣреніе слишкомъ смѣло и опасно. Утромъ 10

іюля, послѣ свиданія съ Ромодановскимъ, онъ сказалъ, что хочетъ сойти съ патріаршества, своему дьяку, Калитину. Тотъ сталъ отсовѣтывать. Никонъ его не послушалъ. Калитинъ поспѣшилъ увѣдомить объ этой новости боярина Зюзина, одного изъ близкихъ къ Никону людей. Зюзинъ хорошо понимая, какъ далеко долженъ повести такой смѣлый шагъ, на который отваживался Никонъ, велѣлъ Калитину сходить еще разъ къ патріарху и отъ его имени сказать, «чтобы онъ отъ такого дерзновенія престалъ и великаго государя не гнѣвалъ, и что буде пойдетъ не разсудно и не размысля, дерзко, то впередъ, хотя бы и захотѣлъ возвратиться, будетъ поздно, и за такое дерзновеніе надобно ожидать великаго государева гнѣва». Благоразумный совѣтъ преданнаго ему боярина, по видимому, поколебалъ нѣсколько рѣшимость Никона: «отъ твоихъ словъ онъ усумнился было», разсказывалъ послѣ Зюзину Калитинъ, «и сталъ было писать, и немного написавъ, разодралъ и сказалъ: иду-де!»

Патріархъ служилъ свою послѣднюю литургію въ Успенскомъ соборѣ весьма торжественно: надѣлъ саккосъ чудотворца Петра и омофоръ «шестаго собора»; при служеніи находилось много духовныхъ властей; стеченіе народа было большое. Во время службы въ олтарѣ нѣкоторые уже говорили, что патріархъ хочетъ сойти съ патріаршества. Иподіаконъ Иванъ Тверицынъ, который утромъ купилъ для патріарха простую ключку, «что попы носятъ», сказалъ объ этомъ иподіакону Матвѣю. Во время причастна патріархъ приказалъ ключарю поставить сторожей у выходныхъ дверей, чтобы народъ не пускали изъ церкви, потому что онъ намѣренъ говорить поученіе. Дѣйствительно, въ обычное время Никонъ вышелъ на амвонъ и сталъ читать народу слово Златоуста, въ кото-

ромъ говорилось о высокомъ назначеніи пастырскаго служенія и о томъ, какое зло бываетъ для церкви, когда пастырь не искусенъ пасти стадо; потомъ, непрерывая теченія мыслей, онъ сталъ не читать уже, а «говорить рѣчью, на люди смотря», что онъ именно такой не искусный пастырь, не хорошо пасъ ихъ и не умѣетъ пасти, что по этому онъ больше не будетъ патріархомъ и чтобы они впередъ его патріархомъ не считали. При этихъ словахъ въ церкви произошло смятеніе, поднялся шумъ, такъ «что въ тѣснотѣ великой рѣчей патріарха нельзя было разслушать», что̀ именно и какъ говорилъ онъ дальше. Впослѣдствіи, когда происходили допросы объ отреченіи патріарха (всѣхъ сказокъ было взято по этому случаю болѣе 60), митрополитъ крутицкій Питиримъ показалъ, будто Никонъ говорилъ, что если помыслитъ впередъ быть патріархомъ, то пусть будетъ анаѳема; но никто изъ остальныхъ свидѣтелей не подтвердилъ этого показанія, — одни говорили, что совсѣмъ не слыхали, другіе не помнятъ, чтобы патріархъ произносилъ клятву, особенно, чтобы говорилъ: буду анаѳема. Еще ризничій патріаршій Іовъ показалъ, будто Никонъ говорилъ въ своей рѣчи, что его называли иконоборцемъ за то, что отбиралъ нѣмецкія иконы, а онъ не иконоборецъ, — называли еретикомъ за то, что правитъ книги, и хотѣли побить камнями; прочіе свидѣтели не подтвердили и этого показанія, да и самъ Іовъ сознался, что не помнитъ хорошо, гдѣ и когда говорилъ это Никонъ, въ церкви ли при отреченіи, или прежде въ другомъ мѣстѣ. Произнесши отреченіе Никонъ сталъ разоблачаться, — снялъ митру, омофоръ, саккосъ; власти его отговаривали, чтобы не дѣлалъ этого, а когда принесли ему мѣшокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ, всѣмъ соборомъ это платье у него отняли. Никонъ въ одномъ подризникѣ

ушелъ въ ризницу; здѣсь написалъ письмо къ государю, потомъ надѣлъ мантію съ источниками и черный клобукъ, взялъ простой «одноротный» посохъ и вышелъ изъ олтаря. Народъ окружилъ его и сказалъ, что безъ государева указа изъ собора его не отпуститъ. Никонъ дошелъ до амвона, что по срединѣ церкви, на которомъ облачаются архіереи и «сѣлъ на послѣдней ступени къ западнымъ дверямъ лицомъ».

Между тѣмъ митрополиты Питиримъ крутицкій и Михаилъ сербскій, съ другими властями, пошли на верхъ къ государю извѣстить его о томъ, что случилось въ Успенскомъ соборѣ. Выслушавъ ихъ, царь сказалъ, что онъ «какъ будто спитъ съ открытыми глазами и все это видитъ во снѣ». Для объясненія съ патріархомъ онъ отправилъ въ соборъ боярина князя Трубецкаго да окольничьяго Родіона Стрѣшнева. Какого рода объясненіе происходило у нихъ съ патріархомъ, извѣстія объ этомъ разнорѣчивы, хоть и много было свидѣтелей ихъ разговора. Нѣкоторые изъ этихъ свидѣтелей довольно уклончиво сказали, что «утѣсненія ради народнаго рѣчей ихъ не слыхали». Самъ князь Трубецкой въ своей сказкѣ показалъ, что дѣло происходило такъ: онъ спросилъ Никона — «для чего патріаршество оставляетъ, не посовѣтовавъ съ великимъ государемъ, и отъ чьего гоненія и кто его гонитъ?—и чтобы онъ патріаршества не оставлялъ и былъ по прежнему.» Патріархъ отвѣчалъ «оставилъ я патріаршество собою, а не отъ чьего и не отъ какого гоненія, и государева гнѣва никакого на меня не бывало»; потомъ патріархъ вручилъ князю письмо и велѣлъ подать великому государю, да приказалъ бить челомъ государю, чтобъ пожаловалъ ему келью. «И я» пишетъ Трубецкой далѣе, «про то про все великому государю извѣстилъ и великій

государь послалъ меня къ патріарху въ другой разъ и велѣлъ ему говорить, чтобъ онъ патріаршество не оставлялъ и былъ по прежнему, а келій на патріаршемъ дворѣ много, въ которой хочетъ въ той и живи; и письмо я ему отдалъ»; и патріархъ Никонъ сказалъ: «ужъ-де я слова моего неперемѣню и давно-де у меня о томъ обѣщаніе, что патріархомъ мнѣ не быть — и пошолъ изъ соборной церкви вонъ». Питиримъ и Михаилъ сербскій показали въ сущности согласно съ княземъ Трубецкимъ. Но самъ Никонъ, въ письмѣ къ патріарху константинопольскому Діонисію передаетъ дѣло иначе. По его словамъ, на вопросъ Трубецкаго: куда и зачѣмъ идетъ? — онъ отвѣчалъ, что «даетъ мѣсто гнѣву царскаго величества (тоже писалъ онъ и въ письмѣ, которое вручилъ Трубецкому для передачи государю), что безъ правды царскаго величества синклитъ, бояре и всякіе люди церковному чину всякія обиды творятъ, а сыску и управы царское величество не даетъ, а о чемъ мы жалуемся, и онъ гнѣвается на насъ»; кромѣ того онъ писалъ, что тогда же «предъ множествомъ народа бояре укоряли его, зачѣмъ назвалъ себя великимъ государемъ и во многія государственныя дѣла вступается, и говорили, чтобы впередъ великимъ государемъ не назывался и въ государственныя дѣла не вступался». Присутствіе Родіона Стрѣшнева, одного изъ самыхъ жестокихъ враговъ Никона, располагаетъ вѣрить, что царскіе посланные, дѣйствительно, повторили патріарху тотъ упрекъ, который утромъ того дня онъ уже слышалъ (и такъ неравнодушно) отъ князя Ромодановскаго; притомъ, тéперь была такая рѣшительная минута для Никона и его противниковъ, что послѣдніе не могли не понять, какъ выгодно было для ихъ собственнаго дѣла поддержать раздраженіе патріарха, — подст-

рекнуть его идти смѣлѣе по тому опасному пути, на который самъ онъ, противъ ихъ ожиданія, но къ особенному ихъ удовольствію, такъ неосторожно рѣшился вступить. Послѣ объясненія съ царскими посланными Никону ничего не оставалось болѣе, «какъ изъ соборной церкви пойти вонъ»; онъ отправился пѣшкомъ на Ильинку, на подворье Воскресенскаго монастыря.

Такимъ образомъ, если Никонъ разсчитывалъ своимъ торжественнымъ отреченіемъ отъ патріаршества вызвать царя на объясненіе и полное примиреніе, которое было бы такимъ торжествомъ для него, то онъ долженъ былъ горько разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ: «царь не пришелъ для объясненія съ нимъ въ Успенскій соборъ, не умолялъ остаться, не просилъ торжественно прощенія; сцена, происходившая при избраніи Никона на патріаршество, не повторилась». Кажется, впрочемъ, онъ еще думалъ, что его дѣло не проиграно; что царь одумавшись, помирится съ нимъ, не допуститъ его оставить патріаршество тѣмъ болѣе, что, по его словамъ, «царское величество прислалъ ему сказать (на подворье), чтобы не видясь съ нимъ не отходилъ». Въ этихъ ожиданіяхъ Никонъ около трехъ дней прожилъ на подворьѣ. Но время проходило, а отъ царя не было никакихъ вѣстей. Никонъ увидѣлъ, что ждать ему больше нечего и рѣшился уѣхать изъ Москвы. Онъ отправился въ свой Воскресенскій монастырь.

II.

Какъ только патріархъ Никонъ прибылъ въ Воскресенскій монастырь, вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ туда по царскому указу тотъ же бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой съ дьякомъ Ларіономъ Лопухинымъ. Имъ прика-

зано было спросить Никона: «зачѣмъ онъ, недоложа великому государю и неподавъ ему благословенія, поѣхалъ съ Москвы скорымъ обычаемъ?» Это посольство и этотъ вопросъ не могли не удивить Никона послѣ того, какъ въ Москвѣ онъ около трехъ сутокъ напрасно ожидалъ какого-нибудь распоряженія отъ государя и обѣщаннаго имъ указа объ отъѣздѣ; какъ будто нарочно выжидали, когда онъ самъ уѣдетъ изъ Москвы, чтобы имѣть возможность потребовать у него отвѣта за самовольный отъѣздъ. Это онъ и далъ, очень осторожно впрочемъ, замѣтить государю въ письмѣ, которое послалъ съ самимъ Трубецкимъ, или вслѣдъ за нимъ; «по отшествіи вашего боярина Алексѣя Никитича съ товарищами», писалъ онъ, «ждалъ я отъ васъ, великихъ государей, по моему прошенію милостиваго указа, но не дождался, и многихъ ради болѣзней своихъ велѣлъ отвезти себя въ Воскресенскій монастырь». Кромѣ того, онъ говорилъ Трубецкому, что «уѣхалъ не въ дальнее мѣсто и буде царское величество на милости преложится, опять будетъ». Но князю Трубецкому не было приказано звать патріарха въ Москву; напротивъ ему поручено было сказать Никону, «чтобы подалъ благословеніе великому государю, государынѣ-царицѣ и ихъ дѣтямъ, и чтобы благословилъ того, кому изволитъ Богъ быть на его мѣстѣ патріархомъ, а пока патріарха нѣтъ, благословилъ бы вѣдать церковь крутицкому митрополиту». На эти предложенія, которыя такъ прямо вели къ рѣшенію его участи, Никонъ отвѣчалъ съ замѣчательнымъ въ его положеніи спокойствіемъ и покорностію. Онъ сказалъ, что великимъ государямъ посылаетъ благословеніе свое и прощеніе, что благословляетъ и того, кому Богъ изволитъ быть на его мѣстѣ патріархомъ, и даже челомъ бьетъ государю, чтобы поспѣшилъ избрані-

емъ ему преемника, чтобы церковь Божія невдовствовала и безъ пастыря не была, что, наконецъ, благословляетъ и крутицкаго митрополита вѣдать церковныя дѣла до избранія новаго патріарха; о себѣ же повторилъ, и съ клятвою, что патріархомъ быть не хочетъ. Такъ передаетъ отвѣтъ Никона князь Трубецкой въ своемъ донесеніи государю. Собственное письмо Никона къ царю отличается такимъ же спокойнымъ и миролюбивымъ характеромъ, какъ и приведенный разговоръ съ Трубецкимъ, хотя въ немъ не упоминается ни о преемникѣ, ни о блюстителѣ патріаршаго престола; въ письмѣ этомъ онъ называетъ себя бывшимъ патріархомъ и униженно проситъ у государя прощенія: «второе и третіе и многажды множицею прошу, Господа Бога ради, простите мя и не поминайте ми много моего согрѣшенія; вѣмъ, о вѣмъ, яко много и премного много къ вамъ государемъ мое согрѣшеніе и велико зѣло, ему же, ей ей, во истину нѣсть числа». Вскорѣ послѣ этого, пріѣзжалъ къ Никону стольникъ Иванъ Милославскій и говорилъ ему по государеву указу, что волею Божіей изнемогаетъ бояринъ Борисъ Ивановичь Морозовъ и чтобы патріархъ простилъ его, если была на него какая досада. По этому случаю Никонъ другой разъ писалъ къ государю и все въ томъ же спокойномъ и смиренномъ расположеніи духа. Вообще, онъ какъ будто примирился съ своимъ положеніемъ, и, отрекшись отъ патріаршества, рѣшился спокойно ожидать въ своемъ Воскресенскомъ монастырѣ окончанія дѣла, даже желалъ, чтобы оно кончилось скорѣе. Въ какой мѣрѣ искренно и твердо было въ немъ такое расположеніе духа, это могли бы показать послѣдствія,—когда бы именно дошло до самаго дѣла, когда бы царь, по согласію и по желанію самого Никона, сталъ дѣйствительно избирать ему преемника

и при этомъ потребовалось бы рѣшить, какую степень участія нужно дозволить въ настоящемъ случаѣ прежнему патріарху, въ какія отношенія поставить его къ новому, какія предоставить ему права и тому подобные слишкомъ близкіе и важные для Никона вопросы. Впослѣдствіи, когда пришлось наконецъ рѣшать ихъ, сплелось уже такъ много разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ, сильно раздражившихъ и царя Алексѣя Михайловича и патріарха Никона, что та и другая сторона не могли спокойно и безпристрастно относиться къ дѣлу. Но теперь было благопріятное и законное время требовать отъ Никона, чтобы онъ на самомъ дѣлѣ показалъ, дѣйствительно ли смирился и готовъ пожертвовать собою для мира церкви, отказавшись отъ всѣхъ правъ своихъ въ пользу новаго патріарха, на избраніе котораго самъ онъ изъявлялъ согласіе и желаніе; или же, если бы оказалось противное, подвергнуть его всей строгости церковнаго суда, что̀ сдѣлано было бы съ большею законностію, нежели какъ случилось это впослѣдствіи. Въ томъ и другомъ случаѣ не былъ бы нарушенъ такъ надолго миръ церкви и не произошло бы такихъ соблазнительныхъ и прискорбныхъ событій, какія представляетъ дальнѣйшая исторія Никонова дѣла.

Но дѣлу этому не суждено было кончиться въ то время, когда по видимому, такъ удобно и законно было бы его кончить. Миролюбивыя письма Никона, въ которыхъ онъ такъ смиренно умолялъ о прощеніи, тронули кроткое сердце Алексѣя Михайловича; старая пріязнь оживала; ему стало жалко Никона,—запало раздумье, не слишкомъ ли строго и теперь уже поступлено съ нимъ, дѣйствительно ли виноватъ онъ и не лучше ли возстановить то, что было прежде,—словомъ; царь медлилъ избраніемъ

новаго патріарха, а между тѣмъ началъ съ Никономъ сношенія, напоминавшія прежнюю ихъ искренность. Это колебаніе царя, съ явнымъ расположеніемъ въ пользу Никона, имѣло печальныя послѣдствія и для него самого и для патріарха. Въ Никонѣ оно оживило опасную надежду снова возвратиться къ управленію дѣлами, и тѣмъ легче, что быть можетъ онъ и не оставлялъ совершенно этой надежды,—а между тѣмъ нужно было горько разочароваться въ ней, и при томъ очень скоро. Еще сильнѣе это расположеніе царя къ примиренію съ Никономъ должно было подѣйствовать на противниковъ патріарха, для которыхъ возстановленіе Никона было бы страшнымъ ударомъ,—оно побуждало ихъ употребить всѣ усилія, чтобы опять склонить царя въ противную сторону, и самое дѣло Никона повести такъ, чтобы оно кончилось не просто избраніемъ новаго патріарха вмѣсто стараго, да еще съ усвоеніемъ этому послѣднему какихъ-нибудь правъ, — но совершеннымъ низложеніемъ Никона, ибо хорошо понимали, что только въ такомъ случаѣ можетъ быть не опасенъ человѣкъ, подобный Никону. Какъ дѣйствовали они въ это время,—(а дѣйствовать противъ Никона въ его отсутствіи было такъ не трудно!), объ этомъ мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній. Только письма самого Никона къ царю знакомятъ насъ съ происками и успѣхами противной ему партіи при дворѣ. Изъ писемъ этихъ узнаемъ, что самъ царь присылалъ къ нему какого-то князя Юрья сказать, что только онъ, да этотъ князь Юрій добры до него, и что, значитъ, самъ царь сознавалъ какъ всѣ окружающіе его не добры до Никона, подыскиваются подъ него; узнаемъ также, что эти не добрые до Никона бояре передавали царю разныя рѣчи Никона въ извращенномъ видѣ, «что онъ сказалъ смиренно, то повѣдали гордо, что

сказалъ благохвально, то повѣдали хульно»; узнаемъ, что они наговаривали государю, будто Никонъ разстратилъ патріаршую казну и много взялъ съ собою, что они склонили царя распоряжаться церковными дѣлами и осмотрѣть вещи патріарха и его тайный архивъ. Очевидно, о всемъ этомъ Никонъ получалъ подробныя извѣстія; эти извѣстія тяжело падали на его душу, особенно послѣ того, какъ ласковыя рѣчи царя, чрезъ разныхъ посланныхъ, возбудили въ немъ надежду на возстановленіе прежнихъ близкихъ отношеній съ царемъ, надежду, которой такъ противорѣчили всѣ эти слухи изъ Москвы: и вотъ мирнаго и кроткаго расположенія духа, которое посѣтило было Никона, какъ не бывало; вмѣсто прежнихъ, до упиженія смиренныхъ, писемъ съ просьбами о прощеніи, онъ пишетъ царю обличительныя посланія въ свою защиту и въ защиту своихъ правъ. Онъ не могъ уже равнодушно перенести даже такого ничтожнаго обстоятельства, что объ немъ забыли во время праздника въ день рожденія царевны Анны Михайловны, — не прислали ничего съ царской трапезы, на которую, по обычаю, приглашены были власти и бояре: этотъ случай, какъ и вообще подобныя мелочи, слишкомъ живо напоминалъ ему прежнее время, когда былъ онъ почетнѣйшимъ гостемъ за царской трапезой, и слишкомъ живо давалъ чувствовать, что это время теперь миновалось. Онъ самъ писалъ государю: «былъ я нѣкогда единотрапезенъ съ тобою,—не стыжусь этимъ похвалиться и забыть этого скоро не могу; а теперь я одинъ, какъ песъ, лишенъ вашей богатой трапезы. Пишу это не потому, что хлѣба лишаюсь, но потому, что хотѣлось милости и любви отъ тебя, великаго государя». Понятно послѣ этого, какое впечатлѣніе должны были произвести на него извѣстія о такихъ крупныхъ обидахъ, какъ обвиненіе въ

разстратѣ казны, вмѣшательство свѣтскихъ въ духовныя дѣла, осмотръ его келій и бумагъ. Никонъ, въ письмѣ къ государю, горько жаловался на эти обиды и выражался тѣмъ рѣзкимъ и смѣлымъ языкомъ, какимъ обыкновенно говорилъ въ минуты душевнаго волненія, и которому придавало теперь еще болѣе силы сознаніе правоты своего дѣла. Съ особеннымъ негодованіемъ писалъ онъ объ осмотрѣ, произведенномъ въ его кельяхъ. «Слышу я, что пересмотрѣны худыя мои и смиренныя вещи, оставшіяся въ кельи, пересмотрѣны письма,—а въ нихъ много тайнъ, которыхъ никому изъ мірскихъ людей не слѣдуетъ знать, потому что я былъ избранъ, какъ первосвятитель, и много вашихъ государевыхъ тайнъ имѣю у себя,—также много писемъ отъ другихъ людей, въ которыхъ открывали мнѣ тайные грѣхи, требуя разрѣшенія; этого никому не должно знать и даже тебѣ. Дивлюсь, какъ ты дошелъ до такого дерзновенія! Прежде ты боялся произнести судъ надъ простымъ церковнымъ причетникомъ, а теперь захотѣлъ видѣть грѣхи и тайны того, кто былъ пастыремъ всего міра, и не только самъ видѣть, но и мірскимъ объявить.... Убойся, государь, глаголющаго: еже себѣ не хощеши, инѣмъ не твори; а хочешь ли ты, чтобы свои тайны, противъ твоей воли, узнавали другіе?» * Царь Алексѣй Михайловичъ не могъ не признать справедливости Никоновыхъ жалобъ; но съ другой стороны рѣзкій тонъ письма, смѣлыя и неумѣренныя обличенія не могли не огорчить его; онъ самъ признавался приближеннымъ людямъ, какъ сильно «оскорбляютъ и досадуютъ его жестокія письма» Никона. Такимъ образомъ новое письмо Никона, вызванное непріятными слухами изъ Москвы и такъ мало походившее

---

* Письмо это, въ полномъ видѣ, помѣщаемъ въ приложеніи 1.

на прежнія его письма, изгладило добрыя впечатлѣнія, произведенныя на царя этими послѣдними; возвращавшаяся пріязнь къ старому другу снова уступила мѣсто недавнему нелюбью, по крайней мѣрѣ онъ чувствовалъ, что идти далѣе на мирные переговоры съ Никономъ было бы теперь не удобно и оскорбительно для собственной чести.

Враги Никона, устроившіе все это, торжествовали: имъ удалось разрушить возобновлявшіяся добрыя отношенія между царемъ и патріархомъ; мало этого, они успѣли поселить между ними новыя неудовольствія, и взаимныя отношенія ихъ сдѣлать затруднительнѣе и запутаннѣе прежняго. Время между тѣмъ проходило. Царь находился подъ вліяніемъ бояръ, и хоть все еще не рѣшался приступить къ избранію новаго патріарха, но уже не дѣлалъ попытокъ и къ сближенію съ Никономъ; Никону въ свою очередь труднѣе было теперь возвратить прежнее спокойствіе,— его положеніе становилось безвыходнѣе и теперь-то особенно явились тѣ внутреннія искушенія, для борьбы съ которыми нужна была такая нравственная сила, которой не было въ характерѣ Никона. Напрасно онъ думалъ подавить поднимавшуюся внутри его бурю суровыми аскетическими подвигами, даже усиленными физическими трудами, раздѣляя ихъ съ работавшими при постройкѣ Воскресенскаго монастыря.

Наступилъ новый 1660-й годъ; прошли осень и зима; дѣла находились все въ томъ же нерѣшительномъ, натянутомъ положеніи. Въ концѣ марта случилось обстоятельство, которое сильно раздражило Никона. Его извѣстили, что въ недѣлю Ваій, Питиримъ, митрополитъ крутицкій, совершилъ извѣстный торжественный обрядъ вербнаго воскресенья, т. е. ѣздилъ на осляти. Исполненіе этого «дѣйства» Никонъ почиталъ исключительнымъ правомъ

патріарха, поставленнаго изображать собою лице Спасителя, и въ поступкѣ Питирима видѣлъ незаконное присвоеніе правъ патріаршихъ, и именно его собственныхъ правъ, такъ какъ онѣ еще не взяты у него избраніемъ новаго патріарха. По этому случаю онъ написалъ государю письмо, въ которомъ высказалъ свой взглядъ на дѣло. О Питиримѣ онъ выражался весьма рѣзко,—говорилъ, что онъ «дерзнулъ олюбодѣйствовать сѣдалище великаго архіерея всея Руси», позволивъ себѣ то, на что никогда не былъ благословленъ, или утвержденъ грамотою, и что по этому онъ едва ли достоинъ теперь «святительская дѣяти»; Никонъ писалъ также, что удивляется и великому государю, какъ онъ допустилъ безъ священнаго собора обезчестить такое священное дѣло,—впрочемъ, прибавлялъ онъ въ заключеніе, «если съ твоей воли, великій государь, сдѣлалось это, Богъ тебя проститъ; только впредь, Господа ради, воздержись брать на себя то, что не въ твоей власти». Нѣтъ сомнѣнія, что Питиримъ совершилъ обрядъ по согласію и по желанію государя; только государь смотрѣлъ на дѣло не такъ строго, какъ Никонъ,—право ѣздить на осляти не почиталъ исключительнымъ правомъ патріарха, и тѣмъ больше могъ усвоить его Питириму, что самъ же Никонъ благословилъ его вѣдать церковныя дѣла въ отсутствіе патріарха. И такъ государь нашелъ удобнымъ и нужнымъ потребовать отъ Никона объясненія по поводу письма его,—какъ могъ онъ сказать, что нѣкто олюбодѣйствовалъ престолъ великаго архіерея всея Руси. Для объясненій отправились въ Воскресенскій монастырь думный дворянинъ Прокофій Елизаровъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ. Они говорили Никону царскимъ словомъ, что онъ оставилъ патріаршество и самъ извѣщалъ государя, что «патріархомъ не

будетъ, а дѣла ему до архіерейскаго чину и ни до чего нѣтъ», и что теперь, оставя паству, ему не доводилось бы писать къ великому государю то, что писалъ о дѣйствѣ святой недѣли ваій, называя его прелюбодѣйствомъ; «а то дѣйство учинилъ митрополитъ съ повелѣнія великаго государя, по прежнимъ примѣрамъ: въ прежнія времена, до патріарховъ и межъ патріарховъ, о ваіи дѣйствовали митрополиты крутицкіе, потому что они всегда на Москвѣ подобно, что намѣстники патріарховы; о Питиримѣ же самъ онъ Никонъ, чрезъ князя Алексѣя Никитича извѣщалъ государя, что благословляетъ его всѣ церковныя дѣла вѣдать и исправлять.» При этомъ напомнили Никону, что тогда же онъ благословилъ великаго государя вмѣсто него избрать священнымъ соборомъ новаго патріарха, и извѣщалъ, что самъ возвратиться на архіерейскій престолъ николи не помыслитъ. Противъ такихъ резонныхъ замѣчаній Никону отвѣчать было трудно; его притязаніе было слишкомъ мелочно, чтобъ можно было сказать что нибудь серьозное въ его защиту. Онъ повторилъ только, что «первый архіерей во образъ Христа и потому прилично ему одному изображать Христа въ обрядѣ ваій, а прочіе митрополиты, архіепископы и епископы въ образъ учениковъ и апостоловъ и на Господне сѣдалище дерзати имъ не достоитъ; о прежнихъ примѣрахъ до патріарховъ и межъ патріарховъ онъ замѣтилъ, что тогда дѣлалось «невѣденіемъ». Но ему сдѣлали на это весьма сильное возраженіе,—что «когда онъ былъ новгородскимъ митрополитомъ, то въ недѣлю ваій тоже совершалъ дѣйство, да и когда былъ на Москвѣ патріархомъ, въ Казани и Новѣгородѣ митрополиты совершали же дѣйство: отъ чего же онъ тогда не исправилъ, если это было незаконно? а нынѣ оставя паству свою, недоводилось бы ему о такихъ дѣ-

лахъ и поминать». Никонъ могъ отвѣтить только, что самъ онъ въ Новѣгородѣ дѣйствовалъ также по невѣденію, а бывши патріархомъ исправить того не успѣлъ во многихъ суетахъ. Вообще онъ защищался слабо,—и думные люди сказали ему рѣшительно, чтобы «впредь къ великому государю о духовныхъ дѣлахъ онъ не писалъ, что онъ паству свою оставилъ и патріарха на свое мѣсто избрать благословилъ, потому и не годится ему въ тѣ дѣла вмѣшиваться и смущать царя своими письмами». На это Никонъ могъ уже отвѣчать съ обычной ему силою. «Я ни за какія вины отъ церкви не отлученъ», сказалъ онъ съ достоинствомъ, «паству оставилъ своею волею, а попеченія о истинѣ не оставилъ, и впредь, коль услышу о какомъ духовномъ дѣлѣ, требующемъ исправленія, молчать не стану. Въ прежнія времена, прибавилъ онъ, и пустынники говорили царямъ греческаго царствія о исправленіи духовныхъ дѣлъ». Посланные замѣтили только, что напрасно онъ указываетъ на пустынниковъ, — они возставали противъ ересей, а нынѣ, при державѣ благочестивыхъ государей, никакихъ ересей въ церкви нѣтъ и ему обличать некого. Въ заключеніе патріархъ сказалъ, что «если митрополитъ дѣйствовалъ въ недѣлю ваій съ повелѣнія великаго государя, то онъ его, великаго государя, прощаетъ и благословляетъ, какъ писалъ ему и прежде въ письмѣ».

Этими объясненіями и должно было кончиться, въ сущности своей мелочное, дѣло о дѣйствѣ вербнаго воскресенья: оно только обнаружило въ Никонѣ раздражительную притязательность и, конечно, еще больше повредило ему въ глазахъ царя, къ великому удовольствію не добрыхъ къ нему бояръ; но въ объясненіяхъ этихъ было важно особенно то, что здѣсь Никонъ первый разъ вы-

сказалъ опредѣленно, какія права онъ желаетъ оставить за собою по избраніи новаго патріарха. Отвѣчая на замѣчаніе Елизарова, что онъ отъ патріаршества отрекся и на избраніе преемника далъ благословеніе, Никонъ сказалъ, что дѣйствительно патріархомъ московскимъ быть не хочетъ, о возвращеніи на прежній святительскій престолъ мысли у него нѣтъ и благословеніе на избраніе преемника онъ и теперь даетъ; но онъ по прежнему хочетъ *называться патріархомъ,—отъ этого имени онъ не отрицался, а не хочетъ только именоваться Московскимъ* *. Это объясненіе Никона само собою вызывало государя и властей московскихъ подумать, на какомъ положеніи, въ самомъ дѣлѣ, долженъ остаться Никонъ при новомъ патріархѣ, какія могутъ быть его собственныя намѣренія въ этомъ отношеніи, и можно ли будетъ согласиться на нихъ, какъ, напримѣръ, на высказанное теперь притязаніе оставить за собою имя патріарха. Рѣшеніемъ этихъ важныхъ вопросовъ давно пора было заняться. Но теперь неблагопріятствовали тому смутныя обстоятельства государства; въ Москвѣ были встревожены извѣстіями о военныхъ неудачахъ, боялись даже, чтобы ханъ съ Выговскимъ не подступили къ столицѣ. Въ это время государь позаботился и о безопасности Никона,—предложилъ ему переѣхать въ хорошо укрѣпленный монастырь Макарія Колязинскаго. Никонъ принялъ это предложеніе, какъ назначеніе въ ссылку; онъ просилъ, чтобы лучше позволили ему уѣхать въ который-нибудь изъ монастырей его строенія—Иверскій, или Крестный. Въ этотъ послѣдній онъ и отправился, съ разрѣшенія государя.

---

* Всѣ приведенныя подробности изложены въ сказкѣ Елизарова и Алмаза Иванова.

Наконецъ, въ февралѣ 1660 года, царь рѣшился составить соборъ для разсужденія объ избраніи преемника патріарху Никону. Основаніемъ для соборныхъ разсужденій по церковнымъ правиламъ, должно было послужить самовольное удаленіе Никона съ патріаршества и неоднократно подтвержденное имъ увѣреніе, что онъ не намѣренъ снова возвратиться на патріаршую каѳедру, также его собственное согласіе на избраніе новаго патріарха. Тогдато приступили къ собиранію собственноручныхъ сказокъ объ отреченіи Никона въ Успенскомъ соборѣ 10 іюня 1658 г. отъ всѣхъ духовныхъ и разныхъ свѣтскихъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями этого событія; и такъ какъ о согласіи на избраніе преемника Никонъ говорилъ только на словахъ посланнымъ царскимъ, а для рѣшенія дѣла было бы особенно важно его письменное о томъ свидѣтельство, то царь тогда же отправилъ къ нему въ Крестный монастырь стольника Матвѣя Пушкина просить письменнаго благословенія на избраніе новаго патріарха.

Между тѣмъ въ Москвѣ собралось уже много архіереевъ и архимандритовъ разныхъ монастырей. 16 февраля ихъ позвали въ золотую царскую палату, гдѣ государь объявилъ имъ свою волю, чтобъ они занялись устроеніемъ церкви, которая, за отшествіемъ патріарха Никона, столько времени остается безъ пастыря. На слѣдующій день духовенство собралось въ патріаршей крестовой палатѣ. Бояринъ Петръ Салтыковъ представилъ на соборное разсмотрѣніе всѣ готовыя уже сказки объ отреченіи Никона; по тщательномъ разсмотрѣніи ихъ соборъ призналъ, что «Никонъ оставилъ патріаршескій престолъ своею волею». Бояринъ Салтыковъ, по порученію собора, отправился на верхъ къ государю съ извѣстіемъ объ этомъ рѣшеніи, и возвратился оттуда съ царскимъ ука-

зомъ преосвященному собору — «выписать изъ правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ объ отшествіи бывшаго патріарха Никона». Государь назначилъ заняться этимъ дѣломъ, «быть у выписки», пяти избраннымъ лицамъ изъ членовъ собора. 27 февраля выписки были готовы и духовенство снова собралось въ крестовой палатѣ для разсмотрѣнія выписанныхъ правилъ и произнесенія окончательнаго опредѣленія по дѣлу патріарха Никона. Замѣтимъ сначала, что правила эти можно было толковать различно и на основаніи ихъ произнести о Никонѣ судъ и болѣе, и менѣе строгій, — и что здѣсь уже, на этомъ предварительномъ соборѣ, который, какъ увидимъ, не имѣлъ и рѣшительныхъ послѣдствій, довольно ясно обнаружилось, какъ мало судьи Никона были расположены обращать вниманіе на то, что̀ сколько-нибудь клонилось въ его защиту; замѣтимъ еще, что въ числѣ его судей и въ этотъ разъ находилось уже нѣсколько грековъ, которые, безъ сомнѣнія, имѣли сильный голосъ въ соборныхъ разсужденіяхъ. Между выписанными изъ Кормчей правилами особенное значеніе усвоялось 16-му правилу такъ называемаго перваго и втораго (двукратнаго) собора и 9-му третьяго вселенскаго (Ефесскаго). Въ первомъ изъ этихъ правилъ говорится между прочимъ: «аще кто изъ епископовъ, пребывая въ своемъ достоинствѣ, и не хощетъ отрещися, и не желаетъ пасти народъ свой, но, удаляяся изъ своей епископіи, болѣе шести мѣсяцевъ остается въ другомъ мѣстѣ, безъ всякой благословной вины, таковый да будетъ чуждъ епископскія чести и достоинства и на его епископію да будетъ возведенъ иной вмѣсто его». Въ томъ же правилѣ, какъ увѣряли греки, читаются слова: «безумно убо есть, епископства отрицатися, держати же священство». А въ 9-мъ правилѣ

третьяго вселенскаго собора говорится о памфилійскомъ епископѣ Евстафіи. Онъ отрекся письменно отъ своей епархіи; на его мѣсто немедленно поставленъ былъ новый епископъ въ Памфилію; но Евстафій явился на соборъ Ефесскій и просилъ оставить за нимъ честь и имя епископа; соборъ уважилъ его просьбу и постановилъ по этому случаю опредѣленіе: «епископъ, добровольно отрекшійся отъ своей епархіи по какимъ-либо обстоятельствамъ, да сохраняетъ имя и честь епископа». Въ выписку было внесено и толкованіе Матвѣя Властаря на приведенное сейчасъ правило. По мнѣнію толкователя изъ правила этого видно, что епископы, отрицающіеся каѳедры, подвергаются лишенію и епископства и священства, и самое отреченіе признается небезгрѣшнымъ: такъ какъ упомянутому епископу Евстафію, когда онъ письменно отрекся епископства и на его мѣсто былъ поставленъ другой епископъ, только въ уваженіе къ его просьбамъ и слезамъ, соборъ возвратилъ епископское званіе и разрѣшилъ священнодѣйствовать, и притомъ не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстнаго епископа. И этимъ, прибавляетъ Властарь, отцы собора неправильно допустили необычное снисхожденіе. Прилагая эти правила къ поступку патріарха Никона, который, какъ было уже дознано соборомъ, самовольно, безъ благословной вины оставилъ престолъ свой, и не на шесть мѣсяцевъ, но пребываетъ въ удаленіи отъ него годъ съ семью мѣсяцами, священный соборъ опредѣлилъ: поставить на его мѣсто новаго патріарха, Никона же почитать чуждымъ архіерейства, чести и священства.

Таково было опредѣленіе собора по дѣлу патріарха Никона. Оставалось составить актъ соборнаго рѣшенія и скрѣпить его подписями. Составленіе акта царь Алек-

сей Михайловичь поручилъ извѣстному ученому старцу Епифанію Славеницкому. Епифаній не отказывался исполнить порученіе, но откровенно сказалъ государю, что онъ не вполнѣ согласенъ съ соборнымъ рѣшеніемъ, что, въ исполненіе царской воли онъ «готовъ написать слово *о избраніи и поставленіи новаго патріарха*, ибо это нужно и правильно; *о низложеніи же Никона*, бывшаго патріарха, писать не можетъ, по той причинѣ, что онъ не нашелъ такого правила, по которому бы архіерей, оставившій престолъ свой, но неотрекшійся епископства, подвергался низложенію и дѣлался чуждъ архіерейства». Это былъ тогда единственный смѣлый и благородный голосъ въ защиту Никона, или правильнѣе въ защиту истины. Напрасно утверждали греки, будто Епифаній защищаетъ Никона, какъ близкій къ нему человѣкъ. Епифаній, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Никона въ исправленіи церковныхъ книгъ, былъ дѣйствительно близокъ къ патріарху. Но, быть можетъ, еще ближе его были къ Никону другіе справщики — ученые греки,—по крайней мѣрѣ были обязаны ему несравненно болѣе Епифанія. А между тѣмъ, всѣ они, какъ только измѣнилось положеніе Никона, не задумались перейти на сторону его противниковъ съ предложеніемъ своихъ услугъ. Старшій и почетнѣйшій изъ нихъ, архимандритъ Діонисій, не затруднился на соборѣ ложнымъ правиломъ поддержать опредѣленіе, что Никонъ долженъ быть чуждъ даже священства, чего такъ многіе желали. Что Епифаній дѣйствовалъ въ настоящемъ случаѣ по искреннему убѣжденію, а не изъ личныхъ видовъ (и какая могла быть въ то время выгода — стать на сторону Никона?), это всего лучше показываютъ составленныя имъ записки по поводу соборнаго опредѣленія: онѣ от-

личаются столько же замѣчательнымъ безпристрастіемъ сужденія, сколько основательнымъ знакомствомъ съ церковными правилами *. Судя по одной изъ этихъ записокъ, надобно полагать, что Епифаній, по желанію самаго царя, изложилъ собору свое мнѣніе о дѣлѣ Никона еще прежде, нежели состоялось рѣшительное опредѣленіе. Въ этой запискѣ онъ точно опредѣляетъ вопросы, которые предстояли собору, и выражаетъ свое личное мнѣніе относительно рѣшенія ихъ. Онъ тогда уже высказалъ, что церковныя правила не позволяютъ назначать преемника живому архіерею, когда этотъ послѣдній неудаленъ законнымъ образомъ по болѣзни или за какія-либо вины; что одного отреченія для этого недостаточно, — правила требуютъ разсмотрѣнія причинъ, побуждающихъ архіерея къ отреченію, и если изъ разсмотрѣнія ихъ откроется, что онъ достоинъ святительства, предписываютъ, чтобы не оставлялъ служенія, если же откроются за нимъ дѣйствительныя вины, то требуютъ, чтобъ былъ низложенъ законнымъ судомъ, и тогда долженъ быть назначенъ ему преемникъ. Такимъ образомъ Епифаній утверждалъ, что по правиламъ церкви нельзя избирать преемника Никону на основаніи только его отреченія; судить же и низложить всероссійскаго патріарха россійскіе архіереи, по его мнѣнію, основанному опять на правилахъ церкви, не имѣютъ права. Но, съ другой стороны, Епифаній представляетъ примѣры изъ исторіи церкви, несогласные съ общими церковными правилами, но одобренные самими вселенскими соборами и слѣдовательно, на равнѣ съ положительными правилами церкви, служащіе къ руководству въ нѣкоторыхъ случаяхъ, —

---

* См. прилож. II, 1—4.

примѣры того, что иногда святые отцы избирали преемниковъ отрекшимся, но не низложеннымъ епископамъ, какъ Григорію Богослову, Евстафію Памфилійскому и др. На основаніи этихъ примѣровъ онъ полагалъ возможнымъ избрать преемника и отрекшемуся престола патріарху Никону; но, на основаніи тѣхъ же примѣровъ, онъ признавалъ законнымъ и Никона, какъ упомянутыхъ архіереевъ «чести и служенія архіерейскаго не отчуждати, аще и безпрестоленъ будетъ». «Если мы такъ поступимъ», пишетъ онъ въ заключеніе, «это, кажется мнѣ, и Богу будетъ угодно и для оставившаго престолъ не безчестно, и съ нашей стороны безгрѣшно и для всего народа полезно. А если бы случилось, что Никонъ, оставленный съ честію епископства, сталъ бы замышлять какое-нибудь смятеніе, тогда самымъ дѣломъ повиненъ будетъ лишенію чести и дѣйствія архіерейскаго». Таково было мнѣніе Епифанія о вопросахъ подлежавшихъ соборному рѣшенію. Мы видѣли, что соборъ не обратилъ особеннаго вниманія на это мнѣніе и смотрѣлъ на дѣло Никона иначе. Онъ нашелъ такія правила, въ силу которыхъ призналъ законнымъ не только избрать преемника Никону, но и его самого лишить епископства, чести и священства. Епифаній не противорѣчилъ собору. Онъ видѣлъ, конечно, что правила, на которыхъ утверждалось соборное опредѣленіе, можно, и притомъ съ большею основательностію, объяснить въ смыслѣ неблагопріятномъ для сдѣланнаго опредѣленія; но его обезоружили ясныя слова 16-го правила двукратнаго собора, прочитанныя греками по ихъ греческому номоканону: «безумно есть епископства отрещися, держати же священство». Потомъ же, когда онъ внимательно разсмотрѣлъ славянскія и греческія списки правилъ и ни въ одномъ изъ нихъ не нашелъ

тѣхъ словъ, которыя были приведены греками, какъ принадлежащія 16-му правилу двукратнаго собора, тогда онъ объявилъ прямо, что отказывается отъ даннаго имъ согласія на опредѣленіе собора, что греки исказили 16-е правило двукратнаго собора и Никона лишать епископства и священства незаконно. Это же сказалъ онъ и царю Алексѣю Михайловичу, когда послѣдній предложилъ ему написать актъ соборнаго рѣшенія.

Государь не могъ не обратить вниманія на замѣчаніе ученаго старца; онъ видѣлъ нужду отложить до времени составленіе акта и самое соборное опредѣленіе подвергнуть новому, тщательнѣйшему обсужденію. Къ кому въ этомъ случаѣ можно было обратиться, кромѣ тѣхъ же ученыхъ грековъ, и самого Епифанія? Тѣ и другой, дѣйствительно, писали царю письма въ защиту своихъ мнѣній по дѣлу Никона,—первые защищали опредѣленіе собора о низложеніи патріарха, послѣдній опровергалъ его. Замѣчательно, что «архіереи-грецы» въ своихъ письмахъ къ царю совсѣмъ не упоминаютъ объ извѣстныхъ словахъ, прибавленныхъ ими къ 16-му правилу двукратнаго собора, какъ будто и не читали ихъ въ крестовой палатѣ и какъ будто никто не обвинялъ ихъ въ искаженіи правилъ. Теперь они утверждали опредѣленіе о низложеніи Никона преимущественно уже на 9-мъ правилѣ Ефесскаго собора, объясняя его согласно съ приведеннымъ выше толкованіемъ Матвѣя Властаря; но всего больше они обратили вниманіе на одно доказательство въ защиту Никона, которое Епифаній весьма ловко заимствовалъ изъ новыхъ и современныхъ примѣровъ самой греческой церкви. Онъ говорилъ грѣкамъ, что у нихъ въ константинопольской области случалось и случается нерѣдко, что патріархи и епископы по своей волѣ оставляли каѳедры, и

при этомъ никто и никогда не думалъ считать ихъ чуждыми чести и дѣйствій архіерейства *. Греки усиливались доказать, что эти примѣры не могутъ быть приложены къ Никону, что ихъ архіереи, оставляя свои престолы, бѣгутъ отъ тяжкихъ насилій и притѣсненій турецкаго правительства, а съ Никономъ ничего подобнаго не было и быть не могло въ православномъ царствѣ и при царѣ благочестивомъ; и такъ какъ здѣсь представлялся удобный случай изобразить предъ щедрымъ государемъ единовѣрной Россіи бѣдственное положеніе греческой церкви подъ игомъ невѣрныхъ, то они и постарались раскрыть со всею подробностію какія притѣсненія терпятъ греческіе архіереи отъ корыстолюбія «везерей и великихъ пашей турецкихъ» **. Записки Епифанія имѣютъ совершенно другой характеръ. Онъ внимательно разсматриваетъ основанія соборнаго опредѣленія о Никонѣ и дѣлаетъ на нихъ свои замѣчанія, въ которыхъ показываетъ, что на соборѣ неправильно усвоено имъ значеніе, неблагопріятное для Никона. Такъ о 16-мъ правилѣ двукратнаго собора, положенномъ въ основаніе опредѣленія, онъ замѣтилъ, что къ Никону оно и не можетъ быть приложено: правило подвергаетъ низложенію епископа, который, не думая отрицаться епископства, удерживая за собою всѣ права

---

* Вѣроятно мысль эта высказана Епифаніемъ въ устныхъ преніяхъ съ греками, или въ какой-нибудь запискѣ, намъ неизвѣстной. въ тѣхъ, которыя мы помѣстили во II прилож. ея не находится.

** Письмо грековъ см. въ прилож. II, 5. Современныя собору 1660 г. отношенія къ Никону находившихся въ Москвѣ греческихъ архіереевъ хорошо характеризуетъ письмо Хіосскаго архіепископа Кирилла къ царю Алексѣю Михайловичу, которое также помѣщаемъ въ прилож. II, 6.

свои, по нерадѣнію оставитъ свою паству болѣе нежели на шесть мѣсяцевъ; а Никонъ оставилъ каѳедру предварительно отрекшись отъ патріаршества и вѣдать церковныя дѣла благословилъ другому. Что касается 9-го правила Ефесскаго собора, то Епифаній замѣтилъ, что оно дѣйствительно имѣетъ приложеніе къ Никону, — примѣръ Евстафія, о которомъ говорится въ этомъ правилѣ, показываетъ, что на мѣсто отрекшагося епископа должно избирать новаго, почему и Никону, отрекшемуся патріаршества, надлежитъ избрать преемника; но, прибавляетъ Епифаній, несправедливо соборъ и греки на основаніи того же примѣра утверждаютъ, что отрекшійся епископъ долженъ былъ лишенъ чести и дѣйствія епископства и священства; напротивъ примѣръ Евстафія именно показываетъ, что за нимъ остаются не только честь епископства, но, съ разрѣшенія мѣстнаго епископа, и всѣ епископскія дѣйствія, — что̀ и выражено ясно въ правилѣ Ефесскаго собора. Эту мысль, которую онъ доказывалъ уже, какъ самъ напоминаетъ, и «въ первомъ свиткѣ», онъ раскрываетъ здѣсь съ большею подробностію, и приводитъ нѣсколько новыхъ примѣровъ въ подтвержденіе того, что за Никономъ, по избраніи ему преемника, должно быть сохранено архіерейское достоинство. Но въ изъясненіи 9-го правила соборъ и греки руководствовались, какъ мы видѣли толкованіемъ Матвѣя Властаря. На это Епифаній замѣчаетъ, что Властарь не такой авторитетъ, чтобы на его сужденіи можно было основать какое-нибудь соборное опредѣленіе, что въ его книгѣ онъ принимаетъ только то, что согласно съ правилами святыхъ отцевъ, а что не согласно, того онъ не принимаетъ. Особенное вниманіе обратилъ онъ на одно выраженіе Властаря, которое, вѣроятно, указывали ему противники въ

свою защиту: «кто оставилъ епископство, тотъ не епископъ, а слѣдовательно и не архіерей». Епифаній говорилъ, «что такое глаголаніе неблагословно», неосновательно, что между епископствомъ и архіерействомъ есть различіе и съ лишеніемъ перваго не связано необходимо лишеніе и послѣдняго. Онъ довольно тонко указывалъ черты различія между епископствомъ и архіерействомъ. «Каждый епископъ есть архіерей», говоритъ онъ, «но не каждый архіерей есть епископъ»; архіереемъ называется также и архіепископъ и митрополитъ и патріархъ; каждый изъ нихъ отличается одинъ отъ другого степенью власти, соотвѣтственно своему іерархическому положенію; но архіерейство принадлежитъ всѣмъ имъ въ равной степени и не можетъ имѣть никакихъ степеней; епископствомъ, вообще, означаются права власти, архіерействомъ же права священнодѣйствія, и отказавшись отъ первыхъ, архіерей вполнѣ сохраняетъ за собою послѣднія, если только тяжкія вины не подвергаютъ его законному изверженію. Въ заключеніе Епифаній говоритъ, что записку свою онъ подаетъ «не охуждая писаніе отъ преосвященныхъ архіереевъ греческихъ и богомудраго Діонисія архимандрита писанное», а только желая заявить свое собственное мнѣніе, которое и отдаетъ на разсмотрѣніе собора.

Надобно думать, что представленія Епифанія имѣли вліяніе на царя,—по крайней мѣрѣ въ актѣ соборнаго дѣянія, который былъ наконецъ составленъ, совсѣмъ не говорится о низложеніи Никона, но всѣ соборныя разсужденія сводятся къ одному заключенію, что «вмѣсто благоговѣннаго Никона, патріаршества своего отрекшагося, иному боголюбивому архіерею избранну, хиротонисованну, и на престолъ патріаршескій возведену быти правильно,

благополезно и праведно» *. 14 августа 1660 года это соборное дѣяніе было подписано въ Успенскомъ соборѣ пятнадцатью архіереями и множествомъ архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ. Въ числѣ подписавшихъ находятся и архіереи-грецы—Парѳеній, митрополитъ ѳивскій, Кириллъ архіепископъ андросскій и Нектарій панагіотскій, также архимандритъ Діонисій. Вотъ какъ далеко отступили отъ того, что такъ рѣшительно, на основаніи священныхъ правилъ, постановили на соборѣ четыре мѣсяца назадъ! Мы съ той цѣлью и вошли въ нѣкоторыя подробности о соборѣ 1660 года, чтобы показать, много ли безпристрастія и самостоятельности обнаружили судьи Никона уже и въ это время.

Между тѣмъ, за долго до подписанія соборнаго дѣянія, въ то время, когда происходили состязанія у Епифанія съ греками, возвратился изъ Крестнаго монастыря стольникъ Матвѣй Пушкинъ. 6 марта онъ доносилъ государю о своемъ свиданіи съ Никономъ и представилъ отъ него письмо. На предложеніе «о избраніи патріарха на свое мѣсто подать благословеніе и о томъ отписать», Никонъ отвѣчалъ, что онъ согласенъ на избраніе новаго патріарха, какъ говорилъ и прежде, и самъ быть въ Москвѣ на патріаршествѣ не думаетъ; но прибавилъ, что безъ него поставить новаго патріарха не благословляетъ. «Безъ меня, говорилъ онъ, поставить его и митру на него положить некому; потому что митру дали мнѣ вселенскіе патріархи; а митрополиту митру на него патріарха возложить невозможно; да и посохъ съ патріархова мѣста кому снять и новому патріарху дать? Я живъ и благо-

* Актъ соборнаго дѣянія, въ этомъ измѣненномъ видѣ, написанный весьма витіевато, есть, очевидно, произведеніе Епифанія Славеницкаго.

дать Святаго Духа со мною; оставилъ я престолъ, но архіерейства не оставлялъ.... Если же великій государь позволитъ мнѣ быть въ Москвѣ, то и новоизбраннаго патріарха поставлю, и самъ, отъ великаго государя принявъ милостивое прощеніе, простясь съ архіереями и подавъ всѣмъ благословеніе, пойду въ монастырь.» Къ этому онъ прибавилъ: «чтобы великій государь не велѣлъ отнимать у него монастырей, которые онъ строилъ и указалъ отъ соборной церкви давать часть, чтобы ему быть сыту». Въ такомъ смыслѣ онъ написалъ и письмо къ государю. Такимъ образомъ Никонъ яснѣе опредѣлялъ теперь, какія права желалъ бы онъ сохранить по удаленіи съ патріаршества: онъ желалъ самъ поставить себѣ преемника, удержать за собою имя бывшаго патріарха, получить въ управленіе построенные имъ монастыри и пользоваться частью патріаршихъ доходовъ. Какъ приняты были въ Москвѣ эти предложенія Никона, мы не знаемъ; но, вѣроятно, онѣ также имѣли не малое вліяніе на составленіе соборнаго опредѣленія въ измѣненномъ видѣ, а еще болѣе на послѣдующую судьбу его: соборное опредѣленіе было, какъ мы видѣли, скрѣплено подписями всего духовенства, присутствовавшаго на соборѣ, и не смотря на то его оставили безъ исполненія....

Въ началѣ 1661 года возвратился изъ Крестнаго монастыря и самъ патріархъ Никонъ. Пребываніе въ этомъ пустынномъ монастырѣ не доставило ему спокойствія; напротивъ онъ возвращался еще болѣе встревоженный, нежели въ то время, когда уѣзжалъ изъ Москвы. Объясненіе съ Пушкинымъ и ожиданіе послѣдствій этого объясненія не могло подѣйствовать успокоительно. Кромѣ того, случилось обстоятельство, которое сильно взволновало Никона. Одинъ изъ находившихся при немъ монаховъ,

черный дьяконъ Ѳеодосій, сдѣлалъ попытку отравить его. Никонъ принялъ нужныя мѣры и дѣло кончилось незначительными припадками. Однакоже онъ далъ знать объ этомъ въ Москву: Ѳеодосія вызвали для допросовъ, которые производились съ обычными тогда пытками. Оказалось много лицъ, соприкосновенныхъ къ дѣлу, въ томъ числѣ даже крутицкій митрополитъ Питиримъ и чудовскій архимандритъ Павелъ. Впрочемъ изъ допросовъ ничего опредѣленнаго не узнали и это темное дѣло осталось неразъясненнымъ. Еще болѣе раздражили Никона слухи о происходившемъ въ Москвѣ. Если онъ не признавалъ за русскими архіереями права поставить новаго патріарха, то тѣмъ менѣе считалъ ихъ вправѣ судить своего патріарха; вообще о соборѣ 1660 г. онъ отзывался всегда съ крайнимъ негодованіемъ. Понятно, какъ должны были дѣйствовать на него слухи объ этомъ соборѣ. Наконецъ въ Воскресенскомъ монастырѣ ожидала Никона новая непріятность, которую въ его отсутствіе приготовили ему услужливые бояре. Монастырскій приказъ, въ которомъ они распоряжались полновластно, отдалъ окольничему Бабарыкину часть земли, принадлежавшей Воскресенскому монастырю. Это оскорбительное для Никона распоряженіе было тѣмъ чувствительнѣе для него, что онъ очень дорожилъ владѣніями новосозидавшагося монастыря, нуждавшагося въ средствахъ. Онъ подалъ челобитную, требуя законнаго изслѣдованія дѣла по крѣпостямъ: на челобитную не обратили вниманія; онъ послалъ жалобу государю: жалоба осталась безъ всякаго удовлетворенія. Никонъ выходилъ изъ терпѣнія и рѣшился на самоуправство: велѣлъ монастырскимъ крестьянамъ сжать рожь на спорныхъ земляхъ и свезти въ монастырь. Тогда подалъ челобитную Бабарыкинъ; по этой челобитной началось

немедленно изслѣдованіе, и монастырскихъ крестьянъ потребовали къ отвѣту. Никонъ окончательно вышелъ изъ себя. Онъ написалъ къ Алексѣю Михайловичу письмо, какого не писывалъ ни прежде, ни послѣ: до того неумѣренны его обличенія царю въ этомъ письмѣ, особенно тамъ, гдѣ онъ говоритъ о его вмѣшательствѣ въ церковныя дѣла! «Всѣмъ архіерейскимъ рука твоя обладаетъ», писалъ онъ между прочимъ,—«страшно молвить, но терпѣть невозможно, какіе слухи сюда заходятъ, что по твоему указу владыкъ посвящаютъ, архимандритовъ, игумновъ, поповъ ставятъ и въ ставленыхъ граматахъ пишутъ равночестна святому духу такъ: по благодати Св. Духа и по указу великаго государя. Недостаточно Св. Духа ставить безъ твоего указа!... Къ тому же повсюду, по св. митрополіямъ, епископіямъ, монастырямъ, безъ всякаго совѣта и благословенія, насиліемъ берешь нещадно вещи движимыя и недвижимыя.... въ монастырскомъ приказѣ судятъ и насилуютъ мірскіе судьи, и сего ради собралъ ты на себя въ день судный великій соборъ вопіющихъ о неправдахъ твоихъ». Никонъ не рѣшился бы, конечно, писать все это государю, если бы въ дѣйствительности не было ничего такого; но письмо его было именно изъ числа тѣхъ, которыя царь называлъ жестокими, и которыя особенно сильно оскорбляли его. Въ этомъ же письмѣ Никонъ является намъ въ первый разъ со стороны своей способности къ видѣніямъ,—разсказываетъ, какъ во время заутрени среди тонкаго сна представилось ему, что находится въ Успенскомъ соборѣ и видитъ, какъ встали изъ гробовъ своихъ святители Петръ, Іона и др. и велѣли ему говорить царю, зачѣмъ онъ обижаетъ церкви и проч. и какъ изъ церкви устремился огонь на царскій дворъ и сжегъ его. «Все это было такъ, прибавляетъ Никонъ, отъ Бога, или мечтані-

емъ—не знаю, но только такъ было»*. Что Никонъ не сочинилъ разсказа объ этомъ видѣніи, съ особеннымъ намѣреніемъ устрашить царя, этому мы охотно вѣримъ; но если самъ онъ не чуждъ былъ мысли, не было ли оно мечтаніемъ, то тѣмъ болѣе мы готовы признать его плодомъ воображенія, болѣзненно настроеннаго подъ вліяніемъ постоянныхъ огорченій и постоянной мысли объ оскорбленіяхъ въ томъ, что онъ считалъ неприкосновеннымъ и священнымъ.

И такъ дѣло Никона запутывалось больше и больше, не смотря на то, что на соборѣ 1660 г. сдѣлана была попытка къ его рѣшенію; отношенія Никона къ царю становились все затруднительнѣе и непріятнѣе, душевное состояніе его доходило до крайней степени раздражительности... Въ это самое время пріѣхалъ въ Москву бывшій митрополитъ Газскій, Паисій Лигаридъ, которому суждено было имѣть весьма сильное вліяніе на дальнѣйшій ходъ Никонова дѣла и на самого Никона.

III.

Паисій былъ, дѣйствительно, «самый образованный, самый представительный изъ греческихъ духовныхъ лицъ, являвшихся въ Москву», какъ называетъ его г. Соловьевъ; но, надобно прибавить, это былъ въ тоже время самый истый «Гречинъ», какой только пріѣзжалъ когда-либо въ Россію,—хитрый, льстивый, пронырливый, любившій интриги и всего болѣе дорожившій своими ма-

* Объ этомъ видѣніи Никонъ говоритъ и въ одномъ изъ писемъ къ Никитѣ Зюзину, недавно напечатанныхъ во 2 томѣ Записокъ Археологическаго Общества (стр. 588). Онъ также писалъ Зюзину, что въ Москвѣ приняли недовѣрчиво, съ насмѣшками его разсказъ о видѣніи, но что видѣніе оправдалось на самомъ дѣлѣ, — во дворцѣ дѣйствительно случился пожаръ.

теріальными выгодами, которыя собственно и влекли его въ Россію, и для которыхъ онъ легко жертвовалъ и долгомъ и совѣстью. Окончательное образованіе Паисій получилъ въ Римѣ, и чтобы имѣть доступъ въ итальянскія школы, принималъ католичество *; его связи съ Римомъ не прекращались и впослѣдствіи, — онъ состоялъ въ перепискѣ съ кардиналомъ Барберини. Кромѣ наукъ богословскихъ, онъ хорошо изучилъ и классическую литературу; въ его сочиненіяхъ часто встрѣчаются не только изреченія отцевъ церкви, но и стихи изъ Гомера, Аристофана и другихъ поэтовъ. Онъ обладалъ въ значительной степени даромъ слова, любилъ говорить широко и витіевато, что самъ называлъ въ шутку «азіатскою болтливостью». Не смотря на все образованіе, Паисію не посчастливилось на родинѣ: неизвѣстно за какіе именно проступки, только онъ подвергся запрещенію, лишенъ былъ каѳедры и принужденъ долго скитаться по Греціи и Италіи **. Въ это время его взоры, разумѣется, всего болѣе обращались къ Россіи, такъ охотно и радушно принимавшей греческихъ выходцевъ. Онъ просилъ извѣстнаго справщика богослужебныхъ книгъ Арсенія-грека замолвить о немъ слово патріарху Никону. Никонъ, нуждав-

---

* Фабрицій причисляетъ его къ латиномудрствующимъ грекамъ.

** О томъ, что патріархъ Нектарій отлучилъ Паисія отъ церкви, несомнѣнное свидѣтельство находится въ изданномъ недавно письмѣ патріарха Досиѳея къ царю Алексѣю Михайловичу (Зап. Археол. Общест. т. 2). Здѣсь вины Паисія, за которыя онъ подвергся отлученію, не обозначены точно, сказано только, что онъ имѣлъ „многія и великія вины и согрѣшенія“; можно догадываться изъ письма, что одною изъ такихъ винъ было расположеніе Паисія къ латинству. Подробнѣе объ этомъ замѣчательномъ письмѣ мы говорили въ статьѣ: „Вновь изданные матеріалы для исторіи царствованія Алексѣя Михайловича“. (См. Рус. Вѣсти. 1861 г. кн. X).

шійся въ образованныхъ людяхъ, былъ весьма радъ принять къ себѣ Паисія и самъ написалъ ему объ этомъ. Въ тоже время онъ просилъ господарей Молдавскаго и Валахскаго дозволить Паисію свободный проѣздъ чрезъ ихъ земли. Это было еще въ 1657 году. Въ мартѣ 1662 г. Паисій, наконецъ, пріѣхалъ въ Россію «очень не кстати», какъ самъ выражается, если не совсѣмъ искренно, то по крайней мѣрѣ совершенно справедливо.

Мы видѣли, что дѣло Никона было тогда уже очень запутано, — неудовольствія между царемъ и патріархомъ достигли крайней степени раздраженія. Пріѣзду Паисія были очень рады съ той и другой стороны. Царь принялъ его очень ласково, — какъ человѣка, который, при основательномъ знаніи церковныхъ правилъ, легко можетъ распутать ему трудное дѣло, безуспѣшно тянувшееся цѣлыхъ пять лѣтъ. Никонъ съ своей стороны также разсчитывалъ найти въ Паисіѣ своего защитника, тѣмъ больше, что онъ явился въ Москву по его приглашенію. По этому онъ отправилъ къ Паисію Арсенія-грека съ привѣтствіемъ, которое, по словамъ Паисія, заключалось въ слѣдующемъ: «пріѣзду митрополита Газскаго и брата своего по духу, бывшій патріархъ московскій Никонъ, очень, очень радуется; онъ уповаетъ, что тобою все пріидетъ къ глубочайшему миру, и рушится средостеніе, возникшее между царемъ и патріархомъ»; потомъ поспѣшилъ познакомить его съ обстоятельствами своего дѣла посредствомъ особаго посланія. Такимъ образомъ Паисій очутился между двумя огнями, «промежъ двухъ сражающихся», какъ самъ говоритъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ нисколько не затруднился выборомъ—на сторонѣ котораго изъ сражающихся стать ему. Немного присмотрѣвшись къ положенію дѣлъ, онъ, какъ человѣкъ про-

ницательный, скоро замѣтилъ, что дѣло Никона проиграно; да еслибъ и можно было защищать Никона со всею справедливостію и съ надеждой на успѣхъ, что за разсчетъ стать на сторонѣ опальнаго патріарха, тогда какъ все, что было сильнаго, знатнаго и богатаго въ русской столицѣ, принадлежало къ противной сторонѣ, во главѣ которой находился самъ царь—такой щедрый и странно-любивый? а личные разсчеты, матеріальныя выгоды у Паисія стояли всегда на первомъ планѣ, цѣнились всего дороже *. Отвѣтное письмо его къ Никону, писанное 12 іюля, и какъ самъ онъ говоритъ, «не безъ царскаго приказанія», — это письмо, не смотря на вѣжливый, почтительный тонъ, на все желаніе казаться безпристрастнымъ и на принятую имъ роль примирителя, ясно показываетъ, что въ то время онъ стоялъ уже на сторонѣ противниковъ Никона, и зналъ хорошо все, что эти послѣдніе представляли въ обвиненіе патріарха. Письмо наполнено льстивыми похвалами царю, особенно его щедрости, которая, по словамъ Паисія, уподобляетъ его Титу, прозванному «любовію», и о которой «всѣ патріархіи трубятъ, какъ мѣдь дидонская»; убѣждая Никона смириться предъ царемъ, онъ напоминаетъ ему, какими милостями почтилъ его царь, и какъ онъ уважалъ его: «ты можешь

* Въ какой мѣрѣ оправдались его разсчеты на царскую щедрость, это можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Въ Москвѣ обокралъ его келейникъ, греческій дьяконъ Агаѳангелъ (за это Паисій обыкновенно звалъ его Какангеломъ), — и вотъ что самъ Паисій говоритъ о покражѣ: «украли у Газскаго ключи и захватили золотыя монеты, *которыми царь надѣлилъ его за службу;* захватили и прекрасную шкатулку, въ которой было множество денегъ, жемчугу и другихъ драгоцѣнностей". Вотъ какими сокровищами запасся въ Москвѣ, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ, бѣдный, скитающійся греческій архіерей.

похвалиться, Никонъ почтеннѣйшій, что онъ часто посѣщалъ твою келію: таково смиренномудріе, таково уваженіе къ тебѣ, служителю церковному, которому предстоялъ онъ съ почтеніемъ и смиреніемъ, такъ что бояре соблазнялись не разъ объ униженіи царскаго достоинства». Съ особенною подробностію отвѣчаетъ онъ на жалобу Никона, что царь вмѣшивается въ церковныя дѣла и предоставилъ мірскимъ людямъ церковный судъ. Паисій доказываетъ свидѣтельствами священныхъ, церковныхъ и свѣтскихъ писателей (Гомера, Аристотеля), что царь имѣетъ на то право: «ему свойственно судить другихъ, а не быть судиму другими, тогда какъ архіерей не только можетъ судить, но и самъ подлежитъ суду». Подобнымъ образомъ отстраняетъ онъ и другія жалобы Никона. «Ты жалуешся на побіеніе слуги своего, представителя сана патріаршаго; но, блаженнѣйшій, какъ не всякій слуга царскій представитель царя; такъ и не всякій слуга патріаршій представляетъ собой патріарха; слѣдовательно не всякое безчестіе и честь, оказанныя слугѣ царскому, относятся къ царю». Причину всѣхъ происшедшихъ смятеній онъ указываетъ въ неразсудительномъ удаленіи съ патріаршества самого Никона: «ты ушелъ безъ привѣта, полный гнѣва и волненія... О, если бы не было этого бѣгства твоего, причинившаго столько несогласія!» Упрекаетъ его также за принятіе имени великаго государя: «съ тѣхъ поръ, какъ твое блаженство приняло титло великаго государя, выросли изъ земли и плевелы... не хорошо многовластіе, да будетъ одинъ властитель, одинъ царь...» Послѣ такихъ вразумленій, убѣжденія къ смиренію и покорности предъ царемъ въ глазахъ Никона должны были потерять всю свою силу, какъ онѣ ни были краснорѣчивы: «слышалъ ли трубу

евангельскую: солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ; а ты сколько закатовъ солнца, сколько началъ и концовъ года пропустилъ настаивая во гнѣвѣ», и проч.

И такъ Паисій присоединился къ противникамъ Никона, и для Никона это сдѣлалось понятно изъ перваго же письма къ нему Паисія. Скоро представилъ онъ еще болѣе ясныя доказательства самаго тѣснаго союза съ враждебными ему боярами. Паисій самъ разсказываетъ, что синклитъ часто приглашалъ его для разсужденія о разныхъ вопросахъ и для совѣщаній. Потомъ одинъ изъ синклита, царскій родственникъ Семенъ Стрѣшневъ, всѣ эти вопросы о разныхъ обстоятельствахъ Никонова дѣла, изложилъ письменно и представилъ Паисію для рѣшенія; Паисій не замедлилъ написать на нихъ отвѣты, которые, разумѣется, всѣ направлены были къ осужденію патріарха. Эти вопросы и отвѣты очень любопытны, между прочимъ для характеристики Стрѣшнева и Паисія — самыхъ вліятельныхъ лицъ въ партіи, враждебной Никону. Изъ вопросовъ Стрѣшнева видно, что онъ весьма внимательно слѣдилъ за поступками Никона, хорошо зналъ всѣ подробности его дѣла, видѣлъ тѣ слабыя стороны въ этомъ дѣлѣ, гдѣ враги Никона могли потерпѣть пораженіе и которыя слѣдовало усилить, въ чемъ собственно и требовалась услуга со стороны Паисія, соображалъ и то, какъ далѣе повести дѣло къ вожделѣнному концу. Онъ предлагаетъ, напримѣръ, вопросы: согрѣшилъ ли Никонъ, принявши данное ему отъ царя титло великаго государя? Также—когда принялъ отъ царя многія привилегіи? Можетъ ли царь отобрать эти привилегіи обратно? Можетъ ли позволить въ церковномъ судѣ распоряжаться мірскимъ людямъ? Могутъ ли члены судить своего главу?—и подобные, касавшіеся такихъ именно обстоя-

тельствъ, которыя служили для Никона сильнымъ орудіемъ защиты. Другаго рода вопросы, какъ напримѣръ: не грѣшитъ ли царь, что такъ долго оставляетъ церковь безъ пастыря и не грѣшатъ ли власти и бояре, что объ этомъ не бьютъ государю челомъ? — очевидно имѣли цѣлію содѣйствовать дальнѣйшему движенію дѣла. Но особенно замѣчательную изобрѣтательность показалъ Стрѣшневъ въ исчисленіи проступковъ Никона. Здѣсь онъ, между прочимъ, предлагаетъ вопросы: справедливо ли поступилъ Никонъ, когда проклялъ его, Стрѣшнева, за то, что онъ научилъ собаку благословлять попатріаршески? Не позоритъ ли онъ святыя мѣста, назвавши монастырь свой новымъ Іерусалимомъ?—даже—хорошо ли дѣлаетъ Никонъ, что при облаченіи чешется и смотрится въ зеркало?—Паисій же въ своихъ отвѣтахъ обнаружилъ ясно замѣчательную гибкость ума и совѣсти, легко склонявшихся въ ту или другую сторону по требованію обстоятельствъ, недостатокъ основательности, усиливаясь замѣнить въ нѣкоторыхъ случаяхъ остроуміемъ. Такъ на указанный выше вопросъ о привилегіяхъ онъ отвѣчалъ, что «Никону полезнѣе было-бы имѣть меньше привилегій, потому что иныя надмили его, смотрѣлся онъ въ нихъ, какъ въ зеркало, и случилось съ нимъ тоже, что пишутъ стихотворцы о Нарцисѣ, который въ рѣчной водѣ смотрѣлъ на свое лице, хотѣлъ поцѣловать его и утонулъ». Или—на другой вопросъ о собакѣ Стрѣшнева: «еслибъ мышь взяла освященный хлѣбъ, нельзя сказать, что причастилась; такъ и благословеніе собаки не есть благословеніе; шутить святыми дѣлами не подобаетъ; но въ малыхъ дѣлахъ недостойно проклятіе, потому что считаютъ его за ничто»! Эти вопросы и отвѣты, какъ говоритъ самъ Паисій, распространились между боярами во множествѣ списковъ,

и разумѣется, скоро дошли до Никона. Теперь онъ уже видѣлъ совершенно ясно, какъ жестоко. обманулся въ Паисіѣ,—какого опаснаго врага нажилъ въ немъ, ожидая встрѣтить защитника. На вопросы и отвѣты онъ отвѣчалъ съ своей стороны сильными возраженіями. Эти возраженія, составляющія цѣлую книгу, весьма замѣчательны и требовали бы подробнаго разбора, котораго до сихъ поръ еще не сдѣлано, но который здѣсь былъ бы не у мѣста. Замѣтимъ только, что въ своихъ возраженіяхъ Никонъ обнаружилъ обширную начитанность и замѣчательную силу ума, что въ нихъ онъ смѣло высказалъ свой взглядъ на многіе важные вопросы, имѣвшіе отношеніе къ его дѣлу, выразилъ убѣжденія, въ силу которыхъ онъ дѣйствовалъ прежде,—и выразилъ съ полною откровенностію, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что онѣ могутъ послужить орудіемъ противъ него же. Напримѣръ, по поводу обвиненія въ томъ, что позволялъ себѣ бить подчиненныхъ, Никонъ говоритъ прямо, что дѣйствительно, иногда и въ церкви смирялъ онъ непокорныхъ, и даже «рукою по малу»,—но что онъ не отказывается и на будущее время поступать такимъ образомъ съ людьми безчинными, такъ какъ, по его убѣжденію, «тотъ не погрѣшитъ противъ истины, кто взявши бичъ, изгонитъ изъ церкви соборной творящихъ беззаконія, говоря: домъ мой домъ молитвы наречется, вы же властію міра сего сотвористе вертепъ разбойниковъ». Но для насъ (въ настоящемъ случаѣ) возраженія Никона особенно замѣчательны въ томъ отношеніи, что на нихъ отразилось вполнѣ то смятенное, взволнованное до самой глубины, состояніе духа, въ какомъ онъ находился въ то тяжелое время своей жизни, когда писалъ ихъ. Какъ будто онъ и писалъ ихъ единственно съ тою цѣлію, чтобъ вылить на бумагу

подавлявшія его ощущенія, которыхъ ему некому было высказать, но которыя высказать было необходимо, чтобы сколько-нибудь облегчить себя. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Никонъ, какъ видно, не имѣлъ намѣренія сдѣлать какое-либо употребленіе изъ своей книги, никому не подавалъ ее въ видѣ протеста, что объ ней не знали даже ни Шушеринъ, ни Паисій; по крайней мѣрѣ ни тотъ, ни другой не упоминаютъ объ ней.

Такимъ образомъ Никонъ и Паисій, ни разу не видавшись, сдѣлались врагами. Доселѣ вражда ихъ ограничивалась, такъ сказать, литературными нападками другъ на друга, да интригами при дворѣ. Что Никонъ дѣлалъ попытки предостеречь государя отъ довѣрчивости къ Паисію, объ этомъ, справедливо или нѣтъ, упоминаетъ въ своихъ запискахъ Паисій; но что Паисій былъ гораздо искуснѣе Никона относительно умѣнья вести себя при дворѣ, этого не скрываетъ опять самъ же Паисій. «Никонъ», пишетъ онъ, «искалъ случая отмстить Газскому, но напрасно; онъ не въ силахъ былъ передать ядъ свой царю, *ибо я часто являлся во дворецъ, поджидалъ удобныя минуты и осторожно велъ переговоры*». Но дѣло дошло и до личныхъ объясненій. Мы говорили выше, что у Никона вскорѣ по пріѣздѣ изъ Крестнаго монастыря завязалась тяжба о землѣ съ окольничимъ Бабарыкинымъ. Послѣ извѣстнаго письма его къ государю по этому случаю, тяжба продолжалась и вовсе не въ пользу Воскресенскаго монастыря. Правда Бабарыкинъ предложилъ было мировую сдѣлку, которой желалъ и Никонъ; но при этомъ поставилъ такія условія, что Никону невозможно было согласиться на нее: «для тебя не напастись денегъ, не откупиться и всѣмъ монастыремъ», съ сердцемъ отвѣтилъ онъ Бабарыкину и прекратилъ съ нимъ всякія сношенія.

Онъ понялъ, что земля его потеряна окончательно и управы искать негдѣ. Раздраженный этимъ, онъ прибѣгъ къ тому несчастному средству мщенія, къ которому, какъ самъ сознается, онъ обращался «отъ тяжкія кручины огорчеваяся»: онъ проклялъ Бабарыкина. Притомъ, это несчастное дѣло Никонъ совершилъ какимъ-то особеннымъ образомъ; онъ отслужилъ молебенъ, за молебномъ велѣлъ прочесть царскую жалованную грамоту на земли Воскресенскаго монастыря, какъ бы въ свидѣтельство, что отнятая Бабарыкинымъ земля дѣйствительно составляетъ монастырскую собственность, и потомъ сталъ читать 108 псаломъ, выбирая изъ него извѣстныя слова проклятія и прилагая ихъ къ «обидящему»: *да будутъ днiе его мали, да будутъ сынове его сиры и жена его вдова,* и пр. Бабарыкинъ сдѣлалъ доносъ, что эти проклятія Никонъ относилъ къ лицу государя. Чувствительный и очень набожный царь былъ, разумѣется, огорченъ этимъ извѣстіемъ до крайности. Немедленно, раннимъ утромъ, созвалъ онъ всѣхъ бывшихъ въ Москвѣ архіереевъ и со слезами жаловался имъ на Никона: «я грѣшенъ», говорилъ царь, «но чѣмъ согрѣшили любезныя дѣти мои, чтобы произносить на нихъ клятву отреченія, царица супруга моя и весь дворъ»? Такъ разсказываетъ Паисій, находившійся въ числѣ приглашенныхъ архіереевъ; заимствуемъ у него и дальнѣйшій, весьма любопытный по своимъ подробностямъ, разсказъ. «Намъ всѣмъ стыдно было это слышать и всѣ единогласно попросили мы изслѣдовать дѣло съ точностію. Убѣдился этимъ державный и, распустивъ насъ, ушолъ къ себѣ. Утромъ созвалъ синодъ и синклитъ и совѣщался съ ними, кого отправить (для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ). Общимъ мнѣніемъ избранъ былъ Паисій Газскій, какъ ученѣйшій человѣкъ и *способный давать*

прямые отвѣты вопрошающему. Онъ позванъ былъ приложиться къ царской десницѣ, вмѣстѣ съ Іосифомъ, архіепископомъ астраханскимъ, и архимандритомъ Ѳеодосіемъ, и получивъ отпускъ, пошолъ въ собраніе архіереевъ совѣтоваться и получить наставленіе, какое онъ долженъ сдѣлать Никону привѣтствіе: долженъ ли я приложиться къ десницѣ его и дать ему надлежащее лобзаніе, или нѣтъ? смягчить ли убѣдительными словами его душу? или выражаться рѣзко и рѣшительно, какъ лицу, представляющему царя и синодъ? Синодъ рѣшилъ—облобызать и вообще обращаться съ Никономъ ласково, пока не узнано будетъ отъ него самого въ точности о случившемся: тогда обо всемъ освѣдомившись, какъ человѣкъ мудрый и разумный, въ состояніи будетъ Газскій обращаться по расположенію сего мужа и по обстоятельствамъ времени. При этомъ и бояре (князь Никита Одоевскій, Родіонъ Стрѣшневъ, Алмазъ Ивановъ—назначенные вмѣстѣ съ Паисіемъ произвести изслѣдованіе) спросили: должны ли они принимать отъ Никона благословеніе? Всѣ рѣшили утвердительно». Послѣ рѣшенія такихъ важныхъ вопросовъ, собраніе разошлось. «17 іюля мы выѣхали», говоритъ Паисій, «торжественно, окруженные со всѣхъ сторонъ войскомъ, и въ часъ вечерни прибыли въ монастырь, нарицаемый имъ (Никономъ) ложно новымъ Іерусалимомъ».

Можно было предугадывать, каково будетъ это свиданіе Никона съ Паисіемъ, который являлся предъ нимъ, для перваго знакомства, въ качествѣ судебнаго слѣдователя по его дѣлу. Самый пріѣздъ слѣдователей былъ, по видимому, совершенною неожиданностію для Никона и уже значительно смутилъ его; еще болѣе смутила его эта грозная обстановка, эта воинская стража, сопровож-

давшая властей и бояръ: «не надобро пришли они», сказалъ Никонъ окружающимъ, когда ему донесли о прибытіи воинской стражи изъ Москвы. Но особенно волновала его все-таки предстоящая первая встрѣча съ Паисіемъ. Все это не предвѣщало ничего хорошаго. Такъ дѣйствительно и случилось: свиданіе было до крайности шумно и мятежно, — были забыты всѣ границы приличія; сами бояре въ донесеніи государю признавались, что «кричали много». Нѣтъ сомнѣнія, что значительнѣйшая доля этихъ криковъ принадлежала Никону;—но если, по выраженію нашего историка, онъ «отлично отдѣлывалъ» и властей и бояръ, то справедливость требуетъ сказать, что и эти послѣдніе, въ свою очередь, не хуже «отдѣлывали» Никона. Извѣстія объ этомъ свиданіи сообщаютъ намъ только сами слѣдователи, которые, натурально, съ большею подробностію передаютъ рѣчи Никона, въ особенности то, что въ нихъ было рѣзкаго и неприличнаго; но и въ самомъ ихъ донесеніи не трудно замѣтить, что эти рѣчи были или отвѣтомъ на подобныя же рѣчи бояръ, или, по крайней мѣрѣ, были заплачены съ ихъ стороны отвѣтами въ такомъ же родѣ,—что вообще, власти и бояре не упустили удобнаго случая безнаказанно повеличаться надъ человѣкомъ, когда-то столь сильнымъ и страшнымъ, отплатить запутанному въ тенета льву его старыя обиды. Да и можно ли требовать, чтобы они возвысились надъ этимъ чувствомъ жалкаго и мелкаго мщенія? — Для этого нужно было или получить такое воспитаніе, какого наши бояре не получали въ XVII в., или имѣть слишкомъ большой запасъ природнаго благородства и деликатности и притомъ умѣть сохранить ихъ неприкосновенными отъ окружающей тлетворной среды. Мы не станемъ приводить здѣсь подробностей разговора между Никономъ и царскими по-

сланными, такъ какъ онѣ вполнѣ переданы г. Соловьевымъ; притомъ же офиціальный источникъ, откуда онъ заимствовалъ ихъ главнымъ образомъ, давно извѣстенъ въ печати *. Ограничимся тѣмъ, что передаетъ объ этомъ свиданіи Паисій. Онъ какъ будто хотѣлъ пополнить (а можетъ быть и исправить отчасти) офиціальное донесеніе своихъ спутниковъ именно въ томъ, что касалось лично его. Какъ шолъ разговоръ у Никона со властями и боярами, объ этомъ Паисій отказывается говорить (тѣмъ законнѣе, что и не понималъ ихъ разговора): «боясь длинноты рѣчи, я не привожу здѣсь ни малѣйшей части тѣхъ словъ, которыя записаны были царскими скорописцами»; онъ ограничивается изложеніемъ нѣкоторыхъ подробностей своего собственнаго разговора съ Никономъ. Замѣчательно, что при этомъ онъ не повторяетъ тѣхъ грубыхъ, бранныхъ словъ, которыми, по свидѣтельству Одоевскаго, Никонъ встрѣтилъ Паисія: воръ, нехристь, собака и проч., — тогда какъ обыкновенно съ величайшей охотой передаетъ все, что въ дурномъ свѣтѣ выставляетъ Никона; не разсказываетъ и того, какъ Никонъ требовалъ отъ него ставленной грамоты, утверждая, что онъ безъ грамоты ѣздитъ по разнымъ государствамъ и мутитъ добрыхъ людей: видно, ему не хотѣлось упоминать объ этомъ упрекѣ, въ которомъ, какъ оказалось впослѣдствіи, было не мало правды. Но обратимся къ разсказу Паисія, въ которомъ есть любопытныя подробности.

Изъ разсказа этого видно, что Никона, дѣйствительно всего больше занимало присутствіе Паисія въ числѣ царскихъ посланныхъ. Когда одинъ изъ пріѣхавшихъ бояръ

---

* Донесеніе Одоевскаго съ товарищами напечатано въ IV т Соб. гос. грам. и дог. стр 126—131.

пришелъ къ Никону съ извѣстіемъ о прибытіи посланныхъ отъ царя, онъ сейчасъ же спросилъ: «чего хочетъ отъ него Газскій? и зачѣмъ здѣсь этотъ иноземецъ, человѣкъ иноязычный, который прежде того не пріѣзжалъ къ нему на поклонъ и не предъявилъ, по обычаю, своихъ рекомендательныхъ грамотъ?» Бояринъ сказалъ, что на этотъ вопросъ отвѣтитъ ему самъ Паисій... Назначено было свиданіе. Никонъ ожидалъ посланныхъ въ своихъ патріаршихъ кельяхъ; его окружало значительное число монаховъ. Власти и бояре вошли съ обычными обрядами; за ними слѣдовалъ отрядъ воиновъ. Никонъ прочелъ также обычныя молитвы и останóвился, ожидая, что архіереи подойдутъ къ нему за благословеніемъ и съ должнымъ привѣтствіемъ. Мы видѣли, что соборъ, или, какъ выражается Паисій, синодъ, разсуждая о томъ, должны ли власти и бояре подходить подъ благословеніе къ Никону, рѣшилъ этотъ вопросъ положительно и только въ томъ случаѣ уполномочилъ Паисія не стѣсняться требованіями приличій, когда самъ Никонъ нарушитъ ихъ. Никонъ еще не нарушилъ ни одного изъ этихъ требованій,—все шло чинно и въ порядкѣ; однакоже власти не разсудили идти къ нему за благословеніемъ *. Это, весьма важное въ то время, отступленіе отъ правилъ приличія (недаромъ же оно предложено было на рѣшеніе «синода»!), сильно смутило Никона: онъ окинулъ бояръ и властей быстрымъ и пронзительнымъ взглядомъ, вспыхнулъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Паисій съ замѣтнымъ удовольствіемъ передаетъ, какое впечатлѣніе произвела на Никона эта невѣжливая продѣлка, по всей вѣроятности, преднамѣрен-

* Такъ писалъ и Одоевскій въ донесеніи царю: „а были мы, холопи твои, у него (Никона) у благословенія, а власти у благословенія не были“.

но условленная между нимъ и его спутниками. «Когда Никонъ увидѣлъ, что мы не подходимъ, то окинувъ насъ глазами покраснѣлъ, точно пристыженный этимъ началомъ, нисколько не ласковымъ (а синодъ именно предписывалъ обращаться ласково!) и спѣшно вышелъ во внутреннюю келью свою, опираясь на посохъ согнутый и толстый; онъ стоялъ нѣсколько времени молча будто окаменѣлый». Первый прервалъ молчаніе Паисій; онъ сталъ говорить Никону полатыни: «Всепресвѣтлѣйшій государь и самодержецъ Алексѣй Михайловичь и весь соборъ архіерейскій послали меня спросить: зачѣмъ ты предалъ отлученію и тяжкому проклятію единовѣрнаго намъ государя, государыню и дѣтей ихъ?» Слова Паисія перевелъ царскій толмачъ Симеонъ. Не въ характерѣ Никона было дѣлать уклончивые отвѣты; однакожь Паисій увѣряетъ, будто онъ, отвѣчая на вопросъ его, «сталъ толковать и носиться туда и сюда безъ пути, минуя вопросовъ, по извѣстной поговоркѣ: иное говоритъ Менеклъ, а иное поросенокъ» (образчикъ аттической соли, какою Паисій пересыпаетъ свой разсказъ). Нужно было потребовать прямаго и рѣшительнаго отвѣта: «отвѣчай мнѣ поевангельски», сказалъ Паисій,—«да, такъ-да; нѣтъ, такънѣтъ: проклиналъ ты, или не проклиналъ царя?» — «Я служу за царя молебны», отвѣчалъ Никонъ, «а не проклинаю его на погибель». — «Какъ же не проклинаешь, когда привелъ ужасныя проклятія псалма противъ самодержца, а именно, — чтобы другой принялъ надзоръ за его царствомъ, чтобы супруга его царица стала вдовою, чтобы законныя дѣти ихъ осиротѣли»? Тогда-то, прибавляетъ Паисій, и бояре начали свои «длинныя рѣчи». Никонъ защищался противъ обвиненія, — говорилъ, что проклиналъ обидящаго, Бабарыкина, а не

государя, что за государя молится и на ектеніяхъ его поминаетъ. Между тѣмъ во время разговора съ боярами онъ не спускалъ глазъ съ Паисія: видно, что этотъ проходимецъ-грекъ, о которомъ онъ успѣлъ уже собрать разныя свѣдѣнія, сильно занималъ его. «Ты зачѣмъ, противъ правила, носишь красную мантію»? неожиданно спросилъ онъ Паисія. Паисій отвѣчалъ находчиво и очень ядовито: «затѣмъ, что я изъ настоящаго Іерусалима, въ которомъ пролилъ Спаситель пречистую кровь свою, а не изъ твоего лжеименнаго Іерусалима, который не есть ни новый, ни старый, а третій, т. е. грядущаго антихриста». Никонъ далъ ему новый неожиданный вопросъ: «зачѣмъ ты не говоришь со мною погречески, на родномъ твоемъ нарѣчіи, а полатыни, на проклятомъ языкѣ язычниковъ?»—«Но ты самъ услышишь его отъ папы», отвѣчалъ Паисій, «когда придешь въ Римъ для оправданія по дѣламъ своимъ. Скажи пожалуй, что общаго между тобой и папой, отъ котораго ты не получилъ ни патріаршества, ни благословенія? И теперь ты переходишь къ нему, ищешь у него аппеляціи *! Языки же непрокляты, когда въ видѣ огненныхъ

---

* Извѣстіе о томъ, будто Никонъ хотѣлъ перенести дѣло свое на судъ папы, мы встрѣчаемъ только у Паисія. Извѣстіе это странно и не заслуживаетъ довѣрія. Русскіе, какъ извѣстно, всегда питали отвращеніе къ папизму и весьма невыгодно смотрѣли на папу. Никонъ въ этомъ отношеніи не составлялъ исключенія, какъ показываютъ отзывы его о папѣ и Римлянахъ, между прочимъ и въ самомъ разговорѣ съ Паисіемъ. И могъ ли бы соборъ, осудившій Никона, оставить безъ вниманія намѣреніе Никона судиться у папы, еслибъ оно было дѣйствительно, чтобъ не поставить его на ряду самыхъ важныхъ противъ него обвиненій? — а между тѣмъ объ немъ не было и рѣчи на соборѣ. Г. Соловьевъ ничего не говоритъ объ указанномъ извѣстіи Паисія, хотя имѣлъ къ тому ближайшій случай. Въ его разсказѣ о свиданіи Паисія съ Никономъ читаемъ: «у Паисія была важная (!) улика (въ чемъ?) противъ Ни-

языковъ, снизшелъ Духъ-Утѣшитель. Не говорю съ тобой поеллински потому, что ты совершенный невѣжда въ этомъ золотомъ языкѣ. Но скажу тебѣ поромейски шопотомъ, на ухо, нѣсколько словъ»..... Здѣсь Паисій сдѣлалъ Никону тонкій намекъ на одинъ гнусный порокъ, въ которомъ, безъ сомнѣнія, съ большею основательностію Никонъ обвинялъ потомъ въ письмѣ къ патріарху константинопольскому самого Паисія, и притомъ не въ греческихъ утонченныхъ выраженіяхъ, а съ чисто русской простотой и опредѣленностью... Этими подробностями Паисій и ограничиваетъ разсказъ о своемъ разговорѣ съ Никономъ. Въ разговоръ вступили власти и бояре. Разговоръ былъ шумный, — крупныя слова сыпались съ той и другой стороны. Паисій, малопонимающій свидѣтель этой неприличной бесѣды, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о томъ, какъ держалъ себя во время разговора Никонъ: «потря-

---

кона: „ты ко мнѣ прислалъ выписку изъ правилъ и въ ней написано о папскомъ судѣ, но вѣдь это написано въ правилахъ потому, что въ то время папы были благочестивые, а послѣ того отпали, и ты не прибавилъ (и это важная улика!), что послѣ нихъ высшій судъ преданъ вселенскимъ патріархамъ.“ Что же отвѣчалъ Никонъ? „Папу за доброе отъ чего не почитать? Тамъ верховные апостолы Петръ и Павелъ, а онъ у нихъ служитъ.“ — „Но папу на соборахъ проклинаешь!“ — возразилъ Паисій. „Это я знаю“, отвѣчалъ Никонъ, „знаю, что папа много дурнаго дѣлаетъ.“ Этотъ разговоръ, притомъ поставленный внѣ всякой связи, остается непонятнымъ безъ объясненія, что Никонъ имѣлъ намѣреніе искать суда у папы, а объясненіе, въ свою очередь, вызывало на замѣчаніе, справедливо ли извѣстіе Паисія о такомъ намѣреніи Никона: г. Соловьевъ не сдѣлалъ ни того, ни другаго. Къ сожалѣнію, онъ не указалъ, откуда заимствованъ сейчасъ приведенный разговоръ Паисія съ Никономъ: въ извѣстныхъ намъ актахъ Никонова дѣла мы не нашли его. Вообще, по нашему мнѣнію, это большой недостатокъ книги, имѣющей ученый интересъ, что авторъ такъ скупъ на указаніе источниковъ.

сая палкою и стуча ею крѣпко по полу, онъ волновался, никому не позволяя отвѣчать; когда самъ говорилъ, то растягивалъ и оканчивалъ рѣчь, гдѣ ему хотѣлось; а когда говорили другіе, прерывалъ ихъ, запутывалъ и не давалъ кончить».

О чемъ же, однако, былъ такой шумный разговоръ у Никона съ властями и боярами?—Всего меньше о дѣлѣ, для котораго они пріѣхали. Да и что было говорить съ Никономъ объ этомъ дѣлѣ? Онъ сказалъ, и притомъ съ клятвою, что царя не проклиналъ, а напротивъ молится за него; больше отъ него нечего было требовать. Власти и бояре очень скоро свели разговоръ на старыя дѣла патріарха,—зачѣмъ онъ не почитаетъ царя, зачѣмъ вмѣшивается въ градскіе суды и дѣла царственныя, зовется великимъ государемъ и т. п. Это говорили по преимуществу бояре; а власти—что теперь и до церкви ему дѣла нѣтъ, что онъ имъ не патріархъ и что слѣдовало бы его за разныя неистовства отправить въ ссылку. Не мудрено, что Никонъ, раздраженный съ самаго начала тѣмъ, что власти, противъ всѣхъ порядковъ, не подошли къ нему за благословеніемъ, выходилъ изъ себя, слушая такія рѣчи, и крѣпко стучалъ по полу своимъ посохомъ. «Накричавшись» вдоволь, бояре вспомнили наконецъ, что они присланы не затѣмъ только, чтобы браниться. Уходя Одоевскій сказалъ Никону, чтобы прислалъ для допросовъ воскресенскаго архимандрита и монаховъ. Никонъ отвѣтилъ, что никого изъ своихъ не пошлетъ на судъ къ мірянамъ: «берите сами, кого вамъ нужно». Они такъ и сдѣлали. Допросы не привели ни къ какимъ положительнымъ обвиненіямъ противъ Никона: монахи показали, что за царя онъ молится, а кого проклиналъ, они не знаютъ.

Съ такими свѣдѣніями по дѣлу о мнимомъ проклятіи царя царскіе посланные и возвратились въ Москву. Но царя, какъ видно, занимало теперь не столько это дѣло, такъ огорчившее его прежде, сколько самое свиданіе его посланныхъ съ Никономъ. По крайней мѣрѣ, когда Паисій явился къ нему «облобызать десницу», онъ спросилъ его улыбнувшись: «ну что, видѣлъ ты Никона?» Бояре уже успѣли передать царю въ какомъ родѣ было это свиданіе, — и ловкій Гречинъ сейчасъ сообразилъ, что тѣмъ, какъ онъ обошолся съ опальнымъ патріархомъ, были довольны; своимъ отвѣтомъ онъ хотѣлъ угодить царю еще больше. «По истинѣ, лучше было бы мнѣ не видать такого чудовища», отвѣтилъ онъ,—«лучше бы я хотѣлъ быть слѣпымъ и глухимъ, чтобы не слышать его циклопскихъ криковъ и громкой болтовни» *. Но если Паисій съ товарищами такъ усердно описывали царю поведеніе Никона во время свиданія его съ ними въ Воскресенскомъ монастырѣ, то и Никонъ съ своей стороны, не замедлилъ извѣстить государя, какъ вели себя при этомъ Паисій и его товарищи. О письмѣ Никона мы знаемъ только изъ его же посланія къ патріарху константинопольскому, да изъ

---

* Этотъ грубый отвѣтъ Паисія напоминаетъ намъ сдѣланное имъ же описаніе наружности Никона. Никонъ, не смотря на всю жесткость своего характера, на всю неразборчивость въ выраженіяхъ, едва ли когда унижался до такихъ ругательствъ, какими изящный и „образованнѣйшій“ грекъ украсилъ свое описаніе. Приведемъ для образца одинъ, или два примѣра. „Прежде чѣмъ увидалъ я пресловутаго Никона, чрезвычайно любопытствовалъ своими глазами насладиться его образомъ и искалъ увидать его хотя въ обманчивомъ портретѣ. И когда увидѣлъ портретъ, написанный однимъ отличнымъ нѣмецкимъ художникомъ, Іоанномъ, моимъ пріятелемъ, то онѣмѣлъ, подумавъ, что вижу исполина, или циклопа и почелъ счастливыми слѣпорожденныхъ за то, что не

коротенькаго разсказа самого Паисія. По словамъ послѣдняго, Никонъ жаловался царю именно на то, что Паисій «невѣжливо исполнилъ посольство, не принялъ отъ него благословенія, какъ требуетъ обычай, и не привѣтствовалъ ласковымъ словомъ, какъ то прилично,—и прибавилъ къ тому тысячу другихъ проступковъ». Между прочимъ, какъ увѣряетъ самъ Никонъ, онъ писалъ государю, что людей, подобныхъ Паисію, нельзя принимать безъ свидѣтельства, т. е. если они не представятъ ставленныхъ грамотъ, чего именно и не сдѣлалъ Паисій. На письмо Никона не обратили вниманія: «ни во чтоже бысть писаніе наше», жаловался онъ константинопольскому патріарху,—«но во всемъ царь слушаетъ Паисія, какъ пророка Божія». Однакоже, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, собравши новыя свѣдѣнія о Паисіѣ, Никонъ еще разъ писалъ о немъ государю. Въ письмѣ этомъ содержалось столько важныхъ обвиненій противъ Паисія, что царь очень смутился и почелъ нужнымъ потребовать у Газскаго митрополита объясненій. Позвали Паисія ко двору; царь при боярахъ далъ ему прочесть письмо Никона. Нѣтъ сомнѣнія, что въ письмѣ этомъ было много правды,—многія об-

---

могутъ видѣть такого звѣрообразнаго человѣка. Если бы кто вдругъ увидѣлъ Никона, ему почудилось бы, что видитъ бѣшенаго волка.“ Слѣдуетъ далѣе изображеніе Ѳерсита по Гомеру и Юліана по Григорію Богослову, разумѣется въ примѣненіи къ Никону. — „Посмотри, ради грацій, на голову Никона: какая она огромная и толстокожая! Кстати было бы написать: какая голова, а мозгу въ ней нѣтъ! Посмотри, какъ чернѣются волосы его, словно у ворона, или у борова! какъ узко и морщиновато чело его! — знакъ ограниченности и подозрительности“... и такъ далѣе разбираетъ онъ Никона по членамъ. А между тѣмъ извѣстно, что наружность Никона была величественная, отличалась мужественной красотой, которою онъ, между прочимъ, и привлекъ первоначально вниманіе царя.

виненія противъ Паисія подтвердили впослѣдствіи іерусалимскіе патріархи Нектарій и Досиѳей *. Но Паисій былъ не такой человѣкъ, чтобы смутиться отъ письма опальнаго патріарха; онъ отвѣтилъ царю съ той находчивостію, которая никогда не оставляла его: «правосуднѣйшій и пресвѣтлѣйшій государь, если изъ этихъ клеветъ одна окажется справедливою, то я буду виноватъ во всѣхъ, если же хоть одна окажется ложною, то я буду считаться невиннымъ и во всѣхъ, ибо первый іерархъ мой Іаковъ говоритъ: кто соблюдетъ весь законъ, но преступитъ одну заповѣдь изъ закона тотъ повиненъ во всѣхъ». «Эти слова», признается самъ Паисій, «полюбились государю», и чтобы утѣшить мнимо-оскорбленнаго митрополита, царь подарилъ ему дорогую архіерейскую шапку. И какъ было, въ самомъ дѣлѣ, не умилиться словами Паисія? Говорить такъ самоувѣренно, какъ говорилъ онъ, могла лишь одна невинность, если только не самая безсовѣстная наглость. Чтобы довершить торжество свое, Паисій сталъ просить соборнаго изслѣдованія по обвиненіямъ Никона: «мнѣ надлежало бы управляться моимъ патріархомъ Нектаріемъ, такъ какъ я изъ земли іерусалимской; но я готовъ добровольно подчиниться собору россійскихъ святителей и желаю, чтобы какъ можно скорѣе учинено было изслѣдованіе для моего совершеннаго оправданія». На соборъ, составленный по этому случаю

---

* См Письмо Досиѳея къ царю Алексѣю Михайловичу во 2 том. Записокъ Археологич. Общества. Здѣсь говорится, что и патріархъ Нектарій предостерегалъ царя противъ Паисія, какъ человѣка опаснаго, расположеннаго къ латинству. Нектарій писалъ это, какъ надобно думать, уже послѣ низложенія Никона. А Досиѳей извѣщалъ Алексѣя Михайловича, что Паисій виноватъ въ такихъ согрѣшеніяхъ, о которыхъ ему стыдно и писать къ государю.

во дворцѣ, явилось много свидѣтелей, которые, разумѣется, съ клятвой подтвердили невинность Паисія противъ всѣхъ обвиненій Никона.

Но это происходило уже спустя много времени послѣ изслѣдованія по доносу Бабарыкина, будто Никонъ проклиналъ царя и царское семейство. Возвратимся къ этому дѣлу. Мы уже замѣтили, что изслѣдованіе на мѣстѣ не подтвердило доноса; было дознано только, что Никонъ проклиналъ кого-то, но не царя, потому что за царя онъ молился и молится. Какое же опредѣленіе состоялось по этому дѣлу, которое ведено было съ такою торжественною обстановкою? Какъ видно, никакого. Самымъ важнымъ, къ чему привело это изслѣдованіе, было то, что Никонъ, и безъ того находившійся въ постоянномъ раздраженіи съ самаго возвращенія своего изъ Крестнаго монастыря, благодаря разнымъ непріятностямъ,—теперь, при этомъ изслѣдованіи, и встрѣчею съ Паисіемъ, и наглыми поступками этого греческаго выходца, который въ прежнее время не нашелъ бы словъ на своемъ льстивомъ языкѣ, чтобъ заслужить его благосклонность, а теперь не хотѣлъ оказать ему простой учтивости, сказать обычнаго привѣтствія, и дерзкими рѣчами, старыми оскорбительными укорами московскихъ властей и бояръ, всѣмъ этимъ доведенъ былъ до послѣдней степени раздраженія и въ этомъ несчастномъ состояніи духа выражался такъ рѣзко и крупно, какъ не позволилъ бы себѣ въ другое время. Нѣтъ сомнѣнія, что Паисій и его спутники ожидали такого исхода своихъ переговоровъ съ Никономъ, когда еще ѣхали въ Воскресенскій монастырь, — что они и тогда уже мало вѣрили извѣту Бабарыкина, а смотрѣли на него больше какъ на средство раздражить Никона для извѣстныхъ цѣлей. Ихъ ожиданія оправдались блестя-

щимъ образомъ; возвратившись въ Москву бояре могли сказать государю, что Никонъ говорилъ такія рѣчи, за которыя, не будь онъ такого чина, они и живымъ не отпустили бы его. Мы замѣтили выше, что и царь, слушая донесеніе бояръ, обратилъ вниманіе не столько на самое дѣло, по поводу котораго посылалъ ихъ въ Воскресенскій монастырь, сколько именно на разсказы объ этихъ злыхъ рѣчахъ Никона, за которыя бояре готовы были растерзать его. Такимъ образомъ изслѣдованіе по извѣту Бабарыкина привело только къ тому, что и Никона раздражило до послѣдней крайности, и царя еще больше вооружило противъ Никона, еще крѣпче утвердило въ той мысли, что съ Никономъ добромъ кончить невозможно. Это прежде всего и составляло, повторяемъ, особенно важную сторону въ изслѣдованіи по доносу Бабарыкина. Другимъ не менѣе важнымъ обстоятельствомъ было здѣсь то, что при этомъ изслѣдованіи вполнѣ опредѣлились отношенія Паисія Газскаго къ Никону и его дѣлу. Если онъ явился къ Никону и былъ принятъ, какъ сторонникъ противной партіи, то разстались они уже рѣшительными врагами, между которыми не могло быть примиренія. Кромѣ того, Паисій явился здѣсь уже во главѣ противной Никону партіи, былъ первымъ лицомъ; подъ его прикрытіемъ и московскимъ властямъ было какъ-то смѣлѣе говорить Никону тѣ рѣчи, на которыя они теперь въ первый разъ отважились; его, какъ мы видѣли, потому и выбрали, что онъ былъ «способенъ давать прямые отвѣты вопрошающему». Дѣйствительно, въ разговорѣ съ Никономъ онъ вполнѣ обнаружилъ эту способность.....

И такъ, «самый образованный», по выраженію г. Соловьева, «самый преставительный изъ греческихъ духовныхъ лицъ, являвшихся въ Москву», умѣлъ занять здѣсь

такое видное и прочное мѣсто, какого, дѣйствительно, не случалось занимать, можетъ быть, ни одному изъ безчисленныхъ греческихъ выходцевъ, посѣщавшихъ православную Русь. Онъ съ перваго раза понялъ положеніе дѣлъ въ русской столицѣ, — и особенно главнаго дѣла, занимавшаго тогда и дворъ, и бояръ, и духовенство; благоразуміе и личные интересы съ перваго же раза указали ему, какое положеніе самъ онъ долженъ занять въ отношеніи къ этому дѣлу; примкнувъ къ сильнѣйшей сторонѣ онъ скоро сдѣлался ея умомъ, ея душой, — захватилъ все дѣло въ свои руки: при дворѣ онъ занялъ такое прочное положеніе, что никакіе доносы, какъ мы видѣли, не могли поколебать его, — царь и бояре отъ него ждали указанія, какъ распутать слишкомъ запутавшееся дѣло, какъ привести его къ желанному концу, — слушали его, по выраженію Никона, какъ пророка Божія; властей же русскихъ стало совсѣмъ не видно за ловкимъ греческимъ архіереемъ, — если говорили они (когда, впрочемъ, ихъ просили объ этомъ), то большею частію съ его голоса. Доселѣ впрочемъ участіе Паисія въ дѣлѣ патріарха Никона ограничивалось довольно мелкими услугами партіи, враждебной патріарху, — письмами въ защиту царя, сочиненіемъ отвѣтовъ на разные вопросы по Никонову дѣлу, интригами при дворѣ, да оскорбительными выходками лично противъ Никона съ цѣлію вызвать его на новые опрометчивые поступки; но отъ него надѣялись и ждали чего-нибудь поважнѣе. Это и самъ онъ видѣлъ, это говорили ему и бояре и даже самъ царь. Однажды думные бояре прямо сказали ему, чтобъ онъ поискалъ средства покончить соблазнительное и вредное церковное дѣло. Паисій отвѣчалъ, что онъ знаетъ такое средство, только согласится ли принять его русское правительство? Это было

передано царю и при первой встрѣчѣ съ Паисіемъ царь сказалъ ему: «ради самой истины открой мнѣ твою мысль о средствахъ къ исправленію нашей церкви».—«Отправь грамоты къ четыремъ вселенскимъ патріархамъ», отвѣчалъ Паисій, «объяви имъ относящееся къ Никону, изложи вкратцѣ обвиненія противъ него и тотчасъ достигнешь твоего желанія». — «Да», замѣтилъ на это царь; «но дай мнѣ немного подумать и посовѣтоваться съ боярами».

Подумать, дѣйствительно, было о чемъ, еслибъ только взяли во вниманіе предшествовавшій ходъ Никонова дѣла. Средство, предложенное Паисіемъ для прекращенія церковнаго безпорядка въ Россіи, было—простое и вѣрное. Но если нужно было прибѣгнуть къ нему, то слѣдовало бы сдѣлать это въ самомъ началѣ, какъ скоро опредѣлилось, что Никонъ не можетъ болѣе быть патріархомъ: тогда не прошло бы столько лѣтъ въ соблазнительныхъ раздорахъ, не случилось бы такихъ опасныхъ безпорядковъ въ церковныхъ дѣлахъ. Теперь же обращаться за рѣшеніемъ дѣла къ вселенскимъ патріархамъ, кромѣ того, что было и довольно поздно и не совсѣмъ умѣстно, значило еще стать въ противорѣчіе съ тѣмъ, какъ доселѣ ведено было дѣло. Доселѣ совсѣмъ не считали нужнымъ въ судѣ надъ Никономъ, особенно въ рѣшеніи избрать ему преемника, опираться на авторитетъ вселенскихъ патріарховъ, и это показали не только самымъ ходомъ дѣла, веденнаго безъ всякихъ сношеній съ ними, — нѣтъ, это утвердили даже соборнымъ постановленіемъ: въ 1660 году, какъ мы знаемъ, былъ составленъ соборъ преимущественно изъ русскаго духовенства, которое признало за собою право произнести извѣстное рѣшеніе по дѣлу Никона, не смотря на то, что Епифаній Славеницкій прямо говорилъ, что

епископы и священники не имѣютъ права судить своего патріарха. И самъ Паисій, предложившій обратиться къ вселенскимъ патріархамъ, также впадалъ въ противорѣчіе себѣ. По поводу извѣстныхъ вопросовъ Стрѣшнева, онъ писалъ, между прочимъ, что царь можетъ собирать соборы противъ Никона и безъ патріаршаго повелѣнія, и что архіереи и священники, какъ преемники апостоловъ, могутъ судить своего патріарха; отъ чего же теперь онъ считаетъ нужнымъ перенести дѣло на судъ патріарховъ? отъ чего теперь не могутъ рѣшить его мѣстныя власти, имѣющія на это право, по его мнѣнію? Не сказалось ли здѣсь невольно, само собою, сознаніе, что доселѣ дѣло ведено было не совсѣмъ законно? — а такъ вели его около шести лѣтъ!

Эти ли недоумѣнія представлялись царю Алексѣю Михайловичу, или что другое, почему онъ считалъ нужнымъ сначала подумать о предложеніи Паисія и посовѣтоваться съ боярами, только онъ, дѣйствительно, думалъ и совѣтовался нѣсколько дней. Нашли, что теперь нѣтъ другого средства подвинуть дѣло Никона къ рѣшенію, какъ именно обратиться за совѣтомъ къ патріархамъ. Царь призвалъ Паисія и объявилъ ему, что принимаетъ его предложеніе. Нужно было теперь написать грамоты къ патріархамъ и послать ихъ съ надежнымъ человѣкомъ. Дѣло, по видимому, самое простое; а между тѣмъ мы видимъ въ исполненіи его такую странную запутанность, что трудно и понять, отъ чего и для чего она допущена. Начать съ того, какъ написаны были грамоты къ вселенскимъ патріархамъ. Казалось бы, ничего не было проще и вѣрнѣе, какъ изложить съ полною откровенностію дѣло Никона, показать, что̀ сдѣлано по этому дѣлу въ Москвѣ и просить у патріарховъ совѣта,

какъ поступить дальше, какъ его кончить, или, если въ Москвѣ уже было готовое предположеніе объ его окончаніи, просить на это разрѣшенія. Но дѣло поведено было совсѣмъ не такъ просто и открыто. Было написано нѣсколько вопросовъ о царской и патріаршей власти, имѣвшихъ приложеніе къ дѣлу Никона (по образцу подобныхъ же вопросовъ Стрѣшнева Паисію), и на эти вопросы требовали рѣшенія отъ патріарховъ, нисколько не объясняя въ самыхъ вопросахъ, для чего это нужно, и, что̀ особенно важно, ни однажды не упоминая даже имени патріарха Никона, какъ будто всѣ эти вопросы не имѣли къ нему ни малѣйшаго отношенія! Къ чему же вся эта непонятная дипломатическая уклончивость, недосказанность и таинственность, тѣмъ болѣе странныя, что дѣло Никона вовсе не было тайной для патріарховъ, что имъ слишкомъ не трудно было понять, съ чего взяты предложенные имъ вопросы? — да и тому, кто долженъ былъ вручить имъ грамоту, вовсе не было запрещено разсказывать о московскихъ дѣлахъ; напротивъ онъ показывалъ патріархамъ «письмецо, заклинавшее его Богомъ, говорить все, что знаетъ о киръ Никонѣ». Здѣсь опять не сказалось ли невольно сознаніе, что дѣло Никона ведено было не совсѣмъ чисто, что писать объ немъ съ полною откровенностію было по этому не совсѣмъ удобно?—Дальше—нужно было выбрать человѣка, который доставилъ бы патріархамъ грамоту. Опять ничего не было проще, какъ выбрать надежнаго человѣка изъ русскихъ: не въ первый разъ приходилось справлять посольство къ патріархамъ; мало ли ѣздило отъ насъ пословъ и въ Константинополь, и въ Іерусалимъ, и въ Александрію? Но на этотъ разъ опять поступили не просто: отыскали какого-то греческаго дьякона Мелетія, близкаго

пріятеля Паисію, человѣка довольно темнаго и незавидной репутаціи. Впослѣдствіи Никонъ писалъ о немъ государю: «ты послалъ Мелетія, а онъ злой человѣкъ, на всѣ руки подписывается и печати поддѣлываетъ,—и здѣсь такое дѣло за нимъ было; думаю и теперь есть въ патріаршемъ приказѣ». Къ этому онъ прибавлялъ очень справедливо: «есть у тебя, великаго государя, и своихъ много (кого послать), кромѣ такого воришки». Кажется, и самъ царь не слишкомъ довѣрялъ тому, кого Никонъ называлъ воришкой: «кто намъ поручится за него»? — говорилъ онъ Паисію; «что если онъ въ самомъ дѣлѣ человѣкъ двоедушный? — вѣдь онъ почти-что самъ за себя ручается». Но за «друга и земляка» поручился Паисій, да еще грекъ же, Діонисій архимандритъ, — и царь рѣшился вручить Мелетію грамоты къ патріархамъ и нужныя суммы денегъ, что̀, вѣроятно, было для него всего важнѣе. И такъ, вмѣсто человѣка вполнѣ надежнаго и вѣрно знающаго дѣло, отправили къ вселенскимъ патріархамъ какого-то неизвѣстнаго греческаго выходца, о которомъ ходили притомъ нехорошіе слухи въ Москвѣ. Съ какою цѣлію было поступлено такъ? и какого успѣха можно было ожидать отъ такого посла? Константинопольскій патріархъ писалъ объ немъ, что онъ пріѣзжалъ къ нему «не смирно»; а патріархъ іерусалимскій писалъ государю, что Мелетій говорилъ ему о Никонѣ «такія рѣчи, которыя кажутся ему недостовѣрными», и что вообще полагаться на слова его онъ почитаетъ опаснымъ. Въ Константинополѣ Мелетій вошелъ въ столкновеніе съ лицами, какъ видно, одного съ нимъ сорта: какой-то грекъ Мануилъ, какъ самъ онъ доносилъ въ Москву, хлопоталъ, чтобы помѣшать успѣху его посольства и готовъ былъ посягнуть на его жизнь; еще какой-то ар-

химандритъ изъ Антіохіи разглашалъ въ Константинополѣ, что Мелетій привезъ 8000 червонцевъ, чтобы подкупить кого нужно, и также употреблялъ старанія помѣшать ему. Даже въ Москву явились новые греческіе выходцы, которыхъ прибытіе, очевидно, находилось въ связи съ посольствомъ Мелетія: одинъ изъ нихъ, Аѳанасій, митрополитъ иконійскій, явившійся отъ лица константинопольскаго патріарха и выдавшій себя за его племянника, привезъ извѣстіе, что отъ Мелетія патріарха ни грамотъ, ни милостыни царской не взяли, — и когда государь сказалъ ему на это, что Мелетій пишетъ ему напротивъ совсѣмъ другое, то предупреждалъ царя, чтобы не вѣрилъ этому двуличному человѣку, что онъ обманетъ его, поддѣлаетъ подписи; другой, какой-то грекъ Стефанъ, явился отъ того же патріарха съ грамотой, въ которой было написано, что патріархъ утверждаетъ Паисія Газскаго въ званіи экзарха (о чемъ Мелетій, пріятель и землякъ Паисія, какъ видно, хлопоталъ въ Константинополѣ чрезъ приближенныхъ патріарха). Вотъ сколько досужихъ грековъ, вслѣдъ за Мелетіемъ, поспѣшили такъ, или иначе ввязаться въ интересное московское дѣло. Впослѣдствіи царь почелъ нужнымъ спросить объ этихъ лицахъ самого патріарха Діонисія. По отзыву Діонисія, это были все обманщики. Объ Аѳанасіѣ патріархъ сказалъ, что онъ вовсе не родня ему и чтобъ его покрѣпче держали въ Москвѣ, никуда не отпускали; о Стефанѣ, — что онъ никогда не бывалъ у него и никакой грамоты отъ него не получалъ, и чтобы этого молодца также сторожили накрѣпко. Кстати патріархъ сдѣлалъ замѣчаніе и о Паисіѣ: «а Паисій Лигаридъ лоза не константинопольскаго престола, я его православнымъ не называю, ибо слышу отъ многихъ, что онъ *папежникъ*, *лукавый человѣкъ*».

Любопытно, какъ отзывался о своихъ соотечественникахъ и патріархъ іерусалимскій Нектарій: онъ предостерегалъ государя, чтобы не отдавалъ грекамъ переводить патріаршія грамоты, а отдалъ бы своимъ царскимъ переводчикамъ, потому что греки искажаютъ смыслъ грамотъ. Если же грекамъ, и притомъ такимъ, которые давно жили въ Москвѣ и были хорошо извѣстны, не безопасно было поручить даже переводъ грамотъ, то можно ли было какому-то безвѣстному греческому дьякону давать такія важныя порученія, съ какими отправили Мелетія?

Однакоже Мелетій справилъ посольство: онъ привезъ и вручилъ царю патріаршіе отвѣты на составленные въ Москвѣ вопросы, скрѣпленные собственноручными подписями четырехъ патріарховъ. Отвѣты были именно такіе, какихъ желали въ Москвѣ: поступки Никона, къ которымъ относились вопросы, были всѣ осуждены, дѣйствія царя и власти русскихъ одобрены, имъ дано полномочіе распоряжаться въ дѣлѣ Никона самостоятельно; ибо патріархи утверждали за соборомъ мѣстныхъ пастырей и право поставить новаго архіерея, вмѣсто отрекшагося, и право судить своего митрополита, или патріарха. Но теперь-то и обнаружилось, какъ худо поступили, что вздумали хитрить въ дѣлѣ, которое слѣдовало вести прямо и открыто,—что о дѣлѣ Никона написали такъ глухо и неопредѣленно и что съ грамотой къ патріархамъ, вмѣсто честнаго человѣка, отправили «воришку». Возникъ вопросъ: въ самомъ дѣлѣ не поддѣлалъ ли онъ патріаршихъ подписей? Аѳанасій иконійскій настаивалъ, что подписи подложныя. Спросили другихъ грековъ, находившихся въ Москвѣ,—и они затруднились дать рѣшительный отвѣтъ. Самъ Паисій Лигаридъ ручался только за подпись

антіохійскаго патріарха и то не потому, какъ самъ сознавался, чтобы зналъ и разобралъ арабскую подпись патріарха, — ибо поарабски не читаетъ,—а потому, что хорошо извѣстна ему греческая подпись патріаршаго эконома *. Да еще какой-то Амасіецъ-Косьма сказалъ о подписи іерусалимскаго патріарха, что она подлинная, что онъ хорошо ее знаетъ, потому что Нектарій его соотечественникъ и другъ. Но эти увѣренія не успокоили царя,—видно, что онъ даже не совсѣмъ довѣрялъ на этотъ разъ и Лигариду: онъ распрашивалъ его на единѣ, тайно,—просилъ сказать откровенно, по совѣсти, можно ли признать подписи подлинными патріаршими. Паисій сказалъ, что дѣло это трудное,—поддѣлываютъ и цѣлыя страницы, не то что подписи; но что за подписи антіохійскаго и іерусалимскаго патріарховъ онъ ручается. Царь все не успокоился,—греки, говорятъ ему, мастера поддѣлывать всякія подписи, а объ Мелетіѣ недаромъ писалъ ему Никонъ, что за нимъ были замѣчены такія продѣлки и въ Москвѣ! Для рѣшенія всѣхъ недоумѣній Алексѣй Михайловичъ почелъ нужнымъ спросить самихъ патріарховъ, давали ль они грамоту за своими подписями греческому дьякону Мелетію. Константинопольскій патріархъ отвѣтилъ, что онъ и патріархъ Нектарій написали и вручили Мелетію двѣ одинаковыя грамоты, съ собственноручными подписями, которыя были отправлены ими для подписанія и къ патріархамъ антіохійскому и александрійскому.

Но другой, не менѣе важный вопросъ возбуждало и самое содержаніе патріаршихъ грамотъ. Соотвѣтственно

---

* Это извѣстіе мы заимствуемъ у самого Паисія; между тѣмъ подпись антіохійскаго патріарха подъ грамотою не арабская, а греческая (см. IV т. Соб. грам. и дог. стр. 116, гдѣ помѣщены вѣрные факсимиле патріаршихъ подписей).

вопросамъ, отвѣты патріарховъ рѣшали дѣло Никона не прямо,—о самомъ Никонѣ не было ни слова. Конечно, всѣ они имѣли ближайшее отношеніе къ его дѣлу и уполномочивали соборъ русскихъ пастырей дѣйствовать по отношенію къ нему самостоятельно; но все-таки они возбуждали сомнѣніе, то ли именно сказали бы патріархи, еслибъ ихъ прямо спросили о Никонѣ, еслибъ имъ съ полной откровенностью изложили его дѣло. Было обстоятельство, которое особенно усилило сомнѣніе царя относительно значенія полученныхъ отвѣтовъ въ приложеніи къ дѣлу Никона. Онъ получилъ отъ іерусалимскаго патріарха Нектарія посланіе, написанное совсѣмъ въ другомъ духѣ, нежели отвѣты, подъ которыми находилась между тѣмъ и его подпись. Правда, Нектарій усвоялъ имъ значеніе, какъ постановленіямъ, которыми должно руководствоваться при рѣшеніи Никонова дѣла, но только въ такомъ случаѣ, когда нельзя будетъ достигнуть окончанія дѣла мирнымъ путемъ, о чемъ и просилъ царя убѣдительнѣйшимъ образомъ. Видно, что ему извѣстно было, какъ въ Москвѣ интриговали противъ Никона: потому онъ убѣждаетъ царя не быть слишкомъ довѣрчивымъ къ словамъ клеветниковъ; особенно же старается показать ему, какими опасностями въ будущемъ угрожаетъ его несчастная распря съ патріархомъ. Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ этого замѣчательнаго письма. «Просимъ мы, священное ваше величество, чтобы вы не преклоняли слуха своего къ совѣтамъ людей завистливыхъ, любящихъ мятежи и возмущенія, особенно если такіе будутъ изъ духовнаго сана. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что насъ весьма огорчили случившіеся въ россійской церкви соблазны... Несогласіе и возмущеніе въ церкви страшнѣе всякой войны, ибо раздираетъ нешвенную одежду Христову, ко-

торой не раздѣлили и воины во время страданія Христова. Вы знаете, что въ теперешнемъ положеніи, когда церковь наша находится подъ игомъ рабства и колеблется какъ корабль обуреваемый волнами, въ одной вашей россійской церкви мы видѣли, какъ въ ковчегѣ Ноя, прибѣжище благочестія и мира. Нынѣ же кто внушилъ вамъ отвращеніе отъ этого блага? для чего отвергаете первое достояніе? а первое достояніе есть миръ, ибо Господь, отходя на вольное страданіе, сказалъ: *миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ*. И такъ, государь, воспріими ревность по вѣрѣ и постарайся опять возвести законнаго патріарха вашего на его престолъ, дабы во время священнаго твоего царствованія не было положено злаго и гибельнаго начала—смѣнять православныхъ и правомыслящихъ патріарховъ. Это есть начало разрушенія нашей церкви въ Константинополѣ; оно послужило и служитъ доселѣ источникомъ многихъ золъ и срамитъ насъ предъ западною церковію. Опасайтесь и вы, чтобы необычайное у васъ не обратилось въ гибельную привычку». Затѣмъ онъ подробно раскрываетъ мысль, что отреченіе Никона не можетъ служить основаніемъ къ низложенію его, тѣмъ болѣе, что онъ не подавалъ и не взято у него письменнаго отрицанія. Въ заключеніе патріархъ пишетъ: «если Киръ Никонъ, послѣ вторичнаго приглашенія, не согласится возвратиться на свой престолъ, то извольте поступить съ нимъ по правиламъ положенія, что будетъ совершенно правосудно; ибо неприлично столичному городу быть безъ духовнаго пастыря. И такъ непремѣнно должно, или его возвратить, или другаго возвести на его мѣсто; однакожь гораздо лучше вашему величеству возвратить его, по вышеприведеннымъ причинамъ». Вотъ, наконецъ, и со стороны грековъ го-

лосъ въ защиту Никона и притомъ голосъ, предъ которымъ должны бы умолкнуть всѣ лукавыя рѣчи Паисія и ему подобныхъ. Надобно замѣтить, что Нектарій былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ пастырей греческой церкви: это былъ человѣкъ весьма образованный, глубоко преданный православію и ревностный защитникъ его въ борьбѣ съ папистами, которые и въ его время обнаруживали сильное стремленіе къ преобладанію въ святыхъ мѣстахъ Палестины и вызывали его къ противодѣйствію ихъ кознямъ и словомъ и дѣломъ *. Но и этотъ замѣчательный человѣкъ, такъ откровенно и такъ убѣдительно писавшій царю въ защиту Никона, не безъ противорѣчія себѣ подписалъ, какъ мы видѣли, отвѣты клонившіеся къ осужденію Никона... Но тѣмъ не менѣе письмо Нектарія произвело сильное впечатлѣніе на царя; оно внушило ему сомнѣнія относительно дѣйствительной важности патріаршихъ отвѣтовъ въ приложеніи къ дѣлу Никона,—показало, что отвѣты, въ томъ видѣ, какъ они написаны, не могутъ приводить дѣла къ вѣрному и несомнительному рѣшенію и что для этого нужно придумать новыя средства. И потомъ, когда уже близка была развязка Никонова дѣла, развязка, несогласная съ желаніемъ іерусалимскаго патріарха, Алексѣя Михайловича, какъ видно, тревожило письмо Нектарія,—онъ почелъ нужнымъ отправить къ нему нѣчто въ родѣ оправдательнаго посланія, которое поручилъ составить, разумѣется, Паисію, что̀ этотъ послѣдній и исполнилъ съ обычнымъ искусствомъ **.

---

* Онъ написалъ прекрасное сочиненіе: Отвѣтъ о власти папской, по поводу сочиненія Петра Испанскаго: О власти папы.

** Посланіе это, замѣчательное во многихъ отношеніяхъ, напечатано во 2 т. Зап. Арх. Общ. см. о немъ въ статьѣ: Вновь изд. мат. для ист. цар. Ал Михайлов.

Такимъ образомъ самое простое предпріятіе, къ которому, хотя и поздо, прибѣгли наконецъ для рѣшенія Никонова дѣла и отъ котораго, дѣйствительно, можно было ожидать этого рѣшенія, было ведено такими окольными путями, такъ нерѣшительно и запутанно, что не принесло дѣлу никакой пользы: только потеряны были даромъ и время и деньги *. Послѣ начатыхъ сношеній

* Здѣсь не можемъ не сдѣлать замѣчанія, что все дѣло о посольствѣ Мелетія на востокъ, запутанное само по себѣ, г. Соловьевъ и изложилъ запутанно. Въ его разсказѣ трудно уловить послѣдовательный ходъ и связь событій, которыя съ другой стороны, невсегда и разграничены, какъ слѣдуетъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его разсказу недостаетъ и хронологической вѣрности. Напримѣръ, объ извѣстномъ посланіи Нектарія авторъ говоритъ послѣ разсказа о второмъ путешествіи Мелетія къ патріархамъ въ 1665 г., когда онъ посланъ былъ звать ихъ въ Москву на соборъ, какъ будто въ это время оно и было отправлено къ царю. Но на самомъ письмѣ Нектарія выставленъ 1664 годъ, да и содержаніе его показываетъ, что оно отправлено вскорѣ послѣ извѣстныхъ отвѣтовъ о власти царской и патріаршей, т. е. вскорѣ послѣ перваго путешествія Мелетія къ патріархамъ. Правда, въ письмѣ Нектарія упоминается о томъ, что онъ не можетъ ѣхать въ Россію (быть можетъ, Мелетію поручено было и въ первый разъ говорить объ этомъ патріарху); но, съ другой стороны, въ письмѣ его встрѣчаемъ такія выраженія: „мы написали соборное положеніе, состоящее изъ избранныхъ соборныхъ и церковныхъ правилъ и царскихъ уставовъ (рѣчь идетъ, очевидно, объ отвѣтахъ) и *посылаемъ* оное, какъ главный отвѣтъ на объявленное намъ Мелетіемъ; что же онъ говорилъ, того мы явно не пишемъ, но вы *узнаете* изъ соборнаго положенія.“ Изъ этихъ словъ видно, что письмо писано вскорѣ послѣ перваго свиданія Нектарія съ Мелетіемъ. Изъ отвѣтнаго царскаго письма къ Нектарію видно также, что въ Москвѣ оно было получено раньше Зюзинскаго дѣла, т. е. 18 декаб 1665 г. (см. 2 т. Зап. Арх. Общ.). Если же авторъ имѣлъ какія основанія отнести въ своемъ разсказѣ письмо Нектарія къ другому времени, то для устраненія недоумѣній было бы весьма не лишнимъ показать эти основанія — Нельзя также не замѣтить, что авторъ едва ли справедливо хочетъ сложить на патріарха Никона

съ патріархами по дѣлу Никона, безъ ихъ участія было уже неудобно продолжать и кончить это дѣло; а для избѣжанія всѣхъ сомнѣній, къ какимъ подало поводъ посольство Мелетія и могли подать другія подобныя сношенія съ патріархами, царь видѣлъ одно средство: пригласить

вину въ безпорядкахъ, сопровождавшихъ посольство Мелетія Онъ утверждаетъ, что у Никона была сильная партія изъ грековъ и въ Москвѣ и въ Константинополѣ, что они-то и дѣйствовали противъ Мелетія „съ южною страстностію". Къ сожалѣнію, авторъ опять не указываетъ, откуда запмствовалъ это извѣстіе, которое сообщаетъ съ такою рѣшительностью. А въ настоящемъ случаѣ (какъ и во многихъ другихъ) это было необходимо, было необходимо даже сказать, заслуживаетъ ли источникъ довѣрія, или почему заслуживаетъ, тѣмъ болѣе, что есть основательныя причины не вѣрить ему. Что Никонъ былъ расположенъ къ грекамъ, которые ему были нужны при занятіяхъ разными церковными преобразованіями,—это правда; самъ Лигаридъ называетъ его Филэллиномъ; но чтобы греки были слишкомъ расположены къ Никону, особенно—чтобы они составили партію, „сильную сторону", съ цѣлію дѣйствовать въ пользу опальнаго патріарха, — это болѣе, нежели невѣроятно Мы довольно видѣли, какъ московскіе греки были расположены къ опальному Никону, — особенно убѣдителенъ примѣръ архимандрита Діонисія .... „Отъ приверженныхъ къ Никону грековъ пошли письма въ Константинополь", говоритъ авторъ. Мы скоро увидимъ, удобно ли было Никону, посредственно, или непосредственно вести сношенія съ востокомъ, какъ бдительно слѣдили за нимъ,—особенно— не поѣдетъ ли отъ него кто-нибудь съ порученіемъ къ патріархамъ! Нѣтъ, въ личности самого Мелетія были достаточные залоги тѣхъ безпорядковъ, какіе ему сопутствовали. счастливый авантюристъ, явившійся между соотечественниками съ порученіемъ и деньгами русскаго царя, невольно вызывалъ и другихъ подобныхъ людей попытать счастья, или подѣлиться съ нимъ очастьемъ, или наконецъ хоть помѣшать ему. Да и самое дѣло, порученное Мелетію, какъ мы видѣли, представляло не мало поводовъ къ недоразумѣніямъ и безпорядкамъ: недаромъ же константинопольскій патріархъ считалъ нужнымъ содержать Мелетія секретно, въ особой кельѣ. Съ Никона довольно и того, въ чемъ онъ виноватъ дѣйствительно; зачѣмъ же слагать на него чужія вины?

самихъ патріарховъ въ Москву, для личнаго присутствія на соборѣ, который долженъ будетъ заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ дѣла о патріархѣ Никонѣ. Къ этому послѣднему средству онъ и рѣшился, наконецъ, прибѣгнуть.

IV.

И такъ царь Алексѣй Михайловичь рѣшился звать въ Москву вселенскихъ патріарховъ для личнаго присутствія на соборѣ по Никонову дѣлу. Константинопольскій и іерусалимскій патріархи отказались ѣхать въ Россію по причинѣ трудности путешествія и смутнаго состоянія церковныхъ дѣлъ въ ихъ собственныхъ областяхъ. Изъявили согласіе отправиться въ Москву два другіе патріарха—Александрійскій Паисій и антіохійскій Макарій; послѣдній бывалъ уже въ Россіи, именно во дни могущества патріарха Никона, и былъ хорошо знакомъ съ русскимъ гостепріимствомъ. Прибытіе патріарховъ должно было такъ или иначе рѣшить, наконецъ, судьбу Никона и его дѣла, продолжавшагося столько времени.

Въ какомъ же положеніи находился тогда человѣкъ, судьба котораго такимъ образомъ приближалась къ рѣшенію?—что самъ онъ думалъ о своемъ дѣлѣ и что для него дѣлалъ?—каковы были его отношенія къ царю и ко всей враждебной ему партіи? Къ удивленію, въ это время, отношенія между патріархомъ Никономъ и царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ снова принимаютъ характеръ дружелюбія,—тотъ и другой обмѣниваются выраженіями взаимной личной пріязни, оба жалѣютъ и жалуются, зачѣмъ возникли межъ нихъ раздоры и тянутся такъ долго; подъ вліяніемъ вновь пробудившихся надеждъ на возстановленіе прежнихъ близкихъ отношеній къ царю, Никонъ

даже рѣшается въ это время на поступокъ чрезвычайно смѣлый и отважный, которымъ думалъ заразъ покончить всѣ несогласія и безпорядки, вызванныя его отреченіемъ отъ патріаршества, однимъ ударомъ разсѣчь узелъ, который распутать сдѣлалось такъ трудно.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ описаннаго нами прежде свиданія патріарха Никона съ Паисіемъ Лигаридомъ и другими слѣдователями по доносу Бабарыкина, пріѣзжавшими въ Воскресенскій монастырь,—свиданія, имѣвшаго, какъ мы видѣли, такое несчастное вліяніе на состояніе его духа. Никонъ, по видимому, успокоился;—онъ написалъ къ государю письмо въ расположеніи очень мирномъ,—напоминалъ царю, какъ онъ присылалъ когда-то Афанасья Матюшкина сказать ему: «не покину тебя во вѣки», напоминалъ и другія ласковыя слова и поступки государя и просилъ, какъ прежде, снова обратиться на милость; «а что тебѣ лихіе люди клевещутъ на меня, ей лгутъ»,—прибавлялъ онъ въ заключеніе. Письмо это онъ отправилъ, почему-то, не прямо во дворецъ, а къ боярину Ртищеву, котораго и просилъ доставить его государю. Здѣсь мы въ первый разъ встрѣчаемъ боярина, и притомъ одного изъ лучшихъ и самыхъ образованныхъ русскихъ бояръ того времени, который если не хлопоталъ въ пользу Никона, то съ другой стороны, былъ далекъ и отъ той враждебной ему партіи, которая окружала царя Алексѣя Михайловича и умѣла такъ ловко поддерживать въ его довѣрчивомъ сердцѣ нелюбье противъ стариннаго «собиннаго» друга; даже опала, которой подвергся Никонъ, не заставила Ртищева измѣнить прежнихъ добрыхъ отношеній къ патріарху, — онъ ѣзжалъ къ нему въ Воскресенскій монастырь, приказывалъ ему чрезъ своихъ родныхъ, не одинъ разъ, чтобы «имѣлъ его въ любви, какъ

прежде»; при этомъ Ртищевъ умѣлъ сохранить къ себѣ и полное расположеніе государя *. Избравъ этого человѣка въ посредники для доставленія царю письма, послѣ тѣхъ крупныхъ объясненій съ царскими посланными, послѣ тѣхъ, вообще, смутныхъ обстоятельствъ, какими сопровождалось дѣло Бабарыкина, Никонъ, вѣроятно, разсчитывалъ на лучшій успѣхъ самаго посланія, надѣялся, что и бояринъ скажетъ доброе слово въ его пользу. Неизвѣстно, что̀ отвѣчалъ и отвѣчалъ ли Алексѣй Михайловичь на доставленное Ртищевымъ письмо патріарха Никона; но въ первыхъ числахъ декабря 1665 года, когда уже отправлено было вторичное посольство на востокъ, былъ случай, который показалъ, что къ этому времени отношенія между царемъ и патріархомъ были таковы, что трудно было ожидать для дѣла Никона того исхода, къ которому оно приближалось. Алексѣй Михайловичь, по обычаю, пріѣхалъ въ Саввинъ монастырь на богомолье, ко дню памяти преподобнаго Саввы. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Никонъ послалъ къ государю письмо, въ которомъ писалъ,

* Если Аввакумъ справедливо говоритъ въ своей автобіографіи, что бояринъ Ѳедоръ Ртищевъ былъ и его „старый дружище“ и что возвратившись изъ ссылки онъ хаживалъ къ нему „ругаться съ отступниками“ то нельзя не удивляться тому безпристрастію, съ какимъ относился Ртищевъ къ людямъ самыхъ различныхъ направленій, уважая въ каждомъ личныя убѣжденія, если только онѣ имѣлись. Изъ словъ Аввакума видно, что въ домѣ Ртищева, любившаго покровительствовать ученымъ, изъ которыхъ, какъ извѣстно, онъ образовалъ цѣлое братство, собирались люди, сочувствовавшіе начатымъ при Никонѣ церковнымъ преобразованіямъ, которыхъ Аввакумъ называетъ отступниками; по этому Аввакумъ и ходилъ сюда, когда являлось у него желаніе поспорить съ ними о вѣрѣ, или, выражаясь его языкомъ, побраниться съ ними, на что былъ онъ великій мастеръ; въ другихъ боярскихъ домахъ онъ встрѣчалъ только людей, которыхъ могъ учить и которые слушали его безъ противорѣчія.

между прочимъ, «что тужитъ объ немъ»; онъ отправилъ съ письмомъ своего воскресенскаго архимандрита, которому поручилъ бить государю челомъ, чтобы «смутѣ не вѣрилъ никакой». Алексѣй Михайловичь былъ очень радъ пріѣзду архимандрита,—долго говорилъ съ нимъ «наединѣ», увѣрялъ, что смутѣ не вѣритъ, и гнѣва противъ патріарха не имѣетъ и «совѣту» его радуется, о чемъ тогда же написалъ и самому Никону, и отправилъ къ нему съ своей государской милостью стольника Григорья Собакина;—даже архимандритъ воскресенскій, который со слезами разсказывалъ государю, какъ тужитъ о немъ патріархъ, добрѣ понравился Алексѣю Михайловичу: однимъ словомъ «тогда милость великаго государя къ Никону», какъ говорилъ впослѣдствіи самъ онъ, «была такова, какой по отшествіи его никогда не бывало». И вотъ, спустя нѣсколько дней послѣ этого, Никонъ получаетъ отъ боярина Никиты Алексѣевича Зюзина письмо, содержаніе котораго было таково, что вызывало его на сильное раздумье.

Мы говорили уже, что Зюзинъ принадлежалъ къ числу немногихъ, расположенныхъ къ Никону, бояръ, — видѣли, что поутру въ тотъ злополучный для Никона день, когда онъ рѣшился торжественно отказаться отъ патріаршества, Зюзинъ съ дьякомъ Калитинымъ убѣждалъ его оставить это опасное предпріятіе, справедливо предсказывая ему несчастныя послѣдствія. Зюзинъ велъ постоянныя сношенія съ Никономъ и послѣ его отъѣзда изъ Москвы, — писывалъ къ нему письма, посылалъ преданныхъ людей, и не затѣмъ только, чтобы узнавать «о здоровьѣ», а каждый разъ и въ письмахъ и чрезъ посланныхъ напоминалъ ему, что пора смириться, пора оставить упорство, пора возвратиться на патріаршество. Никонъ,

съ своей стороны, также писывалъ къ Зюзину и сносился чрезъ близкихъ людей, — извѣщалъ его о своихъ огорченіяхъ, жаловался на обиды; что касается вопроса о возвращеніи, то онъ отвѣчалъ обыкновенно — «будетъ время,—возвращусь». Сношенія между ними были особенно часты, когда Никонъ жилъ въ Крестномъ монастырѣ, а Зюзинъ въ тоже время, по какимъ-то дѣламъ, находился въ Новѣгородѣ. На возвратномъ пути отсюда Зюзинъ и самъ посѣтилъ Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ. При свиданіи онъ также склонилъ разговоръ на главное, о чемъ писалъ и прежде, — «зачѣмъ ушолъ изъ Москвы такъ дерзостно, и для чего нейдетъ по сіе время и не смиритъ себя предъ Богомъ и великимъ государемъ»; Никонъ опять отвѣчалъ, что сшолъ съ сердца, а по времени возвратится; «а ты», прибавилъ онъ и на этотъ разъ, «пиши ко мнѣ и впредь о томъ о пришествіи моемъ». И Зюзинъ, дѣйствительно, продолжалъ писать къ нему и словомъ приказывалъ о его пришествіи *. Вообще, письма Зюзина были не рѣдкостью для Никона; но письмо, о которомъ мы упомянули выше, не походило на другія. Правда, въ немъ говорилось также о пришествіи патріарха; но на этотъ разъ приглашеніе было сдѣлано отъ

* Надобно замѣтить, что эти сношенія Зюзина съ патріархомъ Никономъ, которыя могли быть не безопасны для боярина, производились не безъ вѣдома Алексѣя Михайловича, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Зюзина (въ его сказкѣ): „а прежде сего, какъ я былъ у патріарха *по твоему великаго государя указу* и я ему многажды говорилъ о дерзновеніи его высокомъ и что былъ безъ милости,—и онъ за то меня не взлюбилъ, и о томъ говорилъ, что де все дѣлалъ по своей мѣрѣ.“ И странно было бы Никону повѣрить, что государь приглашаетъ его въ Москву чрезъ Зюзина, какъ писалъ ему этотъ послѣдній въ письмѣ, о которомъ будемъ говорить сейчасъ, еслибъ онъ не зналъ, что государю извѣстны отношенія къ нему Зюзина и сношенія съ нимъ.

имени государя, — бояринъ писалъ, что чрезъ ближнихъ людей Артамона Сергѣевича Матвѣева да Аѳанасья Лаврентьича Ордина-Нащокина государь приказалъ ему, Зюзину, отписать къ патріарху, чтобы онъ не медля пріѣзжалъ въ Москву и шолъ прямо въ соборную церковь Успенія. Зюзинъ искалъ вѣрнаго человѣка, чтобы посекретнѣе доставить Никону это письмо. Сначала онъ обратился къ старому знакомцу, дьяку Ивану Калитину, которому объяснилъ предварительно и самое содержаніе письма. Но Калитинъ, какъ видно, былъ человѣкъ осторожный;—онъ подивился, какъ это государь послѣ всего, что было, вздумалъ звать Никона опять на патріаршество, даже спросилъ боярина — подлинно ли такъ? — и везти письмо рѣшительно отказался: «нельзя мнѣ отъѣхать, да и не смѣю». Гораздо скорѣе онъ убѣдилъ другаго близкаго Никону человѣка, иподіакона Никиту Никитина. Свиданіе съ нимъ устроено было въ кельѣ справщика печатнаго двора, старца Александра. 13 декабря, рано поутру, Никита пришелъ къ старцу Александру, по его приглашенію; Зюзинъ былъ уже тамъ, — и вотъ что самъ Никита разсказывалъ послѣ объ этомъ свиданіи: «и учалъ мнѣ Никита Алексѣевичь говорить: старый де ты мнѣ знакомецъ,—и поцѣловался со мной, — бываешь ли де ты у патріарха?—я сказалъ ему: не бывалъ; — не хочешь де ѣхать? — и я сказалъ: нынѣ де мнѣ не почто ѣхать. А онъ мнѣ молвилъ: поѣдь де съ великимъ государевымъ дѣломъ; то дѣло Божіе, и его великаго государя и всего народа». Тутъ Зюзинъ объяснилъ Никитѣ, въ чемъ именно заключается дѣло и вручилъ ему письмо. Иподіаконъ не отказался послужить государеву дѣлу, и того же числа вечеромъ былъ уже въ Воскресенскомъ монастырѣ.

Въ это время Никонъ жилъ въ своей пустынкѣ, что близъ монастыря; Никита пошолъ туда и велѣлъ немедленно доложить о себѣ патріарху. Никонъ принялъ его, при немъ же прочелъ «потихоньку» письмо и потомъ сказалъ: «буди въ томъ воля Божія, — сердце царево въ рукѣ Божіей!—а я радъ миру». Никонъ былъ такъ увѣренъ въ искреннемъ расположеніи къ нему Зюзина, что, конечно, и не думалъ подозрѣвать его въ коварствѣ, или обманѣ; притомъ недавняя, небывалая къ нему милость государя, во время богомолья въ Саввинѣ монастырѣ, внушала особенное довѣріе къ тому, что писалъ Зюзинъ: однакоже, рѣшиться на такой важный шагъ, на какой его вызывали, полагаясь только на письмо боярина, онъ считалъ дѣломъ неблагоразумнымъ и слишкомъ опаснымъ. Онъ отвѣтилъ Зюзину, что «пріятелей Артемона да Аѳанасья» благодаритъ, что миру съ своей стороны очень радъ, но что ѣхать въ Москву безъ письма великаго государя ему нельзя. 15 числа иподіаконъ Никита привезъ патріарху новое письмо отъ Зюзина, съ тѣмъ же приглашеніемъ, только болѣе настоятельнымъ, да и посланному бояринъ поручилъ убѣждать Никона, чтобы вѣрилъ письму, ничего не опасаясь, и того отнюдь не чинилъ, чтобы не ѣхать,—непоѣдетъ, потеряетъ послѣднюю милость государя. Это письмо Никонъ читалъ еще съ большей довѣрчивостью: «ужъ видно воля Божія на то пришла», сказалъ онъ Никитѣ, кончивши чтеніе,—«не буду волѣ Божіей противенъ и его государеву указу»; а самому Зюзину написалъ, что «къ Москвѣ будетъ», только велѣлъ «отписать, въ какой день ему придти и какъ въѣхать». Зюзинъ не замедлилъ отвѣтомъ: на другой же день Никонъ получилъ отъ него третье письмо съ наставленіями, касательно всѣхъ обстоя-

тельствъ его прибытія въ Москву и съ новыми убѣжденіями не терять удобной минуты — поправить все дѣло. Наставленія были до такой степени подробны и точны, все, что писалъ Зюзинъ о царѣ, его именемъ приглашая патріарха, такъ согласно было съ самымъ положеніемъ дѣла, отличалось такимъ правдоподобіемъ и такою искренностію, что на мѣстѣ Никона, дѣйствительно, трудно было подозрѣвать въ письмѣ какой-нибудь обманъ, — и даже теперь, читая это письмо, вѣришь съ трудомъ, чтобы Зюзинъ могъ выдумать все то, о чемъ писалъ, чтобы онъ, дѣйствительно, «поклепалъ» и государя и его ближнихъ бояръ, какъ самъ признавался въ этомъ при слѣдствіи и подтвердилъ подъ пыткой: такъ вѣрно изображается въ его письмѣ и характеръ царя Алексѣя Михайловича, и его положеніе, во время неудовольствій съ патріархомъ, и его отношенія къ враждебной Никону боярской партіи! Чтобы познакомить читателей съ этимъ любопытнымъ письмомъ, мы приведемъ изъ него мѣста по нашему мнѣнію, особенно замѣчательныя.

Прежде всего Зюзинъ отвѣчалъ въ своемъ письмѣ на вопросъ Никона: «въ какой день ему придти и какъ въѣхать»: «Да вѣдомо буди тебѣ, государю,—такъ пріятели мнѣ сказывали: изволено тебѣ, государю, быть въ воскресенье, въ 18 день, къ заутрени, часовъ за семъ (до свѣту), или малымъ меньше, чтобы въ праздникъ придти, а не въ понедѣльникъ 19 числа; — и войти въ церковь въ двери сѣверныя, и пришедъ положи начало и изволь молвить въ слухъ: миръ вамъ; а будетъ тутъ въ церкви митрополитъ ростовскій, или крутицкій, и ты бы изволилъ позвать къ себѣ къ благословенію и подать миръ ему, и къ государю послалъ бы его вѣсть подать (о своемъ приходѣ) съ своимъ архимандритомъ вмѣстѣ;

а будетъ, они не знаючи опасутся, и ты, государь, архимандрита и одного пошли; а прикажи съ нимъ къ государю, и государынѣ царицѣ, и къ дѣтямъ и къ царевнамъ миръ и благословеніе. У воротъ городскихъ изволь сказать, что саввинскій архимандритъ пріѣхалъ и поѣдь прямо въ соборную церковь. А посохъ прими у церкви, да пришедъ посохъ тотъ изволь отдать поддьяку, а себѣ вынь Петра чудотворца (посохъ), съ тѣмъ и въ кельи пойди... А изволитъ (царь) прислать спросить тебя: для чего пришелъ и по чьему велѣнью? и твое на то слово святительское: пришелъ де я въ свою паству, исполняя церковныя вещи, на что обѣщался; потому недокладывая и пришолъ никѣмъ незванный къ себѣ; то мнѣ Богомъ поручено святительство. Да больше всего приказано: того бы де въ слухъ отнюдь не молвилъ, что я, царь, призывалъ его,—то ему нечеловѣчно и съ нами раздорно.... И еще, то крѣпко удержи въ себѣ, государь, чтобы милостиву быть ко всѣмъ, а въ отвѣтахъ будь остороженъ». Затѣмъ подробно разсказывается, какъ царь приказывалъ звать патріарха и какъ онъ желаетъ прекратить съ нимъ раздоръ; — видно, что въ прежнихъ письмахъ Зюзинъ писалъ объ этомъ кратко, безъ особенныхъ объясненій. «Были присыланы ко мнѣ Аѳанасій, да Артемонъ преждеписанные и сказывали они: декабря де въ 7 день, у Евдокѣи, въ заутреню, наединѣ говорилъ съ ними царь-государь, что ты присылалъ архимандрита, и онъ твоему совѣту обрадовался и архимандрита добрѣ хвалитъ, — сидѣлъ все съ нимъ наединѣ, — и онъ де о томъ много со слезами говорилъ, чтобы намъ ссорѣ не вѣрить; и я съ клятвою говорю, что ссорѣ никакой отнюдь никакой не иму вѣры: и нынѣ де, въ Николинъ день, пріѣзжалъ ко мнѣ въ (село) Хорошово чернецъ

Григорій Нероновъ съ подносными словами всякими на патріарха, а знаю де, кто съ нимъ и въ заводѣ, — только я тому ничему не вѣрю; и душою своею отъ патріарха ей ей не отступилъ, да духовенства и синклита ради по нашему царскому обычаю собою мнѣ патріарха звать нельзя и отписать ему о томъ нельзя, вѣдая его нравъ, что въ сердцѣ на властей и бояръ не удержится, и молвитъ, что я ему велѣлъ придти, или по письму моему откажетъ, и мнѣ то будетъ конечно въ стыдъ, и въ совѣтѣ нашемъ будетъ препона, да и всѣ то поставятъ мнѣ въ непостоянство; а хотя и пришлю спросить въ церковь, для всѣхъ, мнительство отводя и скрывая совѣтъ, и онъ то скажетъ, что по волѣ своей ради церковныхъ потребъ отъѣзжалъ и паки пришолъ,—кто возбранитъ?—кто мнѣ въ церкви укащикъ?—или нѣсть ми лѣть, еже хощу, въ своихъ ми?... А я де свидѣтеля Бога поставляю, что ему ни въ чемъ противникъ не буду и о томъ душевно сѣтую, что и такъ толикое время промежъ насъ продолжилось въ несходствѣ, — врагу лишь въ томъ радость, да непріятелямъ нашимъ, что намъ добра никакого для своихъ прихотей не хотятъ. А только де пожаловалъ бы, изволилъ патріархъ придти, — и время къ 19 декабря въ заутреню,—въ соборную церковь, прежъ памяти чудотворца Петра, и онъ намъ, чудотворецъ, посредникъ любви нашей... А ты де, Аѳанасій, моимъ словомъ прикажи Микитѣ отписать все сіе въ тайнѣ къ пріятелю моему патріарху, конечно де пожаловать изволилъ бы къ тому дню безъ всякаго опасенія... въ томъ бы не опасался, что своею рукою не пишу о пришествіи его, потому что его то дѣло и сошествіе и пришествіе, онъ же бы собою изволилъ и довершить, никто его не бранитъ, а мнѣ молвить и съ клятвой того не грѣхъ, что не отсылалъ его и

нынѣ не браню ему о пришествіи его въ святительство. Только бы пришолъ въ тишинѣ, безъ выговоровъ большихъ, чтобы всѣхъ не ожесточилъ; отъ него всѣ опасныя—чаютъ жестокости и воздаянья, а онъ пришолъ бы христоподобно; и Богъ споручникъ, какъ совѣту нашему всѣ добрые и вѣрные намъ обрадуются, а враги наши посрамятся. А въ мѣшкотномъ его неприходѣ ничего добраго промежъ насъ не учинилось, кромѣ вражды и мятежа во всѣхъ. Да еще пишетъ онъ мнѣ жестокія письма, не по прежнему совѣту, и всѣхъ ихъ проклинаетъ и укоряетъ всячески: мнѣ, не показать имъ тѣхъ писемъ нельзя, а они приводятъ меня на ярость, только избави меня Богъ отъ того. Да онъ и самъ вѣдаетъ мой совѣтъ къ нему,—и прежде сего, кромѣ меня и моихъ, не было никого сильнаго, кто бы любилъ нашу правду. Вѣдаетъ также, что и мнѣ онъ всѣхъ нужнѣе, — а онъ оставилъ меня одного въ такихъ напастяхъ, борима отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ! Не на то мы промежъ себя обѣщались, чтобы разойтися, а чтобы другъ друга не покинуть, и клятва есть въ томъ промежъ нами, и я боюсь, что ее нарушили: пусть онъ, пріятель мой, припомнитъ. Такъ пусть пожалуетъ, придетъ къ намъ, къ тому часу вышеписанному невозбранно; а буде сего моего послѣдняго слова не изволитъ онъ, пріятель мой, послушать, то будетъ его вина; а мое приглашеніе было и прежде сего: во время отшествія его посылалъ въ соборную апостольскую церковь съ тѣмъ, для чего изволилъ идти и кто его гонитъ? и въ монастырь посылалъ съ тѣмъ же,—зачѣмъ не изволитъ придти? — то онъ самъ знаетъ, а я того не вѣдаю. И послѣ тѣхъ посылокъ я не сталъ уже и посылать зазрѣнія ради отъ всѣхъ. А я и въ ту пору и нынѣ ему въ совѣтѣ надежа; да онъ непослушенъ. Если

бы тогда онъ открылъ мнѣ свой помыслъ о своемъ такомъ странномъ сошествіи, и я бы ему не далъ мысли на то и удержалъ отъ того,—да по его совѣту къ себѣ отнюдь того и не чаялъ; думаю, что и онъ также не чаялъ того, а ждалъ, что я приду и упрошу его: но мнѣ ужъ никакою мѣрою нельзя было придти къ нему и просить, ради отказа его предъ всѣми, — да и того опасся тогда, какъ и нынѣ, что пожалуй и мнѣ откажетъ, — такъ лишъ стыдъ да враждѣ умноженіе. Знаю также, по его открытому къ себѣ нраву, что съ великой ревности и усердства учинилъ вскорѣ, а разговорить ему было некому о томъ,—не было у него такого вѣрнаго». Къ этому Зюзинъ прибавлялъ, что и «пріятели» велѣли отписать, чтобы патріархъ не противился желанію государя, — «а если де теперь того не изволитъ учинить, далеко то дѣло отойдетъ, и добра отъ него и совѣту никакого не будетъ». Въ концѣ письма была приписка, которая еще болѣе усиливала правдоподобіе его содержанія: «а о томъ не покручинься, не усумнися, что чернено и приписывано въ то время, какъ что приказано, чтобъ забыто не было, а переписывать неколи».

Это письмо, исполненное такого правдоподобія и искренности, какъ мы уже сказали, внушило Никону полное довѣріе къ словамъ Зюзина, въ личномъ расположеніи котораго онъ не имѣлъ притомъ никакихъ основаній сомнѣваться. Особенно же располагала его къ такой довѣрчивости недавняя «небывалая» милость къ нему государя, какъ самъ онъ признавался впослѣдствіи: потому, говорилъ онъ, и принималъ я письма Зюзина и поставилъ ихъ въ прямую правду, что видѣлъ къ себѣ великаго государя милость. Было и еще обстоятельство, которое, по видимому, и рѣшило всѣ раздумья Никона.

Еще за мѣсяцъ до полученія отъ Зюзина писемъ, въ сильномъ смущеніи по поводу доходившихъ до него слуховъ о томъ, сколько церковныхъ безпорядковъ, сколько противорѣчивыхъ сужденій и разговоровъ въ народѣ породило его удаленіе съ патріаршества, рѣшился онъ обратиться съ усиленной молитвой къ Богу, чтобы онъ самъ научилъ его, какъ поступить въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Съ этою цѣлію онъ удалился въ свою пустынь и проводилъ здѣсь время въ постоянной молитвѣ, постѣ и другихъ аскетическихъ подвигахъ. Подвиги эти онъ усилилъ еще болѣе послѣ того, какъ иподіаконъ Никита доставилъ ему въ пустыню первое письмо Зюзина съ царскимъ приглашеніемъ, — ничего почти не ѣлъ, совсѣмъ не спалъ... Наконецъ, въ минуты, какъ видно, крайняго изнеможенія тѣлесныхъ силъ и особеннаго возбужденія силъ духовныхъ, устремленныхъ къ одной мысли — возвратиться, или не возвращаться на патріаршество, погрузился онъ въ тонкій сонъ, и тогда представилось ему видѣніе, подобное тому, о которомъ мы говорили прежде: опять онъ въ соборномъ храмѣ Успенія, опять видитъ святителей, вставшихъ изъ гробовъ; одинъ изъ нихъ, святитель Іона, держитъ въ рукахъ свитокъ и подноситъ другимъ для подписанія, а Никону объясняетъ, что собираетъ подписи о его пришествіи на патріаршій престолъ... Смыслъ откровенія былъ ясенъ: Никонъ проснулся съ рѣшимостью на то, къ чему приглашалъ его преданный бояринъ.

Всѣ наставленія, изложенныя въ письмѣ Зюзина, были исполнены въ точности. Подъ именемъ саввинскихъ властей патріархъ Никонъ и съ нимъ большая свита изъ воскресенскихъ монаховъ безпрепятственно проѣхали чрезъ всѣ городскія ворота и въѣхали въ кремль, прямо

къ сѣвернымъ дверямъ Успенскаго собора. Было около трехъ часовъ утра; въ соборѣ шла всенощная; читали вторую каѳизму, послѣ шестопсалмія, когда сѣверныя двери были растворены настежъ и патріархъ, вслѣдъ за свитой, очищавшей ему дорогу, быстро прошелъ къ патріаршему мѣсту; воскресенскіе старцы пропѣли исполла-эти-деспота; Никонъ велѣлъ прекратить чтеніе псалтири, приказалъ діакону говорить ектенію, взялъ посохъ Петра митрополита и съ патріаршаго мѣста пошолъ прикладываться къ иконамъ, святымъ мощамъ и ризѣ Господней. Неожиданное появленіе патріарха, какъ и слѣдовало ожидать, произвело на всѣхъ необыкновенное впечатлѣніе. Дьяконъ Ѳедоръ Никитинъ, да пѣвчій Ѳедоръ Константиновъ, наивно разсказывали, какъ удивились они, когда увидѣли въ соборѣ патріарха Никона: «стояли мы въ углу церкви у самаго гроба Іоны чудотворца и на второй каѳизмѣ отверзлись двери стороннія, что отъ патріарша двора, и учало быть шумно, вошло въ церковь людей много и идутъ на средину церкви мимо амвона, а потомъ запѣли исполлати-деспота и достойно есть, и мы пошли къ царскимъ дверямъ, — ажно на патріаршемъ мѣстѣ стоитъ Никонъ патріархъ, да посохъ у него въ рукахъ Петра чудотворца!» Еще больше поражены были прибытіемъ патріарха тѣ, кого дѣло это касалось ближе—служащіе и духовенство соборное: иподіаконъ, читавшій псалтирь, прекратилъ чтеніе по первому слову Никона; соборный діаконъ Михайла такъ смутился, что не зналъ, какую начать ектенію и ужь ключари должны были подсказать, чтобы говорилъ большую: *помилуй насъ Боже;* протопопъ и ключари ходили за патріархомъ, когда онъ прикладывался къ иконамъ и мощамъ, и открывали для него мощи. Но всѣхъ больше растерялся ростовскій митрополитъ Іона,

тогдашній мѣстоблюститель патріаршаго престола. Его положеніе было очень затруднительно. Что было дѣлать? Отказать Никону въ подобающихъ почестяхъ опасно, — онъ такъ смѣло вошолъ въ церковь, какъ будто и не оставлялъ патріаршества; и что если, въ самомъ дѣлѣ, по прежнему будетъ патріархомъ? Почтить опальнаго патріарха и позволить дѣйствовать по патріаршески, опять страшно, послѣ всего, что было... Самое лучшее— поскорѣе извѣстить государя о случившемся. Іона, по видимому, остановился на этой мысли; но одинъ все-таки не смѣлъ и на это рѣшиться; хотѣлъ позвать на совѣтъ соборнаго протопопа, — но протопопъ только махнулъ рукой и пошолъ за патріархомъ; послалъ иподіакона позвать къ себѣ, по крайней мѣрѣ, ключарей; но тѣ разсказывали послѣ, что и не видали, какъ подходили къ нимъ митрополичьи иподіаконы, — не до нихъ было; хотѣлъ одинъ идти на верхъ къ государю, но оказалось, что, будто бы, заперты двери въ соборѣ! Словомъ, какъ самъ онъ признавался послѣ, на него напала печаль и ужасъ, что никто его не слушаетъ, никто нейдетъ, всѣ оставили; а попъ Кипріанъ разсказывалъ, что митрополитъ пришолъ на клиросъ и молвилъ: «и самъ де не вѣдаю теперя, что̀ дѣлать...» Его раздумье рѣшилъ самъ патріархъ Никонъ. Приложившись къ мощамъ и иконамъ, онъ возвратился на патріаршее мѣсто; протопопъ и ключари поспѣшили попросить у него благословенія; но патріархъ замѣтилъ, что прежде долженъ принять благословеніе митрополитъ и велѣлъ позвать его. Іона немедленно явился, подошолъ подъ благословеніе и даже, если вѣрить Паисію, «ласкательно, сказалъ Никону, что онъ явился въ удобную пору». Послѣ митрополита приняли благословеніе отъ Никона протопопъ, ключари, соборные попы и

діаконы. Замѣчательно, что послѣ митрополитъ Іона оправдывалъ себя, зачѣмъ подошолъ подъ благословеніе, между прочимъ, тѣмъ, что «протопопъ и ключари и попы и діаконы и всѣ соборные причетники стояли близъ мѣста патріархова и ждали отъ патріарха благословенія, всѣ приникли къ патріарху тщательно». А они, въ свою очередь, говорили, что подошли подъ благословеніе потому, что прежде ихъ сдѣлалъ это митрополитъ, а за митрополитомъ Спасоярославскаго монастыря архимандритъ Савватій; они показали даже, что какъ только Никонъ, приложившись къ мощамъ и иконамъ, сталъ на патріаршее мѣсто, они тогда же увидѣли: митрополитъ стоитъ предъ бывшимъ патріархомъ для благословенія. Послѣ служащихъ стало подходить къ Никону много другихъ, находившихся въ церкви, духовныхъ и мірскихъ людей. Иподіаконъ Ѳедоръ Никитинъ показалъ, что и онъ, съ пѣвчимъ Ѳедоромъ Константиновымъ «убоявся отъ страха прежнихъ дней и чая, что Никонъ по государеву указу пришолъ, также пошли къ благословенію», — а діаконъ Аѳанасій даже «принесъ ребятишекъ», чтобы патріархъ благословилъ. Стороннихъ же людей перебывало у благословенія «много». Такимъ образомъ, одно появленіе Никона въ Успенскомъ соборѣ, его распоряженія, его всѣмъ памятный голосъ, такъ живо напомнили прежнее время, когда семь лѣтъ тому назадъ онъ былъ полновластнымъ распорядителемъ въ церкви, когда все преклонялось предъ нимъ, что какъ будто и не существовало этихъ семи лѣтъ, и всего, что въ теченіе ихъ случилось, — всѣ по прежнему спѣшили исполнять его приказанія, опять всѣ преклонялись предъ нимъ и старались заслужить его милость...

Но патріархъ Никонъ не сдѣлалъ еще главнаго: нуж-

но было извѣстить о своемъ прибытіи государя. Опять согласно съ наставленіемъ Зюзина, онъ велѣлъ митрополиту Іонѣ идти съ этимъ извѣстіемъ на верхъ къ государю. Это обстоятельство снова повергло митрополита въ смущеніе: патріарху онъ угодилъ, — а какъ посмотрятъ на это угожденіе тамъ «наверху»? Быть можетъ, тамъ ожидали, чтобы онъ поступилъ совсѣмъ иначе?—Что въ такомъ случаѣ будетъ съ нимъ? Вообще онъ смутился такъ сильно, что идти одинъ къ государю не рѣшился,— сталъ звать съ собой успенскаго ключаря Іова*. Іовъ ска-

---

* Опасенія митрополита Іоны были не напрасны Когда онъ передалъ государю извѣстіе о случившемся въ Успенскомъ соборѣ, то Алексѣй Михайловичь величайшій знатокъ и ревнитель церковныхъ чиноположеній, спросилъ его прежде всего „у благословенія у Никона патріарха онъ митрополитъ Іона былъ ли?“ Іона отвѣчалъ, что былъ. „И великій государь ему митрополиту говорилъ: что онъ, митрополитъ поставленъ блюстителемъ соборныя и апостольскія церкви, а вѣдая соборныя всѣхъ архіереевъ изложенія, что Никонъ патріархъ патріаршескій престолъ оставилъ самовольно и обѣщался, что ему паки не возвратитися, и про то его самовольное отшествіе по изложенію освященнаго собора писано къ вселенскимъ патріархамъ, а до разсужденія вселенскихъ патріарховъ и до большаго собора *сообщенія съ нимъ не имѣти:* а у того соборнаго изложенія и его Іоны митрополита рука есть.“ Іона сказалъ на это, что „учинилъ то забвеніемъ, устрашась его Никона внезапнымъ его пришествіемъ.“ Однакоже царь не принялъ отъ Іоны благословенія и даже почелъ нужнымъ предложить на рѣшеніе освященнаго собора вопросъ: „ходить ли ему, государю, впредь на благословеніе къ Іонѣ митрополиту и можетъ ли онъ митрополитъ Іона оставаться долѣе блюстителемъ соборныя апостольскія церкви?“ Отъ архіереевъ, находившихся въ своихъ епархіяхъ, потребовали письменнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Такимъ образомъ началось дѣло. Отъ Іоны и всѣхъ соприкосновенныхъ къ дѣлу лицъ отобрали показанія о приходѣ патріарха Никона въ Успенскій соборъ; давали митрополиту очныя ставки съ свидѣтелями· оказалось, что Іона первый подошелъ подъ благословеніе къ патріарху. 22 дек. собрались въ крестовой патріаршей палатѣ власти — Павелъ Сар-

залъ, что безъ позволенія патріарха, онъ идти не смѣетъ. Никонъ велѣлъ идти и ему.

Государь въ это время слушалъ утреню «у Евдокеи» въ своей дворцовой церкви, что̀ на сѣняхъ. Трудно сказать съ полной рѣшительностію, было ли принесенное митрополитомъ Іоной извѣстіе совершенною неожиданностью для Алексѣя Михайловича, или, дѣйствительно, все дѣлалось не безъ его вѣдома, какъ писалъ Зюзинъ, и онъ здѣсь же «у Евдокеи» нѣсколько дней тому назадъ говорилъ ближнимъ боярамъ, чтобы чрезъ Зюзина пригласили патріарха въ Москву;—но только теперь, когда дошло

скій, Паисій Газскій и др., разсудить „о преступленіи брата своего Іоны митрополита Ростовскаго“, и „суди освященный соборъ винна его быти въ томъ, что забывъ своего рукописанія соборнаго и будучи намѣстникъ патріаршаго престола злый образъ бысть прочимъ церковникамъ, прежде всѣхъ пріемъ благословеніе отъ бывшаго патріарха Никона“... „Обаче, сказано далѣе въ соборномъ дѣяніи, обаче изволися Духу Святому и намъ нѣкое снисхожденіе сотворити въ немощи брата нашего“: именно соборъ постановилъ, чтобы Іона „вземъ епитрахиль и омофоръ, сице глаголюще, очистился· свидѣтельствую Богомъ 1) яко никакого имѣхъ согласія и совѣта съ бывшимъ патріархомъ Никономъ о пришествіи его на престолъ; 2) яко напраснымъ его пришествіемъ устрашся, ужасомъ содержимъ, а безъ хитрости принялъ отъ него благословеніе; 3) яко въ то время не пріиде мнѣ въ умъ рукописаніе соборное, еже сотворихъ о непріятіи его на престолъ патріаршескій; ни, ни, ни, не лгу въ томъ дѣлѣ. Тако аще восхощетъ очиститися Іона митрополитъ ростовскій мощно быти ему отъ всякаго зазора свободну, аще же не восхощетъ того сотворити, долженъ будетъ церковной казни подлежати, сирѣчь *низложенію*.“ Тогда же соборъ рѣшилъ, что литургію совершать Іона митрополитъ можетъ, но только съ архимандритами и священниками; а можетъ ли служить съ архіереями? — рѣшеніе этого вопроса отложено до полученія отвѣтовъ отъ архіереевъ, ненаходившихся въ Москвѣ. На другой день тѣ же власти собрались опять въ крестовой палатѣ и постановили, что великому государю „мощно безо всякаго усомнѣнія и безъ зазора принимати благословеніе отъ Іоны“, если только по-

до самаго дѣла, когда предъ нимъ стоялъ митрополитъ съ извѣстіемъ, что Никонъ находится въ Успенскомъ соборѣ и ждетъ къ себѣ царскаго слова, только теперь, быть можетъ, ему со всей ясностью представилась трудность и неумѣстность задуманнаго предпріятія, послѣ семилѣтнихъ неудовольствій съ патріархомъ, послѣ разныхъ изслѣдованій и соборовъ, особенно послѣ начатыхъ сношеній съ вселенскими патріархами. Правда, и теперь все дѣло, можно сказать, зависѣло отъ воли и слова государя,—даже приглашеніемъ вселенскихъ патріарховъ не было нужды слишкомъ стѣсняться, тѣмъ больше, что патріархъ Нектарій совѣтовалъ именно возвратить Никона на патріаршество. Но характеръ царя Алексѣя Михай-

---

слѣдній очиститъ себя отъ зазора „обычаемъ отъ нихъ написаннымъ.“ Іона, какъ видно, принесъ покаяніе, написаннымъ обычаемъ. 27 генв. третій разъ собирались тѣ же власти и сдѣлали слѣдующее постановленіе: „изволися Духу Святому и намъ, преосвященнаго Іону митрополита Ростовскаго, по очищеніи невинности, въ свитцѣ отъ насъ 22 декабря нынѣшняго лѣта отписанномъ, отлучена сотворити отъ намѣстничества престола патріарша вовсе, отъ настоятельствованія же между архіереями, высотѣ престола Ростовскаго и Ярославскаго обычнаго и приличнаго, воспятити ли— до разсмотрѣнія и указу *всего освященнаго собора* (оставить)“. Наконецъ 10 февраля, въ собраніи *всего* уже *освященнаго собора*, митр. Іона еще разъ засвидѣтельствовалъ съ клятвою, что никакого совѣта съ Никономъ о пришествіи его на престолъ не имѣлъ, благословеніе же принялъ отъ него напрасымъ его пришествіемъ устрашився, ужасомъ одержимъ, безъ хитрости, и выслушалъ слѣдующее окончательное опредѣленіе собора: „мы, преосвященные митрополиты и архіепископы, по благодати данной намъ отъ пресв. Духа, выслушавъ прежде бывшій соборъ прилучившихся архіереевъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, судихомъ: Іонѣ митрополиту блюстителемъ соборныя апостольскія церкви впредь не быти, а въ томъ его незапномъ погрѣшеніи свободна быти и въ соборной апостольской церкви, въ своей ему прежней степени, съ нами сообщатися и служить невозбранно.“

ловича былъ таковъ, что именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отъ него требовалась особенная рѣшительность, гдѣ слѣдовало показать свою самостоятельность, ему было особенно трудно обойтись безъ обычныхъ совѣтниковъ. И теперь, по обычаю, немедленно послалъ онъ по властей и по бояръ. Забѣгали огни по дворцу, поднялась страшная суматоха; бояре, по словамъ Паисія, узнавъ въ чемъ дѣло, «кричали» бѣгая по дворцовымъ лѣстницамъ, «власти призывали Бога на помощь, качая головами». Властямъ и боярамъ дѣйствительно было отъ чего придти въ волненіе: дѣлу, такъ долго, такъ искусно и успѣшно веденному, угрожала сильная опасность. Понятно, какого успѣха для предпріятія Никона можно было ожидать отъ такихъ совѣтниковъ. Первый голосъ въ совѣтѣ принадлежалъ Паисію Лигариду. Онъ сказалъ, что надобно прежде всего потребовать у Никона отчета, почему онъ, «такъ дерзновенно и разбойнически нахлынулъ на верховный патріаршій престолъ»?—и что ему слѣдуетъ ждать рѣшенія своего дѣла судомъ вселенскихъ патріарховъ. Государь велѣлъ митрополиту Сарскому Павлу, да постояннымъ слѣдователямъ по дѣлу Никона—князю Одоевскому, Родіону Стрѣшневу, Алмазу Иванову—идти въ соборную церковь и патріарху Никону говорить: для чего онъ, оставя патріаршій престолъ самовольно и обѣщавшись въ патріархахъ не быть, нынѣ пріѣхалъ къ Москвѣ и въ соборную церковь вшолъ безъ вѣдома великаго государя и безъ совѣту освященнаго собора, когда уже и къ вселенскимъ патріархамъ писано объ его дѣлѣ? Вопросъ этотъ, какъ мы знаемъ, не былъ неожиданностію для Никона, хотя и былъ поставленъ очень не выгодно для него. Онъ отвѣчалъ смѣло, что «сшолъ съ патріаршества не будучи гонимъ никѣмъ, а нынѣ пришолъ на свой престолъ ни-

кѣмъ незванный для того, чтобы великій государь кровь утолилъ и миръ учинилъ»; къ этому онъ прибавилъ еще, что пришолъ «*по явленію*»,—и давалъ посланнымъ письмо къ государю. Они отвѣчали, что безъ воли великаго государя принять письма не смѣютъ и пошли во дворецъ доложить о письмѣ. Скоро они возвратились и сказали Никону, что письмо взять у него государь приказалъ, а ему велѣлъ ѣхать въ Воскресенскій монастырь. Никонъ видѣлъ, что это не походило уже на то, о чемъ писалъ ему Зюзинъ,—однакожь не терялъ надежды на успѣхъ. Онъ отвѣтилъ, что «если великому государю пріѣздъ его къ Москвѣ не надобенъ, онъ въ монастырь поѣдетъ назадъ; а покамѣстъ отъ великаго государя противъ его письма отвѣту не будетъ, до тѣхъ мѣстъ онъ изъ соборной церкви не пойдетъ». Митрополитъ Павелъ и бояре взяли у Никона письмо и опять отправились во дворецъ. Государь велѣлъ при всѣхъ прочитать письмо: въ немъ, въ видѣ приложенія, находилось «сказаніе» объ извѣстномъ намъ *явленіи* святителей патріарху Никону во время тонкаго сна; въ самомъ письмѣ царю Никонъ писалъ между прочимъ, что теперь онъ находится въ соборной церкви Успенія,—что вину своего отшествія исполнилъ, что̀ было у него на мысли, то сдѣлалъ, а теперь пришолъ видѣть свѣтлое лице государя и поклониться славѣ его царства,—пришолъ *въ кротости и смиреніи, нося съ собою миръ;*—словомъ, письмо было написано въ томъ духѣ, какъ требовали наставленія Зюзина. Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвело на Алексѣя Михайловича чтеніе этого письма; но Паисій разсказываетъ, что онъ самъ, равно какъ другія власти и всѣ бояре «ужаснулись ложнаго откровенія и всѣ единодушно воскликнули: ангелъ сатаны посланъ былъ къ Никону, преобразившись въ

ангела свѣтла *; пусть скорѣе удалится отъ насъ созерцатель сихъ пустыхъ откровеній, пусть отойдетъ въ свой монастырь, чтобы не произошло крамолы, или лишняго кровопролитія въ народѣ». Паисій себѣ главнымъ образомъ приписываетъ честь, что государь сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ возвращеніи Никона въ Воскресенскій монастырь: вмѣстѣ съ боярами, отправились еще разъ въ Успенскій соборъ уже три архіерея—Павелъ Сарскій, самъ Паисій, извѣстный «способностію давать прямые отвѣты вопрошающимъ», и Ѳеодосій, митрополитъ Сербскій; они царскимъ именемъ, сказали Никону, чтобы «изъ соборной церкви шолъ и поѣхалъ, откуда пріѣхалъ»; къ этому прибавили еще угрозу, что если будетъ упорствовать и случится что-нибудь непріятное для него, пусть на нихъ не жалуется. Прибавленіе это было совершенно излишнее: Никонъ ясно увидѣлъ теперь, что сдѣлался жертвою или обмана со стороны преданнаго ему боярина, или слабости государя, не имѣвшаго силы противодѣйствовать, хотя бы и желалъ, настойчивости властей и комнатныхъ бояръ;—и ему ничего не оставалось болѣе, какъ ѣхать, откуда пріѣхалъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Видно, однакоже, что онъ никакъ не ожидалъ того, что случилось, и былъ глубоко огорченъ случившимся: выходя изъ собора онъ отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ, во свидѣтельство тѣмъ, которые его не приняли, приводя въ основаніе извѣстныя слова Спасителя.

---

* Паисій Лигаридъ въ своемъ разсказѣ не вѣрно передаетъ содержаніе Никонова письма, — онъ говоритъ, будто Никонъ писалъ, что „ему предсказалъ ангелъ Господень и вѣщалъ: пойди какъ можно скорѣе, о патріархъ Никонъ, въ столицу Москву и явись лично своему стаду.“ Очевидно разскащикъ помнилъ только въ общихъ чертахъ содержаніе письма.

Былъ и еще человѣкъ, который съ тревожнымъ ожиданіемъ слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ соборѣ, и не менѣе патріарха смущенъ былъ несчастнымъ исходомъ дѣла—тотъ, кто устроилъ все это дѣло. Идти въ кремль, тѣмъ больше въ соборъ ко всенощной, Зюзинъ не рѣшился, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ стачкѣ съ Никономъ: онъ послалъ туда «своего парня» провѣдать, что̀ дѣлается: «сказывали вечоръ, что патріархъ пріѣдетъ; сбѣгай провѣдать, пришолъ ли»? Парень сбѣгалъ и воротился съ вѣстью, что «пришолъ патріархъ недавно и стоитъ на своемъ мѣстѣ». Зюзинъ опять послалъ его смотрѣть, пойдетъ ли патріархъ въ кельи и будетъ ли отъ государя присылка къ патріарху въ церковь. Парень ужь не засталъ Никона въ церкви; но на кремлевской площади кучками стоялъ народъ, разсуждая о приходѣ патріарха. Здѣсь-то узналъ онъ, что присылка къ патріарху была и что патріархъ послѣ того поѣхалъ изъ Москвы, а провожали его до землянаго города въ саняхъ неизвѣстно кто съ стрѣльцами. Извѣстіе было очень неутѣшительно для Зюзина. Къ обѣднѣ онъ рѣшился идти въ кремль, чтобы самому что-нибудь развѣдать. Здѣсь встрѣтился онъ съ Артамономъ Матвѣевымъ, да съ Яковомъ Соловцовымъ. «Что, патріархъ приходилъ»? спросилъ онъ; тѣ отвѣчали: приходилъ; Матвѣевъ прибавилъ: «не дѣломъ дѣлаетъ, прахъ отрясаетъ, что̀ на невѣрныхъ,—не потерпитъ ему Богъ». Зюзинъ замѣтилъ на это: «старая его дерзость, неразсудная!» Этимъ разговоръ и кончился. Зюзинъ видѣлъ, что дѣло въ худомъ положеніи; осталась одна надежда на самого Никона, что онъ не выдастъ, не скажетъ о письмахъ, о чемъ Зюзинъ въ самыхъ же письмахъ постоянно просилъ патріарха. Никонъ, какъ мы видѣли, въ переговорахъ со властями и боярами, дѣйст-

вительно, не выдалъ его; но при выѣздѣ изъ Москвы проговорился. До землянаго города провожалъ патріарха князь Дмитрій Алексѣевичь Долгорукій со стрѣлецкими головами; здѣсь Долгорукій подошолъ къ патріаршимъ санямъ и прощаясь съ Никономъ сказалъ ему, что и государь велѣлъ просить себѣ благословенія и прощенія. Послѣ того, что̀ случилось сейчасъ, Никону было, безъ сомнѣнія, не легко выслушать подобную просьбу; однакоже онъ отвѣтилъ, что «прощаетъ государя, если только не отъ него эта новая смута; а самъ онъ въ ней не виноватъ,—онъ пріѣзжалъ не собою, а *по вѣсти*». Долгорукій, разумѣется, передалъ слова эти государю,—и начались изслѣдованія.

Было притомъ одно обстоятельство, которому всѣ, начиная съ царя, придавали большую важность, и по поводу котораго нужно было войти съ Никономъ въ ближайшія сношенія: онъ увезъ съ собою посохъ святителя Петра. Видно, что Никонъ сдѣлалъ это не безъ намѣренія; когда онъ выходилъ изъ церкви, то ключарь, Ѳедоръ Терентьевъ, напомнилъ ему, что въ рукахъ у него посохъ Петра митрополита и просилъ, чтобъ онъ оставилъ его въ соборѣ; Никонъ сказалъ, что взялъ посохъ забывшись, однакоже прибавилъ, что едва ли кто посмѣетъ взять его силою изъ его рукъ... Подобнымъ образомъ, когда посоха стали требовать отъ него бояре, онъ сказалъ: «отнимите у меня насильно». На это, конечно, они не осмѣлились, но государю донесли немедленно, что патріархъ, уѣзжая, взялъ съ собою посохъ Петра чудотворца; а государь указалъ, и власти и бояре приговорили, немедленно послать вслѣдъ за Никономъ Сарскаго митрополита Павла, съ чудовскимъ архимандритомъ Іоакимомъ, да Родіона Стрѣшнева съ дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ, требовать отъ него, чтобъ

возвратилъ посохъ въ соборную церковь; имъ же поручено было спросить Никона и о томъ, по какой «вѣсти» онъ пріѣзжалъ въ Москву. Никонъ выѣхалъ изъ Москвы за часъ до разсвѣта; а въ пятомъ часу дня посланные настигли его въ двадцати верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Черневѣ, принадлежавшемъ Воскресенскому монастырю, гдѣ патріархъ остановился.

Онъ принялъ посланныхъ съ честью, — встрѣтилъ ихъ на крыльцѣ; но о посохѣ сказалъ, что не отдастъ имъ; также на вопросъ, по вѣсти ли пріѣзжалъ въ Москву и отъ кого получилъ эту вѣсть, отвѣтилъ, что пріѣзжалъ дѣйствительно по вѣсти, а отъ кого получилъ ее, имъ не скажетъ. Когда митрополитъ Павелъ началъ настаивать, чтобъ онъ непремѣнно отдалъ имъ посохъ, или, по крайней мѣрѣ, отослалъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ, Никонъ замѣтно началъ горячиться,—сказалъ, что «его, Павла, онъ зналъ въ попахъ, а въ митрополитахъ его не знаетъ и кто его въ митрополиты поставилъ, того не вѣдаетъ, и посоха ему не отдастъ, да и съ своими ни съ кѣмъ не пошлетъ, потому что не у кого тому посоху быть». Дали знать объ этомъ въ Москву; отъ государя пришелъ новый указъ требовать настоятельно отъ Никона и возвращенія посоха и отвѣта о томъ, отъ кого получилъ онъ вѣсть пріѣзжать въ Москву; въ противномъ случаѣ приказано было не пускать Никона изъ Чернева, да и самимъ отъ него безъ новаго государева указа не отъѣзжать. Начались новые длинные переговоры. Никонъ прочелъ даже письмо, по которому пріѣхалъ, но указать, кто писалъ его, по прежнему отказывался и ни письма, ни посоха отдать не хотѣлъ. Между тѣмъ давно уже наступила ночь; Никонъ увидѣлъ, наконецъ, что упорство не поведетъ ни къ чему,—отдалъ посохъ своему Воскресенскому архимандриту и велѣлъ ему ѣхать

въ Москву съ царскими посланными; ему же вручилъ для передачи государю подлинное письмо Зюзина, полученное наканунѣ, и копію съ двухъ первыхъ. Въ одиннадцатомъ часу ночи митрополитъ съ спутниками отправились изъ Чернева и за два часа до разсвѣта пріѣхали въ Москву. Посохъ святителя Петра государь приказалъ митрополиту отнести въ Успенскій соборъ и поставить у патріаршаго мѣста, гдѣ стоялъ прежде; а по письмамъ произвести розыскъ.

И такъ начались допросы. Потребовали къ отвѣту всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу, — самого Зюзина, Ордина-Нащокина (былъ ли у допроса Артамонъ Матвѣевъ, неизвѣстно), иподіакона Никиту и старца Александра. Два послѣдніе подробно и со всей искренностью показали, что Зюзинъ ввелъ ихъ въ обманъ, увѣряя, что дѣйствуетъ по царскому приказу и они хотѣли только послужить великому государеву и патріархову дѣлу: ихъ оставили въ покоѣ. Зюзинъ сдѣлалъ также весьма подробное показаніе о своихъ отношеніяхъ къ Никону, начиная со дня отъѣзда его изъ Москвы. Что касается письма, то онъ винился, что о государѣ написалъ неправду, не обмысля и дерзновенно, — и разсказалъ, что дѣло было такимъ образомъ: «въ декабрѣ мѣсяцѣ случилась рѣчь съ думнымъ дворяниномъ Аѳанасьемъ Лаврентьичемъ Нащокинымъ про посылку посольства его и въ разговорѣ зашла рѣчь про патріарха: добро бы де нынѣ къ такому великому мирному дѣлу патріархъ здѣсь былъ, сказалъ Аѳанасій Лаврентьичь. И я молвилъ: да нѣтъ ли на него великаго государя гнѣву? И Аѳанасій сказалъ къ тому слову: нѣтъ де гнѣва отъ великаго государя, — мнѣ де декабря 7-го говорилъ великій государь, что пріѣзжалъ отъ патріарха Воскресенскій архимандритъ, и билъ челомъ, и

говорилъ со слезами отъ патріарха о томъ, чтобы смутѣ не вѣрить никакой; и великій государь сказалъ, что смутѣ не вѣрю, и гнѣву моего на него нѣтъ, — да Иванъ де Нероновъ пріѣзжалъ въ Хорошово и поносилъ патріарха и я де тому ничего не повѣрилъ, а положилъ то все на волю Божію. — И я молвилъ къ тому: отпишу я къ патріарху, чтобъ нынѣ былъ, либо отъ письма придетъ въ смиреніе. — Добро де, коли тебѣ совѣтенъ патріархъ; не чтобъ Господь Богъ по волѣ своей святой церковь умирилъ!» Этимъ, прибавлялъ Зюзинъ, на первый разъ и кончился разговоръ его съ Нащокинымъ. Вскорѣ послѣ разговора онъ открылъ съ патріархомъ извѣстную переписку, о чемъ далъ знать и Нащокину, «чтобъ ему вѣдать про приходъ патріарховъ, и то сказалъ, съ кѣмъ писалъ къ Никону; а что̀ подлинно и какъ писалъ, то укрылъ отъ него,—сказалъ только, что патріархъ въ граматкахъ пишетъ спасибо пріятелямъ Аѳанасью да Артемону, — а пишетъ такъ потому, что я къ нему писалъ, слыша отъ тебя и Артемона, что гнѣву на него нѣтъ; а то я утаилъ, что̀ подлинно отъ лица ихъ писалъ». Еще Зюзинъ сдѣлалъ любопытное признаніе о припискѣ въ письмѣ его къ Никону: «а что назади писалъ и чернено и въ то будто время и приказывано, и то писано для того, чтобъ ему было вѣрно и скорѣе его тѣмъ привесть». Въ тоже время взято показаніе и отъ Нащокина. Онъ признался, что разговоръ съ государемъ о Воскресенскомъ архимандритѣ и о Григорьѣ Нероновѣ передавалъ Зюзину, — и что Зюзинъ самъ умѣлъ вызвать его на эту откровенность. Бывши у него по одному дѣлу, Зюзинъ сказалъ къ слову: «слышу де, что патріархъ зѣло плачетъ, что великому государю приносятъ на него ссоры не вмѣстныя. А какъ онъ Микита тѣ рѣчи говорилъ, и онъ въ

то время плакалъ же, что де за грѣхи наши всенародные, чего и не надѣялись, межъ великимъ государемъ и межъ патріархомъ учинилась ссора, — а здѣсь де мы не слышимъ, чтобы великій государь говорилъ про патріарха гнѣвно». Къ этимъ-то слезнымъ рѣчамъ Никиты Нащокинъ и молвилъ неосторожно, о чемъ говорилъ съ государемъ за утреней у Евдокеи. «А опричь того, онъ, Аѳанасій, Микитѣ ничего не говаривалъ, и чтобъ патріарху къ Москвѣ пріѣхать по прежнему и для его Афанасьева отпуску въ посольство къ собору, ничего не говаривалъ же». Такимъ образомъ въ показаніи Нащокина была разность противъ показанія Зюзина, — ему сдѣлали новый допросъ. Нащокинъ подтвердилъ, что въ прежнемъ показаніи онъ сказалъ всю правду безъ прибавки и безъ убавки, и что кромѣ того, что̀ показалъ прежде, «ни о чемъ съ нимъ Микитою про патріарха не говаривалъ и патріарховыхъ никакихъ писемъ онъ, Микита, ему не показывалъ и съ кѣмъ патріарху писалъ, о томъ ему не сказывалъ же: тѣмъ всѣмъ его, Аѳанасья, Микита поклепалъ». Оставалось допытаться правды отъ самого Зюзина. 3 февраля его допрашивали съ пыткой, — и «раздѣванъ былъ, и руки въ петлю кладены и къ огню приложенъ и держанъ, чтобъ вину свою великому государю принесъ и сказалъ правду». Подъ пыткой Зюзинъ показалъ тоже, что и прежде: что «предъ государемъ виноватъ, — писалъ отъ него самъ собою, ни съ кѣмъ немысля и никому про то не сказывалъ; а думному дворянину Аѳанасью Лаврентьичу Ордину-Нащокину показывалъ письма, которыя писалъ къ нему, Никитѣ, патріархъ Никонъ, и каковы письма самъ писалъ къ Никону патріарху и про тѣ письма ему думному дворянину Аѳанасью Лаврентьичу онъ сказывалъ же, только не тѣмъ ли-

цомъ, какъ въ тѣхъ письмахъ своихъ писалъ; и Аѳанасій де Лаврентьичь ему сказалъ: добро́ де такъ; а инымъ никому своихъ и патріарховы писемъ не показывалъ и ни съ кѣмъ не мыслилъ». Судъ призналъ виноватымъ во всемъ одного Зюзина, и за такую его лютую дерзость, что своимъ письмомъ церковь поколебалъ и на помазанника Божія солгалъ и людей возмутилъ, бояре приговорили казнить его смертью. Но великій государь, по прошенію своихъ благовѣрныхъ чадъ, пожаловалъ на милость, положилъ смертью его не казнить, а только сослать въ Казань, и притомъ на службу, да помѣстья записать въ казну, а дворъ и животы отдать ему на прокормленіе.

Такъ кончилась несчастная попытка Зюзина возвратить Никона на патріаршество и прекратить смуты и нестроенія, происходившія въ русской церкви. Въ какой степени онъ виноватъ былъ на самомъ дѣлѣ, дѣйствительно ли онъ «своровалъ», отъ имени и по приказу государя призывая патріарха въ Москву, или у государя была въ самомъ дѣлѣ мысль поправить все тѣмъ способомъ, который такъ подробно изложенъ въ письмѣ Зюзина, — мысль, которую онъ скрывалъ отъ властей и отъ бояръ и только открылъ людямъ самымъ близкимъ къ нему и преданнымъ патріарху, — сказать это съ полною рѣшительностію, повторяемъ, трудно и теперь, не смотря на всѣ показанія Нащокина и Зюзина. Развѣ могли они на допросахъ оговорить государя, хотя бы и имѣли къ тому основаніе? — и недаромъ, конечно, явилось ходатайство царскихъ дѣтей въ пользу Зюзина, когда бояре присудили его къ смертной казни, и казнь эта замѣнена такимъ легкимъ наказаніемъ, не смотря на «лютую дерзость» подсудимаго. Замѣчательно, что впослѣдствіи, на соборномъ разсужденіи о всѣхъ поступкахъ Никона, дѣло Зюзина

какъ будто старались обойти и при жалобѣ Никона, что этотъ преданный ему бояринъ подвергся опалѣ, царь обвинялъ не Зюзина, а самого Никона, зачѣмъ онъ *выдалъ* его. Никонъ въ свое время, въ письмѣ къ патріарху Діонисію, говорилъ, что самъ не вѣдаетъ, истинно ли по царскому велѣнію писалъ къ нему Зюзинъ, или по совѣтамъ друзей, или, наконецъ, самъ собою, желая возстановить любовь и миръ между нимъ и государемъ. Несомнѣнно одно, что Зюзинъ имѣлъ въ виду именно это послѣднее, — хотѣлъ возстановить между великимъ государемъ и патріархомъ прежній миръ и старую любовь, вообще имѣлъ добрую цѣль, дѣйствовалъ благонамѣренно. Нельзя также сомнѣваться и въ томъ, что его намѣренію не были чужды и Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ, что и они желали прекращенія вражды между царемъ и патріархомъ и готовы были тому содѣйствовать. Такимъ образомъ мы видимъ на сторонѣ Никона, по крайней мѣрѣ, совершенно чуждыми стороны его противниковъ, еще двухъ бояръ, и притомъ лучшихъ, самыхъ умныхъ и благородныхъ русскихъ бояръ временъ Алексѣя Михайловича: это обстоятельство, что такіе люди какъ Ртищевъ, Нащокинъ и Матвѣевъ являются на сторонѣ Никона, конечно, говоритъ не мало въ пользу послѣдняго, въ защиту его дѣла, и еще больше въ похвалу личнымъ качествамъ самихъ бояръ, поставившихъ себя выше боярскихъ партій и придворныхъ интригъ.

Такъ неудачно кончившаяся попытка, заразъ прекратить тяжелое и запутанное дѣло, для Никона имѣла важное значеніе, именно въ томъ отношеніи, что болѣе разъяснила ему его собственное положеніе. То самое, что Никонъ такъ легко повѣрилъ письму Зюзина и считалъ удобоисполнимымъ его планъ, показываетъ, что онъ смо-

трѣлъ на дѣло не такъ строго и недовѣрчиво, какъ слѣдовало ожидать, что онъ не терялъ еще надежды на благопріятное окончаніе его, думалъ, что еще не прошло то время возвратиться на патріаршество, о которомъ столько разъ писалъ и говорилъ Зюзину. Правда, онъ неоднократно извѣщалъ государя, что патріархомъ быть не желаетъ и давалъ согласіе, чтобъ на его мѣсто избрали преемника; но преемника ему не назначаютъ, церковь остается безъ патріарха, государь опять милостивъ къ нему и даже такъ, какъ никогда не бывало: не пора ли, въ самомъ дѣлѣ, возвратиться самому для умиренія церкви? Казалось бы, при этомъ слѣдовало подумать, что въ теченіе семи лѣтъ сдѣлано по поводу его удаленія съ патріаршества много такого, что̀ не можетъ быть такъ легко предано забвенію, что наконецъ послано приглашеніе и къ вселенскимъ патріархамъ. Но добрая воля государя была всего важнѣе въ этомъ дѣлѣ; а что касается греческихъ патріарховъ, то Никонъ хорошо зналъ, что не могло быть большой бѣды, если въ отношеніи къ нимъ и измѣнятъ намѣренія. Да вѣроятно, и самъ царь былъ того же мнѣнія, когда, не смотря на ожидаемое прибытіе патріарховъ, вошолъ въ дружескія сношенія съ Никономъ, — если даже оставить въ сторонѣ подозрѣніе, что Зюзинъ дѣйствовалъ не безъ его согласія. Такъ, подъ вліяніемъ милостивыхъ словъ государя, патріархъ Никонъ смотрѣлъ на свое дѣло, когда рѣшился, по приглашенію преданнаго боярина, на описанный нами поступокъ. Но несчастный исходъ предпріятія долженъ былъ, какъ нельзя яснѣе, показать ему, что онъ заблуждался, смотря на дѣло такъ легко, что на добрую волю государя (если въ настоящемъ случаѣ она и была дѣйствительно) полагаться было очень неразсчетливо, что партія,

во главѣ которой стоялъ такой человѣкъ, какъ Паисій Лигаридъ, не могла такъ легко отказаться отъ дѣла, веденнаго столько лѣтъ, съ рѣдкимъ постоянствомъ и успѣхомъ, что, наконецъ, и самое дѣло, какъ справедливо разсуждали люди этой партіи, находилось въ такомъ положеніи, что̀ прекратить его заразъ, безъ всякаго суда, безъ всѣхъ формальностей, было слишкомъ трудно. Обсудить все это, какъ слѣдуетъ, патріархъ Никонъ имѣлъ достаточно времени, когда послѣ несчастной поѣздки въ Москву возвращался въ Воскресенскій монастырь и съ пятаго часа дня до одиннадцатаго часу ночи сидѣлъ съ властями и боярами въ селѣ Черневѣ. Теперь, дѣйствительно, онъ понялъ совершенно ясно, что для него не осталось никакой надежды сдѣлаться снова патріархомъ; онъ рѣшился, по крайней мѣрѣ, просить государя, чтобы кончилъ дѣло безъ участія греческихъ патріарховъ и оставилъ бы его на тѣхъ условіяхъ, которыя онъ предлагалъ ему и прежде. Объ этомъ тогда же, въ Черневѣ, сказалъ онъ митрополиту Павлу и боярамъ, отпуская ихъ въ Москву. Онъ просилъ ихъ убѣдительно передать государю, что онъ бьетъ ему челомъ, «чтобы не посылалъ къ вселенскимъ патріархамъ (т. е. далъ имъ знать, чтобы не трудились ѣздить въ Россію), что онъ, какъ сперва, такъ и нынѣ обѣщается на патріаршій престолъ не возвращаться, а хочетъ того, чтобы избранъ былъ на его мѣсто патріархъ, кого великій государь изволитъ и освященный соборъ изберетъ: и такъ церковь вдовствуетъ не малыя лѣта!» Потомъ изложилъ и самыя условія, на которыхъ желаетъ остаться самъ по избраніи новаго патріарха и притомъ еще опредѣленнѣе и съ большею умѣренностію, нежели прежде: «какъ будетъ новый патріархъ поставленъ, онъ (Никонъ) ни въ какія патріаршія

дѣла вступаться не учнетъ и дѣла ему ни до чего не будетъ, только велѣлъ бы ему государь жить въ Воскресенскомъ монастырѣ, да чтобы новопоставленный патріархъ надъ нимъ никакой власти не имѣлъ, а имѣлъ бы его за брата; еще—чтобы въ Иверскій и другіе монастыри его строенія новгородскій митрополитъ не вступался и не начальствовалъ ими, — у новгородскаго митрополита, опричь тѣхъ монастырей, останется со 150, да церквей больше 2000 въ Новѣгородѣ и другихъ городахъ, въ которыхъ его епархія». Наконецъ онъ просилъ, «чтобы великій государь не оставилъ его въ потребныхъ вещахъ, чѣмъ ему пропитаться до смерти, — а и вѣкъ его недологъ теперь ему ужь близко 60 лѣтъ». По поводу этого порученія, отъ Никона опять потребовали письменныхъ объясненій. 14 генваря 1665 г. пріѣхали въ Воскресенскій монастырь Чудовскій архимандритъ Іоакимъ, да думный дьякъ Дементій Башмаковъ и говорили Никону государевымъ словомъ: «приказывалъ ты изъ села Чернева съ митрополитомъ Павломъ да съ окольничьимъ Родіономъ Матвѣичемъ Стрѣшневымъ извѣстить великому государю, для чего посылать къ вселенскимъ патріархамъ, — мочно то дѣло сдѣлать и безъ вселенскихъ патріарховъ, чтобы тебѣ патріархомъ на Москвѣ не быть и въ патріаршее ни во что не вступаться, и положилъ ты на волю Божію и на повелѣніе его великаго государя и на освященный соборъ, кого они патріархомъ изберутъ и поставятъ (а прежде, какъ мы видѣли, онъ непремѣнно требовалъ, чтобы новый патріархъ отъ него получилъ поставленіе), и о томъ ты хотѣлъ письмо прислать за своею рукою». Этого письма они теперь и требовали отъ Никона. Никонъ понималъ всю важность грамоты, которую долженъ былъ вручить царскимъ посланнымъ и потому

хотѣлъ со всею точностію опредѣлить въ ней свои будущія отношенія къ новому патріарху, права и предѣлы той власти, какую желалъ за собою оставить, также всѣ условія, обезпечивающія его внѣшнее, матеріальное положеніе; вообще, въ письмѣ его видѣнъ человѣкъ, вполнѣ увѣрившійся, наконецъ, что дѣло его проиграно, и употребляющій усилія сохранить за собою изъ прежняго, по крайней мѣрѣ то, что̀ есть еще возможность сохранить*. Письмо Никона не было оставлено безъ вниманія: сохранились замѣчательныя предположенія соборныхъ опредѣленій по поводу этого письма, составленныя въ 1666 г.**; главныя условія, на которыхъ Никонъ соглашался на избраніе ему преемника, предположено было принять; но многія изъ нихъ были признаны незаконны-

---

* См. прилож. III.

** Что это не были дѣйствительныя соборныя опредѣленія, а только предварительное изложеніе ихъ, видно не только изъ того, что онѣ никѣмъ не подписаны, но особенно изъ нѣсколькихъ мелкихъ замѣтокъ сочинителя, въ родѣ слѣдующихъ: „прилично ли вписати Карѳагенскаго собора правило 98, сами изволите досмотрѣти“ „Епископъ, нерадяй о своей паствѣ . . . прописати, есть ли такое правило“ Кто писалъ эти соборныя статьи? Съ вѣроятностію можно полагать, что составителемъ ихъ былъ Епифаній Славеницкій, судя по тому, съ какою основательностію и знаніемъ дѣла собраны въ нихъ церковныя правила, также по той сдержанности выраженій и той почтительности, съ какою говорится о патріархѣ Никонѣ, наконецъ, по самому содержанію статей, имѣющему сходство съ мнѣніемъ Епифанія объ избраніи преемника Никону и о правахъ этого послѣдняго по отреченіи представленнымъ на соборъ 1660 г. Между самыми статьями есть замѣтка, которая также можетъ служить къ подтвержденію предположенія, что ихъ писалъ Епифаній: „сказываютъ, что Иверскій монастырь написанъ уже въ степени, — провѣдалъ Іаковъ“; по всей вѣроятности, здѣсь разумѣется „черный попъ Іаковъ, по прозванію философъ,“ — одинъ изъ сотрудниковъ Епифанія въ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ. Но частный человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, не могъ

ми, или неудобоисполнимыми *. Неизвѣстно, зналъ ли Никонъ, что по поводу письма его составлялись соборныя опредѣленія; но онъ, безъ сомнѣнія, очень хорошо зналъ, что по поводу этого письма не было сдѣлано главнаго, чего онъ желалъ и безъ чего не могли имѣть большаго значенія самыя эти соборныя опредѣленія,—что не было сдѣлано никакихъ распоряженій о возвращеніи патріарховъ восточныхъ, находившихся уже на пути въ Россію, и что, слѣдовательно, отъ ихъ суда ему оставалось, наконецъ, ожидать и рѣшенія своего дѣла.

же писать соборныя статьи безъ предварительнаго, хотя въ общихъ чертахъ, соборнаго рѣшенія о томъ, какъ и въ какомъ духѣ онѣ должны быть составлены, и въ началѣ этихъ статей не безъ основанія же написано: „лѣта 1666, по повелѣнію великаго государя собрашася архіереи россійскаго государства, преосвященные митрополиты и архіепископы и епископы, имѣюще волю и неприсутствующихъ архіепископовъ Сибирскаго и Астраханскаго, разсудити праведно писаніе, присланное къ великому государю отъ святѣйшаго Никона патріарха за рукою его въ лѣто 7173, генваря въ 14 д.“ Въ такомъ случаѣ, статей, о которыхъ мы говоримъ здѣсь, нельзя оставить безъ вниманія (а г. Соловьевъ даже и неупомянулъ объ нихъ), особенно принимая въ соображеніе время, когда онѣ писаны, и послѣдовавшія за тѣмъ, совершенно противорѣчащія имъ, событія.

* Вотъ, въ общихъ чертахъ, содержаніе соборныхъ статей. согласно желанію Никона, за нимъ сохранялось имя патріарха и первое мѣсто между архіереями послѣ дѣйствительнаго патріарха московскаго; но называть послѣдняго братомъ и сослужителемъ, какъ желалъ Никонъ, не позволялось; напротивъ, онъ долженъ былъ называть его своимъ архипастыремъ и старѣйшиною, подчиняться ему во всемъ и безъ его совѣта и повелѣнія ничтоже творити, якоже и прочіи архіереи вся дѣлаютъ по его благословенію. Согласно желанію Никона, въ его владѣніе предоставлялись монастыри Воскресенскій, Иверскій и Крестный,—но безъ приписныхъ монастырей, которые онъ также просилъ оставить за нимъ. Кромѣ того, Никонъ просилъ, чтобы за монастырями его были утверждены жалованныя земли и угодья, также — чтобъ ему выдавалась часть па-

Никонъ не боялся патріаршаго суда. При первомъ извѣстіи объ открывшихся сношеніяхъ съ восточными патріархами по поводу его дѣла, онъ писалъ государю: «мы не отмѣтаемся суда и хвалимъ твое изволеніе, какъ божественное, если сами патріархи захотятъ быть и разсудить все по божественнымъ заповѣдямъ евангельскимъ и святыхъ апостолъ и св. отецъ канонамъ,—ей не отмѣтаемся». Но дѣлать патріарховъ участниками въ его дѣлѣ онъ считалъ неудобнымъ потому, что при изслѣдованіяхъ необходимо должно было открыться много такихъ дѣлъ,

---

тріаршихъ доходовъ отъ дому Пресвятыя Богородицы, какъ еще живому патріарху, въ уваженіе его прежнихъ трудовъ по умноженію этихъ доходовъ и за его щедрыя приношенія государю, эти и подобныя его требованія были или совсѣмъ отвергнуты, или предоставлялись личному рѣшенію государя и будущаго патріарха. По поводу заботливости Никона обезпечить свое матеріальное существованіе, было вообще замѣчено, что на содержаніе его достаточно трехъ монастырей съ ихъ вотчинами, соляными варницами и рыбными ловлями, что мочно и тѣми довлѣтися, слѣдуя слову апостола: имуще пищу и одежду, сами довольни будите, — что напрасно онъ упоминаетъ о дарахъ государю. въ томъ была его воля, давать ихъ, или не давать,—что, наконецъ, онъ не можетъ имѣть права на патріаршіе доходы, потому только, что былъ прежде патріархомъ: ему напоминали примѣръ Аѳонія, митрополита Новгородскаго, на мѣсто котораго онъ поступилъ въ Новгородъ и которому не выдавалъ ничего изъ своихъ митрополичьихъ доходовъ. Власть Никона въ трехъ предоставленныхъ ему монастыряхъ была также значительно ограничена противъ того, какъ онъ самъ опредѣлялъ ее въ своемъ письмѣ: ему не позволялось безъ разрѣшенія епархіальнаго архіерея посвящать кого-либо изъ монастырской братіи въ священныя степени, монастыри его подчинялись надзору и суду церковному наравнѣ съ другими и проч. Никонъ просилъ, чтобъ ему позволено было пріѣзжать въ Москву для своихъ потребъ, также и по церковнымъ дѣламъ: это ему дозволялось, но не иначе, какъ если испроситъ предварительно согласіе на то отъ государя и патріарха. Въ полномъ видѣ эти соборныя статьи помѣщаемъ въ прилож. IV.

которыя лучше было бы не знать постороннимъ людямъ, для чести самого же государя. Это онъ и поставилъ ему на видъ въ упомянутомъ письмѣ; это же, быть можетъ, побуждало его и чрезъ митрополита Павла просить царя, чтобы не трудился звать патріарховъ, а кончилъ дѣло домашнимъ образомъ. Но когда сдѣлалось очевиднымъ, что суда патріарховъ избѣжать невозможно, что имъ должно сдѣлаться извѣстнымъ дѣло во всѣхъ его подробностяхъ, тогда онъ почелъ нужнымъ самъ изложить имъ важнѣйшія подробности дѣла, такъ какъ былъ увѣренъ, что его противники будутъ стараться представить ихъ въ другомъ свѣтѣ, или нѣкоторыя оставить безъ вниманія. Съ этою цѣлію онъ изложилъ свое дѣло въ длинномъ письмѣ къ патріарху константинопольскому Діонисію *. Содержаніе этого письма слѣдующее: сначала Никонъ подробно описываетъ, какъ онъ избранъ на патріаршество, какъ царь въ первое время уважалъ его и какъ потомъ послѣдовала перемѣна въ ихъ отношеніяхъ,—здѣсь онъ разсказываетъ случай при встрѣчѣ Теймураза, по которому царь не далъ ему никакого удовлетворенія, говоритъ далѣе, какъ царь пересталъ являться при патріаршемъ служеніи и чрезъ бояръ извѣстилъ его о своемъ гнѣвѣ, и какъ онъ рѣшился, наконецъ, оставить патріаршество; за тѣмъ слѣдуютъ жалобы на бояръ и государя, что предоставилъ себѣ и имъ большую власть въ церковныхъ дѣлахъ, особенно учрежденіемъ такъ называемаго монастырскаго приказа; отъ бояръ переходитъ къ Паисію Лигариду, говоритъ объ его участіи въ изслѣдованіяхъ по дѣлу Бабарыкина, о вліяніи на царя, о его значеніи на соборахъ, о

* Оно напечатано во 2 т. Запис. Арх. Общ. Такія же письма Никонъ отправилъ и къ тремъ другимъ патріархамъ.

жизни въ Москвѣ и проч.; излагаетъ исторію Зюзина; упоминаетъ о нѣкоторыхъ другихъ, болѣе частныхъ обстоятельствахъ, какъ наприм. о томъ, какъ Стрѣшневъ назвалъ его именемъ собаку и научилъ ее благословлять попатріаршески и какъ за это онъ его проклялъ. Письмо было написано вообще въ неспокойномъ духѣ,—особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится о вмѣшательствѣ государя въ церковныя дѣла, о боярахъ, о приказѣ монастырскомъ, и тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о Паисіи, о которомъ Никонъ говоритъ съ величайшимъ негодованіемъ, не стѣсняясь никакими выраженіями.

Предстояло большое затрудненіе, какъ переправить письмо въ Константинополь. Вызвался отвезти его дальній родственникъ Никона, жившій у него въ числѣ боярскихъ дѣтей. Приняты были всѣ предосторожности, чтобы тайно выѣхать ему изъ Россіи; но за Никономъ и его людьми слѣдили неусыпно: посланца схватили на дорогѣ, отобрали отъ него письмо и доставили государю. Этому письму, какъ увидимъ, суждено было пріобрѣсти важное значеніе при разсмотрѣніи Никонова дѣла на патріаршемъ соборѣ. А время этого собора между тѣмъ приближалось: въ Москву пришло извѣстіе, что патріархи подъѣзжаютъ къ русскимъ границамъ.

V.

Патріархи ѣхали въ Россію азіатскою дорогой, черезъ Грузію и Персію. Они условились съѣхаться въ Шемахѣ и отсюда вмѣстѣ продолжать путь до Москвы. Заимствуемъ у Паисія Лигарида описаніе этого путешествія: «Въ самый праздникъ Воскресенія Христова, патріархъ антіохійскій присоединился, вмѣстѣ съ конною свитою своею, къ Паисію (александрійскому). Въ Шемахѣ они были не-

долго, поджидая изъ Астрахани приготовленнаго для нихъ корабля; подъѣхали къ Каспійскому морю, развьючили верблюдовъ и немного дней ждали попутной погоды. Они уже плыли по благопріятному вѣтру, какъ на срединѣ пути подошелъ другой царскій корабль, больше перваго, на который и перешла часть пассажировъ.... По прошествіи нѣсколькихъ дней вошли они въ великую рѣку Волгу, отъ которой Болгары до сихъ поръ неизмѣнно сохранили свое имя: оставаясь тамъ (?), запаслись они во множествѣ всякимъ добромъ, и въ особенности вкуснѣйшими рыбами, питались самыми лучшими спаржами; но часто должны были сидѣть подъ шатрами отъ бездны комаровъ. Радуясь избавленію, по милости Божіей, отъ всѣхъ опасностей и и бурь, прибыли они въ Астрахань, городъ огражденный отмѣнными стѣнами». Въ Астрахани патріарховъ ожидала торжественная встрѣча. Архіепископъ Іосифъ задолго до ихъ пріѣзда, получилъ изъ Москвы наставленія, какъ держать себя съ высокими гостями: ему предписывалось оказывать святѣйшимъ патріархамъ подобающую честь со всякимъ тщаніемъ, въ Астрахань принять и къ царствующему граду Москвѣ отпустить честно; но еще строже предписывалось въ бесѣдахъ съ гостями соблюдать всевозможную осторожность относительно Никонова дѣла, на вопросы ихъ о московскихъ дѣлахъ, буде предложатъ, отвѣчать незнаніемъ, — Астрахань-де отъ Москвы далеко; особенно, почему-то, предупреждали его, чтобъ онъ какъ-нибудь не проговорился, что былъ у патріарха Никона съ княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ (на слѣдствіи по извѣстному дѣлу Бабарыкина); предписывалось ему внушить и своимъ людямъ духовнаго и мірскаго чину, чтобы съ патріаршими людьми о Никонѣ патріархѣ ничего не говорили жъ и были во всемъ опасны и бе-

Московская синодального БИБЛІОТЕКА КОМИТЕТА

режны. Были ли со стороны патріарховъ вопросы о московскихъ дѣлахъ, и въ какой степени опасенъ и береженъ былъ Іосифъ въ своихъ отвѣтахъ—неизвѣстно; но встрѣча для патріарховъ была устроена подобающая ихъ званію. «Архіепископъ Іосифъ», разсказываетъ Лигаридъ, «вышелъ къ патріархамъ съ блестящимъ соборомъ: окрестъ него стояли іеромонахи въ полномъ іерейскомъ облаченіи, несшіе святыя иконы, евангеліе украшенное разными каменьями и другіе сосуды и приношенія; на встрѣчу имъ бѣжалъ клиръ и простой народъ, не только чтобы оказать имъ честь, но и чтобы насладиться зрѣлищемъ вшествія святѣйшихъ патріарховъ, для чего спѣшили занять лучшія мѣста на улицахъ. Еще пришолъ и сіятельнѣйшій воевода (случилось, что это былъ сынъ боярина Никиты, князь Яковъ) со свитою бояръ, и отдавъ патріархамъ надлежащій привѣтъ, принявъ благословеніе, повелъ ихъ при громкомъ звонѣ всѣхъ колоколовъ, какъ бы въ день великаго праздника, и ввелъ въ давно приготовленное для нихъ пристанище, при громѣ пушекъ и мортиръ. Такую встрѣчу и почетъ воздали жители Астрахани блаженнымъ патріархамъ. Отдохнувъ въ Астрахани, гдѣ было опредѣлено для нихъ и содержаніе, послѣ угощеній и пріемовъ, отправились они (до рѣки) въ царскихъ экипажахъ. Изъ Астрахани прибыли въ Симбирскъ, а отсюда ѣхали сухимъ путемъ дней сорокъ. Такъ какъ дороги были очень грязны и непроходимы, то, по царскому приказу, устроены были новые мосты (мостовыя?), такъ что дороги вездѣ стали ровны и красивы».

Такимъ образомъ, вступивъ въ русскіе предѣлы, патріархи могли путешествовать со всѣми удобствами, какія только были возможны въ то время. Царь Алексѣй Михайловичь, какъ видно, очень заботился доставить имъ

эти удобства и вообще встрѣтить ихъ какъ можно лучше. На пути отъ Астрахани до Москвы отъ него являлись къ патріархамъ посланные изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ съ привѣтствіями и вопросами о здоровьѣ и по мѣрѣ приближенія къ столицѣ встрѣчи эти дѣлались чаще и торжественнѣе. Первый посланъ былъ привѣтствовать патріарховъ Суздальскаго Спасскаго монастыря архимандритъ Павелъ, съ небольшою свитою; онъ встрѣтилъ путешественниковъ въ лѣсу, не доѣзжая 40 верстъ до Арзамаса; патріархи вышли изъ каретъ; Павелъ говорилъ имъ привѣтствіе отъ царя и отъ архіереевъ, со всѣми титулами и съ поклонами въ указанныхъ мѣстахъ, и подалъ грамоты отъ нихъ; патріархи пригласили его обѣдать. Павелъ провожалъ ихъ до Мурома. Потомъ встрѣтили ихъ два боярина съ письмами и привѣтствіями отъ царя. За сорокъ верстъ отъ Москвы, въ селѣ Рогожемъ, встрѣчалъ патріарховъ Владимірскаго Рождественскаго монастыря архимандритъ Филаретъ. «И такъ приближались блаженные патріархи къ Москвѣ», говоритъ Паисій, съ особеннымъ удовольствіемъ описавшій всѣ эти встрѣчи и сохранившій вполнѣ всѣ сказанныя при томъ рацеи, сочиненныя, надобно думать, не безъ сильнаго участія съ его стороны, — «приближались патріархи къ Москвѣ, а царь, добрый нашъ гостепитатель, выслалъ имъ разные гостинцы, достойные царскаго величія, приложивъ къ нимъ, какъ розу дружелюбное письмо». Съ гостинцами и письмомъ явился, на этотъ разъ, ближній бояринъ Артамонъ Сергѣевичь Матвѣевъ, которому поручено было заботиться о облегченіи пути и возможномъ утѣшеніи путниковъ. Но самыя торжественныя встрѣчи ожидали патріарховъ въ Москвѣ. За городомъ ихъ привѣтствовалъ витіеватой рѣчью архіепископъ Рязанскій Ила-

ріонъ; у городской стѣны съ такою же рацеею ожидалъ Павелъ Крутицкій; отсюда начался торжественный крестный ходъ, во главѣ котораго несли царское знамя съ золотымъ двуглавымъ орломъ; за ходомъ шли сами патріархи, «какъ два свѣтозарныя свѣтила». У городскихъ воротъ встрѣтилъ ихъ Іона Ростовскій съ нѣсколькими архіереями и архимандритами; на лобномъ мѣстѣ — Лаврентій Казанскій — также съ архіереями и архимандритами и, по выраженію Паисія, «не безъ привѣтственнаго слова»; наконецъ въ дверяхъ Успенскаго собора встрѣтилъ ихъ и также привѣтствовалъ рѣчью — Питиримъ Новгородскій со всѣмъ прочимъ духовенствомъ. Патріархи нуждались въ отдыхѣ послѣ всѣхъ этихъ церемоній и рѣчей: на Кириловскомъ подворьѣ ихъ ожидалъ отдыхъ и «отличное угощеніе». Черезъ два дня происходило представленіе государю: Алексѣй Михаиловичь отвѣчалъ на привѣтствіе патріарховъ такою же витіеватою рѣчью, какъ и рѣчи архіереевъ, всѣ, какъ видно, работы одного автора, до тонкости знакомаго со всѣми риторическими хитростями. Еще нѣсколько дней прошло въ разныхъ торжествахъ,—патріархи принимали почетные дары отъ царя, принимали властей, являвшихся также съ подарками,— кто съ раззолоченными иконами, кто съ серебряными чашами и другими вещами;—немало новыхъ рѣчей пришлось имъ выслушать при этомъ,—и вѣнцомъ всѣхъ ихъ, безъ сомнѣнія, служили рѣчи Паисія Газскаго и Симеона Полоцкаго.

Время между тѣмъ проходило; надобно было подумать и о томъ, для чего патріархи пріѣхали изъ такой дали. Они прибыли въ Москву 2 ноября 1666 года; судъ же надъ Никономъ начался ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого: такой длинный промежутокъ времени прошелъ частію въ

торжествахъ и церемоніяхъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, частію въ предварительныхъ совѣщаніяхъ и разсужденіяхъ о Никоновомъ дѣлѣ. Понятно, что эти совѣщанія имѣли существенную важность для дѣла, — здѣсь именно патріархи должны были получить на него тотъ или другой взглядъ, соотвѣтственно которому они дѣйствовали потомъ на соборѣ. Что же говоритъ г. Соловьевъ объ этихъ, столь важныхъ, совѣщаніяхъ? «Приступили къ дѣлу: 5 ноября патріархи три часа сидѣли съ царемъ наединѣ; седьмаго числа къ совѣщанію были допущены архіереи, бояре, окольничіе и думные люди. Государь говорилъ объ уходѣ изъ Москвы Никона патріарха, архіереи подали сказки(?) и выписки изъ правилъ(?). 28 ноября третье засѣданіе: царь вычиталъ обвиненія Никону и просилъ патріарховъ рѣшить дѣло по правиламъ и своему разсмотрѣнію. Патріархи отвѣчали, что надобно позвать Никона на соборъ и потребовать отъ него отвѣта» (стр. 356). И только. Но желательно бы знать, о чемъ же бесѣдовали патріархи съ царемъ наединѣ цѣлыхъ три часа? — и если эта бесѣда наединѣ была такъ таинственна, что объ ней не сохранилось никакихъ свѣдѣній въ бумагахъ, бывшихъ въ распоряженіи автора, то желательно было бы знать, по крайней мѣрѣ, его мнѣніе — для чего нужна была такая секретная бесѣда, и не могла ли она имѣть какого-нибудь вліянія на судей Никона? Желательно бы знать, далѣе, какъ происходило совѣщаніе у царя съ патріархами въ присутствіи архіереевъ, бояръ и проч.? что̀ царь говорилъ объ уходѣ Никона, какія это сказки и выписки изъ правилъ, и съ какою цѣлію, архіереи подали патріархамъ? откуда, наконецъ, царь «вычитывалъ» обвиненія противъ Никона, прося патріарховъ произнести судъ объ

нихъ по своему разсмотрѣнію, и въ чемъ они состояли? Словомъ, читатель, желающій видѣть обстоятельное и безпристрастное изложеніе суда надъ Никономъ, не можетъ остаться доволенъ краткостію, допущенною авторомъ въ настоящемъ случаѣ и доходящею до неумѣстнаго лаконизма въ выраженіяхъ. Мы не знаемъ изъ какого именно источника заимствовалъ г. Соловьевъ свои краткія извѣстія о предварительныхъ совѣщаніяхъ царя съ патріархами по дѣлу Никона, и могъ ли онъ заимствовать изъ него свѣдѣнія болѣе подробныя; но мы знаемъ, что нѣкоторыя подробности, не лишенныя значенія, можно было найти, напримѣръ, хоть у Паисія Лигарида, повѣствователя, пользующагося полнымъ довѣріемъ нашего историка, и котораго, дѣйствительно, нельзя упрекнуть въ пристрастіи къ патріарху Никону.

Кстати, скажемъ здѣсь же нѣсколько словъ по поводу одной краткой замѣтки г. Соловьева о Паисіѣ. Изложивъ происходившія на первомъ соборномъ засѣданіи допросы и оправданія Никона, нашъ историкъ прибавляетъ: «Между разными голосами, поднимавшимися противъ Никона на соборѣ, мы *не слыхали* голоса Паисія Лигарида. Онъ *почелъ за полезное для себя удалиться* отъ развязки дѣла, въ которомъ такъ сильно участвовалъ прежде и подалъ царю просьбу: «я пришелъ сюда не для того, чтобы спорить съ Никономъ, или судить его, но для облегченія своей епархіи отъ долга, на ней тяготѣющаго. Я принялъ щедрую милостыню твою, которой половину укралъ воръ Агаѳангелъ: предаю его вѣчному проклятію, какъ новаго Іуду! Прошу отпустить меня, пока не съѣдется въ Москву весь соборъ; если столько натерпѣлся я прежде собора (а сколько?), то чего не натерплюсь послѣ собора? довольно, всемилостивѣйшій царь, доволь-

но! не могу больше служить твоей святой палатѣ; отпусти раба твоего, отпусти! какъ вольный, незваный, пришелъ я сюда, такъ пусть вольно мнѣ будетъ и отъѣхать отсюда» (стр. 369). Этимъ и кончается замѣтка. Что же хотѣлъ сказать здѣсь г. Соловьевъ? Мы никакъ не думаемъ, чтобы онъ хотѣлъ сказать, будто Паисій до открытія собора постарался уѣхать изъ Москвы, и слѣдовательно никакого участія въ соборѣ противъ Никона не принималъ (хотя по связи рѣчи выходитъ именно это): ему безъ сомнѣнія очень хорошо извѣстно, что Паисій прожилъ въ Москвѣ все время соборовъ противъ Никона и еще нѣсколько лѣтъ послѣ этихъ соборовъ, пока обстоятельства не заставили его уѣхать въ Кіевъ, гдѣ ему однакоже не пожилось, и что «въ соборномъ дѣяніи», въ числѣ присутствовавшихъ на соборѣ митрополитовъ, упоминается «преосвященный Паисій, митрополитъ Газскій» *. Ужели г. Соловьева могло ввести въ ошибку письмо Паисія къ государю, гдѣ онъ такъ жалобно умоляетъ царя отпустить его домой? Но вѣдь письмо это, по нашему мнѣнію, не болѣе какъ ловкая продѣлка со стороны хитраго грека. Не мудрено, что онъ «почиталъ за полезное для себя уѣхать, пока не съѣдется въ Москву весь соборъ». Богъ знаетъ, какъ взглянутъ патріархи на его московскіе подвиги! да если еще вздумаютъ навести справки и о прежней его, домосковской, жизни!— Тогда не мудрено, что послѣ собора придется чего-ни-

* Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого патріархъ Нектарій, по просьбѣ царя Алексѣя Михайловича, разрѣшивъ Паисія отъ церковнаго запрещенія, приглашалъ его возвратиться въ отечество; но и тогда, не смотря на это приглашеніе, Паисій не оставилъ Москвы. См. письмо патріарха Досиѳея къ царю во 2 томѣ Запис. Арх. Общ

будь «натерпѣться», хоть до собора онъ не видѣлъ въ Москвѣ ничего, кромѣ подарковъ и почестей. По этому, на всякій случай, полезно было вручить государю прошеніе объ отпускѣ на родину, и предварить его о могущихъ случиться съ нимъ непріятностяхъ, когда всѣ съѣдутся на соборъ. Еще полезнѣе была его просьба въ другомъ отношеніи. Паисій просится домой въ такое время, когда его присутствіе въ Москвѣ особенно необходимо: онъ держалъ въ рукахъ все дѣло Никона, и хочетъ бросить его въ самую рѣшительную минуту! — Что же будутъ дѣлать безъ него царь Алексѣй Михайловичь и его святая палата, которой доселѣ служилъ онъ такъ усердно? Паисій, подавая свое прошеніе, очень основательно разсчитывалъ, что Алексѣй Михайловичь употребитъ всѣ средства удержать его въ Москвѣ, во время предстоявшихъ соборовъ, и передъ самими патріархами будетъ лучшимъ его защитникомъ, если бы потребовалась нужда въ защитѣ. Какими средствами царь могъ удержать въ Москвѣ Паисія, такъ нетерпѣливо стремившагося въ свое отечество, въ письмѣ были и на это тонкіе намеки. Не даромъ же Паисій напоминалъ государю, что пришелъ въ Россію «не спорить съ Никономъ и судить его, а для облегченія своей епархіи отъ долга», и что Іуда-Агаѳангелъ, укралъ у него цѣлую половину щедрой царской милостыни. Какъ бы то ни было, только несомнѣнно, что Паисій, во время соборовъ противъ Никона, жилъ въ Москвѣ и на соборныхъ засѣданіяхъ присутствовалъ вмѣстѣ съ прочими архіереями, о чемъ и самъ не разъ упоминаетъ въ своемъ сочиненіи о судѣ надъ патріархомъ Никономъ. Правда, на соборѣ, сколько мы знаемъ, Паисій не являлся въ качествѣ обвинителя Никонова (въ чемъ показалъ много осторожности и

благоразумія), — и въ этомъ смыслѣ г. Соловьевъ сказалъ справедливо: «между многими голосами, поднимавшимися противъ Никона на соборѣ, мы не слыхали голоса Паисія Лигарида». Но сильнаго участія его въ томъ, что происходило на соборѣ, отрицать нельзя,—можно сказать даже, что нѣкоторые изъ тѣхъ, которые говорили на соборѣ противъ Никона, говорили именно съ его голоса. Мы замѣтили выше, что происходившее на соборныхъ засѣданіяхъ было выполненіемъ того, что было условлено и рѣшено на предварительныхъ совѣщаніяхъ по дѣлу Никона, такъ какъ здѣсь именно патріархамъ сообщено было такое, а не другое понятіе о дѣлѣ, и что такъ, а не иначе они должны рѣшить его: а на этихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ Паисію предоставлено было самое значительное мѣсто,—онъ является главнымъ дѣятелемъ, какъ сознается въ этомъ самъ и какъ мы надѣемся показать это сейчасъ изъ его собственнаго разсказа. Нѣтъ, если о комъ, то объ Епифаніи Славеницкомъ, а не о Паисіѣ, надобно сказать, и притомъ съ сожалѣніемъ, что его голоса, когда-то такъ сильно раздававшагося въ защиту нѣкоторыхъ правъ Никона, теперь, на патріаршихъ соборахъ, уже совсѣмъ не было слышно. Правда, между бумагами, относящимися къ суду надъ Никономъ, встрѣчаются такія, о которыхъ съ полною увѣренностію можно сказать, что надъ ними трудился Епифаній,—таковы — соборныя опредѣленія по поводу послѣдняго письма Никонова съ условіями отреченія, о которыхъ мы говорили въ предыдущей главѣ, таковы «главизны» изъ правилъ церковныхъ, имѣющія приложеніе къ дѣлу патріарха Никона и слово отвѣщательное, при которомъ онъ подалъ эти «главизны» государю, — таковы обстоятельныя выписки изъ церковныхъ историковъ «о патріар-

хахъ самовольно престолъ свой оставившихъ и паки не возвратившихся на престолъ свой», оставившихъ—и возвратившихся, отрекшихся архіерейства и паки сподобльшихся и проч., — сочиненія, въ которыхъ раскрывается та же главная мысль, какую прежде защищалъ Епифаній, т. е., что Никону законно избрать преемника, но незаконно было бы лишить его архіерейства и священства *. Но все это на патріаршихъ соборахъ было оставлено безъ всякаго вниманія и самъ Епифаній не только не предъявлялъ здѣсь своихъ мнѣній, но едва ли и присутствовалъ, по крайней мѣрѣ, его имени между присутствовавшими не встрѣчается.

Обратимся, однакоже, къ тѣмъ совѣщаніямъ и разсужденіямъ касательно Никонова дѣла, которыя происходили у патріарховъ и царя, прежде нежели Никонъ приглашенъ былъ къ отвѣту на соборныя засѣданія. Мы сказали уже, что нѣкоторыя свѣдѣнія объ нихъ, не лишенныя значенія, находимъ у Паисія Лигарида.

Паисій ничего не говоритъ о свиданіи патріарховъ съ царемъ 5 ноября и продолжительной ихъ бесѣдѣ наединѣ. Онъ начинаетъ разсказъ свой о послѣднихъ событіяхъ, относящихся къ дѣлу Никона, подробнымъ описаніемъ «общаго собора», составленнаго «въ патріархіи», т. е. какъ надобно думать, въ патріаршей крестовой палатѣ, недѣли двѣ спустя по прибытіи восточныхъ патріарховъ. Все, что происходило здѣсь по описанію Паисія, ограни-

* Въ словѣ къ государю, напримѣръ, читаемъ: «аще господинъ Никонъ во внѣшнихъ вещахъ и въ отреченіи своемъ погрѣши, яко человѣкъ; но въ догматѣхъ благочестивыя и православныя вѣры бѣ благочестивѣйшій и правъ, и во апостольскихъ и отеческихъ преданіяхъ бѣ зѣло ревнитель. И сего ради аще отъ престола своего самъ отримуся, достоинство же священства за нѣкое утѣшеніе да имать.

чивалось на первый разъ рѣшеніемъ нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ, касательно предстоявшаго соборнаго суда надъ Никономъ. Предложены были слѣдующіе три вопроса: 1) позволительно ли собирать соборы по требованіямъ времени? 2) Имѣетъ ли право составлять соборы царь Алексѣй Михайловичь, пригласившій на соборъ патріарховъ? и 3) Какое значеніе будетъ имѣть предстоящій соборъ,—слѣдуетъ ли назвать его вселенскимъ, или частнымъ, помѣстнымъ? Рѣшеніе этихъ вопросовъ, наполненное многочисленными указаніями на церковныя правила и примѣры изъ исторіи, было предварительно составлено Паисіемъ: чтеніемъ его записки и ограничились всѣ занятія настоящаго собранія. Въ заключеніе, когда было доказано, что предстоящій соборъ долженъ быть названъ помѣстнымъ «ибо на немъ не предположено опредѣлить какой-либо догматъ вѣры, а только произнести судъ надъ поступками Никона», и что онъ имѣетъ сходство съ такимъ же соборомъ противъ Фотія (лестное для Никона сравненіе!), — въ заключеніе, Паисій произнесъ обширную чрезвычайно витіеватую рѣчь, въ которой доказывалъ, что число вселенскихъ соборовъ должно быть ограничено семью, на томъ основаніи, что число это имѣетъ особенное значеніе въ священномъ писаніи. Послѣ этого собраніе разошлось. Такимъ образомъ все это собраніе въ сущности было не что иное, какъ торжество для учености и краснорѣчія Паисія; тѣмъ не менѣе однакоже рѣшеніемъ предложенныхъ здѣсь вопросовъ были, такъ сказать, обезпечены законность и важность предстоящаго собора. Такое же значеніе имѣло рѣшеніе двухъ слѣдующихъ вопросовъ, предложенныхъ, впрочемъ, не на соборѣ, а, какъ выражается Паисій, «келейно»: почему и съ какого времени александрійскій патріархъ называется

судіею вселенной? — также патріархъ антіохійскій — пастыремъ пастырей и архіереемъ архіереевъ? Быть можетъ эти вопросы были вызваны отзывами Никона о двухъ пріѣхавшихъ въ Москву патріархахъ, за которыми онъ не признавалъ права судить его, безъ согласія и воли на то отъ патріарха константинопольскаго, — отзывами, которые могли родить сомнѣнія касательно власти александрійскаго и антіохійскаго патріарховъ и въ самомъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; имена судіи вселенной и пастыря пастырей, усвоенные этимъ двумъ патріархамъ, указывали на ихъ великое значеніе въ церкви и могли рѣшить подобныя сомнѣнія, равно какъ и собору, составленному подъ ихъ предсѣдательствомъ, — сообщить особенную силу. И такъ оставалось узнать: законно ли носятъ патріархи антіохійскій и александрійскій такія высокія наименованія? На этотъ вопросъ Паисій отвѣчалъ пространнымъ ученымъ изложеніемъ значенія и правъ, усвоенныхъ антіохійскому и александрійскому патріархамъ съ давнѣйшихъ временъ. И такъ, авторитетъ будущихъ судей Никона былъ признанъ и утвержденъ.

«Но всѣ эти вопросы», справедливо замѣчаетъ Паисій, «служили только предверіемъ къ великой борьбѣ противъ пресловутаго Никона». Первый актъ этой борьбы происходилъ въ царскомъ дворцѣ, куда приглашены были патріархи, архіереи и синклитъ. Царь открылъ засѣданіе рѣчью. Послѣ рѣчи представлены были извѣстные намъ отвѣты четырехъ восточныхъ патріарховъ на вопросы о царской и патріаршей власти и прочтены изъ нихъ главныя статьи; за тѣмъ патріархи спросили русскихъ архіереевъ: дѣйствительно ли Никонъ виноватъ въ томъ, въ чемъ осуждаютъ его эти статьи? «Они отвѣчали: да, къ чему первопрестольный Питиримъ прибавилъ, что хотя

Никонъ виноватъ и во многомъ другомъ, но, главнымъ образомъ, въ этомъ». — Далѣе разсказъ Паисія не совсѣмъ ясенъ: «сверхъ того прочитаны были нѣкоторыя изъ отправленныхъ писемъ (?), а потомъ, послѣ большихъ преній (?) и заботливыхъ розысканій (?) вручены были патріархамъ разныя записки, заключавшія въ себѣ вкратцѣ главнѣйшіе проступки Никона». Но слѣдующія за тѣмъ извѣстія Паисія вполнѣ ясны и, при всей краткости, очень многозначительны: «потомъ вручены были патріархамъ, *для келейнаго разсмотрѣнія, собранныя изъ разныхъ мѣстъ обвиненія на Никона, изложенныя въ видѣ прошенія* (къ патріархамъ). При этомъ царь предложилъ имъ въ толмачи и слѣдователи по обвиненіямъ, произнесеннымъ противъ Никона, двухъ архіереевъ — Павла Крутицкаго и Иларіона Рязанскаго. Патріархи одобрили избраніе, но попросили придать имъ еще *одноязычнаго съ ними Паисія Газскаго, знакомаго съ дѣломъ*. Государь отвѣчалъ: имѣйте его отнынѣ при себѣ; отъ него узнаете *все подробно*».

Записка съ подробнымъ изложеніемъ обвиненій противъ Никона, которую патріархи должны были келейно разсмотрѣть подъ руководствомъ Павла, Иларіона и особенно Паисія, какъ человѣка знакомаго съ дѣломъ, отъ котораго они могли узнать все подробно,—эта записка Паисіемъ же была и составлена. Она очень обширна,—самъ сочинитель, обращаясь къ читателямъ, говоритъ: «не поскучайте длинною ея: длинна здѣсь не въ количествѣ буквъ». Хотя послѣднее не совсѣмъ справедливо, потому что записка наполнена различными разсужденіями и свидѣтельствами изъ духовныхъ и свѣтскихъ писателей, безъ чего Паисій, кажется, не могъ обойтись; но длинота, дѣйствительно, зависѣла много и отъ количества собранныхъ въ

ней обвиненій противъ Никона. Въ какомъ дѣлѣ она написана, можно судить по началу: «Внемлите племена народовъ, главы церкви, равноангельные архіереи, небесные и земные чины и стихіи, которыхъ и Моисей призываетъ во свидѣтельство,—внемлите! я открою вамъ, праведнымъ судіямъ, козни бывшаго патріарха Никона, который, сверхъ всякаго чаянія, изъ сыновей бѣдныхъ родителей, будучи возведенъ на патріаршую каѳедру, какъ новый Люциферъ, дерзнулъ поставить престолъ свой выше другихъ, сталъ поражать благодѣтелей своихъ и терзать, подобно эхиднѣ, родную мать свою — церковь». Замѣчательно, что Паисій, желая рѣшительнѣе убѣдить патріарховъ въ преступности Никона, прибѣгаетъ не разъ къ доказательствамъ ad hominem—доказываетъ, что Никонъ посягалъ на достоинство и власть ихъ самихъ—александрійскаго и антіохійскаго патріарховъ—чего разумѣется никогда и на мысль не приходило Никону. Доказательства эти очень оригинальны. Паисій утверждаетъ, напримѣръ, что Никонъ имѣлъ замыселъ называться патріархомъ и папою, нарушая должное почтеніе къ *истинному папѣ и патріарху александрійскому*, которому принадлежитъ это титло искони и понынѣ канонически (слѣдуютъ доказательства изъ исторіи)!... Никонъ оскорбилъ іерусалимскаго патріарха, «назвавъ себя патріархомъ Новаго Іерусалима, ибо онъ невѣжественно и безстыдно назвалъ обитель свою новую Новымъ Іерусалимомъ *, забывая, что Софроній раздѣляетъ Іерусалимъ на древній—христоубійственный, и новый—пораждающій благочестіе». Нужно было доказать, что Никонъ посягалъ и на права антіохійскаго патріарха: это было не такъ легко, и Паисій выдумалъ что-

* Обитель назвалъ, но себя патріархомъ Новаго Іерусалима не называлъ никогда.

то нескладное: «Никонъ хотѣлъ подчинить себѣ и антіохійскій престолъ, стараясь обманчивою подписью и подложнымъ сочиненіемъ быть третьепрестольнымъ» (?). Въ другомъ мѣстѣ, разсуждая о томъ, что московскій патріархъ не имѣетъ права называть себя блаженнѣйшимъ, когда этого титла не имѣетъ даже и патріархъ антіохійскій, Паисій, опять не совсѣмъ удачно (потому что Никонъ блаженнѣйшимъ никогда не писался), дѣлаетъ такія восклицанія: «и такъ не позволено тебѣ, Никонъ, размножать твои титла! не величается же ими антіохійскій, имѣющій подъ собою 153 архіерейскіе престола и четырехъ католикосовъ»! Достойно замѣчанія также, что Паисій старался представить Никона «нововводителемъ, поколебавшимъ уставъ и древнее церковное преданіе», тогда какъ Никонъ, по справедливому замѣчанію Епифанія, «апостольскихъ и отеческихъ преданій бѣ зѣло ревнитель». Это презрѣніе Никона къ священнымъ преданіямъ Паисій указываетъ въ томъ, что онъ замѣнилъ синія скрижали на мантіи красными, ввелъ новые напѣвы, отмѣнилъ нѣкоторыя церковныя пѣсни, внутри олтаря передъ зеркаломъ расчесывалъ волосы и под. (Можно подумать, что это говоритъ невѣжественный русскій раскольникъ, временъ Никона, а не образованнѣйшій и ученѣйшій грекъ: такъ вражда къ одному человѣку невольно сближаетъ людей, не имѣющихъ между собою ничего общаго, и которые оскорбились бы, еслибъ имъ сказали, что они походятъ другъ на друга!). Паисій доказываетъ, будто Никонъ незаконно носилъ и званіе патріарха, потому что, вступая на патріаршество, получилъ во второй разъ рукоположеніе: «остается Никону признать одно изъ двухъ: или, что онъ никогда не былъ поставленъ въ Новгородѣ, потому что патріархъ Іосифъ еретикъ (что ложно и не ра-

зумно)—или же, что бывъ снова поставленъ, онъ никогда не былъ законнымъ патріархомъ». Что касается прочихъ обвиненій противъ Никона, то въ нихъ повторяются извѣстные толки о его гордости и надменномъ обращеніи съ архіереями, о крайней жестокости къ подчиненнымъ, неправосудіи и ужасномъ любостяжаніи, такъ что, по словамъ Паисія, онъ только и дѣлалъ, что «вѣчно замкнутый, считалъ свои деньги и драгоцѣнные сибирскіе мѣха (Ια συμπιριώδη κώδια), предоставивъ судъ однимъ свѣтскимъ людямъ, обыкновенно продающимъ правосудіе», и проч. Но, къ удивленію, Паисій не говоритъ ничего о самовольномъ удаленіи Никона съ патріаршества и случившихся послѣ того событіяхъ, быть можетъ потому, что объ этомъ патріархи имѣли уже свѣдѣнія, или же потому, что объ этомъ удобнѣе было говорить келейно, нежели писать, тѣмъ болѣе, что здѣсь уже самъ Паисій является ближайшимъ и небезукоризненнымъ дѣятелемъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе обширной записки о преступленіяхъ Никона, составленной Паисіемъ и врученной патріархамъ для келейнаго разсмотрѣнія подъ руководствомъ того же Паисія. По ней можно судить и о томъ, какого рода объясненія и толкованія по дѣлу Никона сообщили патріархамъ въ келейныхъ бесѣдахъ данные имъ руководители и особенно одноязычный съ ними и хорошо знакомый съ дѣломъ Паисій! Само собою разумѣется, что объ этихъ келейныхъ совѣщаніяхъ Паисій не распространяется. Видно только, что на нихъ употреблено было не мало времени: между собраніемъ, на которомъ патріархамъ вручена была записка съ обвиненіями противъ Никона, и послѣдовавшимъ за тѣмъ новымъ собраніемъ, прошелъ значительный промежутокъ времени. Это новое собраніе происходило 22 ноября. Архі-

ереи собрались теперь, чтобы рѣшить только вопросъ: произнести ли надъ Никономъ судебный приговоръ не приглашая его къ отвѣту, такъ какъ преступленія его доказаны вѣрными свидѣтелями (слѣдовательно, дѣло въ сущности уже было рѣшено), или вызвать его на соборъ для выслушанія вопросовъ и подачи отвѣтовъ? Большинствомъ голосовъ, говоритъ Паисій, рѣшено было вызвать Никона для законнаго оправданія. Тогда же, въ присутствіи государя, патріарховъ, архіереевъ и синклита, написано было приглашеніе къ Никону «явиться безъ всякаго замедленія въ столицу и лично предстать предъ патріарховъ по нѣкоторымъ духовнымъ дѣламъ»; избраны были и лица, которыя должны были доставить Никону приглашеніе.

Что же надобно сказать объ этихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ по дѣлу патріарха Никона? Не трудно понять, что патріархамъ необходимо было предварительно вникнуть въ дѣло, — такъ сказать, изучить его во всѣхъ его подробностяхъ, чтобы потомъ законно произнести о немъ свой рѣшительный приговоръ, и что для этого нужно было прослѣдить весь ходъ его съ самаго начала и въ то же время безпристрастно обсудить то, что уже было сдѣлано по этому дѣлу, т. е. прежнія соборныя розысканія и опредѣленія, сдѣланныя въ Москвѣ, при чемъ необходимо было обратить вниманіе и на вызванныя этими опредѣленіями возраженія Епифанія, — наконецъ, надобно было взять во вниманіе и послѣднее положеніе дѣла, которое, какъ мы знаемъ, остановилось на томъ, что Никонъ представилъ условія, на которыхъ соглашался навсегда отказаться отъ патріаршества. Только безпристрастно обсудивши всѣ эти обстоятельства можно было произнести правильное рѣшеніе дѣла. Ничего подобнаго мы не видимъ въ предварительныхъ дѣйствіяхъ

собора, составленнаго Алексѣемъ Михайловичемъ. Правда, г. Соловьевъ свидѣтельствуетъ, что «государь говорилъ объ уходѣ изъ Москвы патріарха Никона», и что, «архіереи подали (какія-то) сказки и (какую-то) выписку изъ правилъ». Но изъ разсказа Паисія не видно даже и этого. Изъ него видно только, что послѣ нѣкоторыхъ формальностей, каковы вопросы и отвѣты о значеніи предстоявшаго собора, все дѣло было ограничено тѣмъ, что патріархи спросили русскихъ архіереевъ, виноватъ ли Никонъ въ тѣхъ проступкахъ, о которыхъ прежде, не упоминая совсѣмъ о Никонѣ, просили у нихъ мнѣнія, и что прочитано было новое подробное изложеніе обвиненій противъ подсудимаго патріарха; разъясненіе же всего дѣла патріархи должны были получить отъ нарочно назначенныхъ для того лицъ. И кто же это были?— Люди, по преимуществу извѣстные своею личною враждою къ патріарху Никону—Павелъ Крутицкій, Иларіонъ Рязанскій и, что особенно замѣчательно, тотъ самый Паисій Лигаридъ, который, по словамъ г. Соловьева, почелъ за полезное для себя удалиться, не дожидаясь развязки Никонова дѣла! При этомъ на Паисія, какъ вполнѣ знакомаго съ дѣломъ и самъ царь указывалъ патріархамъ какъ на человѣка, который можетъ объяснить имъ все подробно, и отъ него, безъ сомнѣнія, какъ человѣка одноязычнаго съ ними, патріархи получили свѣдѣнія о дѣлѣ Никона и наставленія о томъ, какъ вести его и кончить согласно съ ожиданіемъ московскаго двора и ихъ личными интересами. Послѣ этого не трудно понять имѣлъ ли Паисій значеніе на соборѣ судившемъ патріарха Никона, хотя мы дѣйствительно не услышимъ здѣсь его голоса, и чего слѣдовало ожидать отъ этого собора, на который звали теперь и самого Никона.

Звать патріарха Никона въ Москву на соборъ отправлены были псковскій архіепископъ Арсеній, и архимандриты — ярославскій Сергій и суздальскій Павелъ. Они пріѣхали въ Воскресенскій монастырь 29 числа, около полудни. Никонъ принялъ ихъ немедленно. На приглашеніе отъ александрійскаго и антіохійскаго патріарховъ онъ отвѣчалъ, что поставленіе на патріаршество получилъ не отъ нихъ, а отъ константинопольскаго, и только въ такомъ случаѣ готовъ подчиниться ихъ требованіямъ, если они дѣйствуютъ съ согласія этого послѣдняго; ѣхать же на соборъ онъ вообще не отказывался, только не сказалъ опредѣленно времени, когда поѣдетъ, — «какъ-де соберутся, прійду». Вскорѣ послѣ этого, однакоже, началъ онъ дѣлать распоряженія, изъ которыхъ не трудно было понять, что онъ готовится къ скорому отъѣзду; распоряженія касались собственно послѣдняго служенія, которое онъ хотѣлъ совершить торжественно, оставляя навсегда свой любимый монастырь (ужели это была тайна для него!). На другой день, 30 числа, совершивъ надъ собою елеосвященіе и отслуживъ литургію, онъ, дѣйствительно, отправился въ путь. Между тѣмъ, еще наканунѣ, немедленно послѣ свиданія съ Никономъ, Арсеній отправилъ въ Москву, къ освященному собору, извѣстіе, что Никонъ о вселенскихъ патріархахъ отозвался нечестно и на соборъ ѣхать отказывается, по крайней мѣрѣ не сказалъ, когда поѣдетъ. Ночью, подъ 30-е число, Арсеній получилъ письмо отъ Павла Крутицкаго: этотъ послѣдній просилъ Арсенія извѣстить его поскорѣе, что дѣлается въ Воскресенскомъ монастырѣ, и кромѣ того писалъ, чтобы Арсеній, «поговоря съ архимандритомъ и и головою (стрѣлецкимъ) накрѣпко опасался, чтобы возовъ, которые будутъ съ Никономъ, на дорогѣ не развя-

зывали, и чтобы къ Москвѣ люди его отлучась напередъ никто не пріѣхалъ, да накрѣпко постарался бы, чтобы онъ, Никонъ патріархъ, пріѣхалъ въ Москву часу въ третьемъ ночи, или больше». Арсеній отвѣчалъ, что о томъ, что дѣлалось въ Воскресенскомъ монастырѣ гласно, онъ уже писалъ въ Москву; а распоряженій его исполнить не надѣется; «удержать Никона не съ кѣмъ,— людей мало и лошади худы». Очевидно, Павелъ писалъ къ Арсенію еще до полученія въ Москвѣ извѣстія о томъ, какъ принялъ Никонъ приглашеніе патріарховъ; но какъ скоро извѣстіе это было получено, немедленно собрались у государя патріархи, власти, синклитъ и написали новое, грозное письмо къ Никону, съ требованіемъ явиться на соборъ, гдѣ, между прочимъ, (и это заслуживаетъ вниманія) предписываются тѣ же требованія относительно его поѣздки, какія (безъ всякаго на то права, самъ по себѣ) излагалъ Павелъ крутицкій въ письмѣ къ Арсенію, — именно Никону предписывали, чтобы онъ ѣхалъ «смирнымъ образомъ въ 10 человѣкахъ, или меньше», и «чтобы въ Москву пріѣзжалъ 2 декабря во второмъ или третьемъ часу ночи, не раньше втораго и не позднѣе третьяго». Съ письмомъ этимъ отправили къ Никону владимірскаго архимандрита Филарета. Онъ встрѣтилъ Никона уже на дорогѣ, когда тотъ подъѣзжалъ къ селу Черневу. Филаретъ остановилъ поѣздъ и вручилъ Никону письмо. Только что пріѣхалъ въ Чернево, явился новый посланный отъ царя и собора, Новоспасскій архимандритъ Іосифъ, съ третьимъ письмомъ такого же содержанія, какъ и второе *. Очевидно, въ этихъ по-

* Въ сказкѣ своей Іосифъ пишетъ, что письмо для доставленія Никону вручили ему Павелъ митрополитъ и Ларіонъ архіепископъ по указу государя и благословенію патріарховъ и собора.

сольствахъ, особенно въ послѣднемъ, не было никакой нужды и, поспѣшая сдѣлать три приглашенія, хотѣли только представить Никона ослушникомъ царской, патріаршей и соборной власти. Никонъ имѣлъ основаніе сказать, по этому случаю, что эти дѣйствія исполнены лжи и не правды: «кого я обезчестилъ? и какъ не ѣду, когда оба вы встрѣтили меня на пути? И зачѣмъ приказано мнѣ быть непремѣнно ночью и съ малыми людьми?» Къ этому онъ прибавилъ только, по своей горячности, слишкомъ смѣлое предположеніе, что, вѣроятно, хотятъ и его удавить, какъ Филиппа митрополита. Въ Тушинѣ нужно было остановиться опять: голова стрѣлецкій отказывался ѣхать дальше, безъ особаго на то разрѣшенія отъ высшихъ властей, такъ какъ въ письмѣ къ Никону царь и соборъ приказывали быть въ Москву 2 декабря. Никонъ сказалъ: дѣлайте, что хотите. Послали гонца въ Москву за приказаніями; оттуда было приказано, чтобы ѣхали не медля, и прибыли въ Москву за три или за четыре часа до свѣту. Около этого времени патріархъ Никонъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Москву, на Архангельское подворье, въ кремлѣ, у Никольскихъ воротъ, гдѣ ему назначено было помѣщеніе; домъ немедленно оцѣпили стражей,—Никольскіе ворота заперли и сообщеніе чрезъ нихъ было прервано.

Въ слѣдующій день, рано по утру, составился соборъ во дворцѣ, въ столовой царской палатѣ: присутствовали самъ царь Алексѣй Михайловичь, патріархи, архіереи, архимандриты съ нѣсколькими протопопами и синклитъ. За Никономъ послали епископа Мстиславскаго, Меѳодія, съ двумя архимандритами. Никонъ очень заботился сохранить свое патріаршее достоинство на судѣ предъ двумя восточными патріархами. Онъ настоялъ, чтобы ему позво-

лено было идти на соборъ въ преднесеніи креста. Не смотря на раннюю пору, кремль былъ наполненъ народомъ, — Никонъ на пути раздавалъ благословеніе. Въ столовую палату онъ вошелъ съ обычными обрядами, прочли: *достойно есть*, онъ проговорилъ: *Владыко многомилостиве*, поклонился царю, патріархамъ и всѣмъ присутствовавшимъ. Ему предложили садиться; но увидѣвъ, что особаго мѣста, какъ другимъ патріархамъ, ему не приготовлено, онъ отвѣтилъ, что мѣста для себя не принесъ и сѣсть ему негдѣ; онъ предпочелъ стоя отвѣчать на вопросы. Тогда всталъ съ своего мѣста и царь Алексѣй Михайловичъ; даже патріархи, по разсказу Паисія, какъ скоро увидѣли, что царь стоитъ на срединѣ, точно подсудимый, поднялись съ своихъ мѣстъ; но государь попросилъ ихъ сидѣть, какъ прилично это судіямъ и преемникамъ апостоловъ, и выслушать, что онъ будетъ говорить*. Алексѣй Михайловичь началъ съ того, съ чего

---

* Мы желали бы представить читателямъ по возможности полное изложеніе послѣдовавшихъ за симъ соборныхъ разсужденій, или правильнѣе состязаній; но источники, которыми мы можемъ пользоваться въ настоящемъ случаѣ, представляютъ къ тому не малое затрудненіе. Будучи согласны между собою въ главномъ, всѣ они значительно разнятся въ разсказѣ о подробностяхъ происходившаго на соборѣ, такъ что, если на основаніи ихъ можно опредѣлить, что дѣйствительно тамъ происходило, то, съ друго йстороны, трудно возстановить правильный, т. е. соотвѣтствующій дѣйствительности, порядокъ всего происходившаго, каждому частному обстоятельству дать его настоящее мѣсто. Мы имѣемъ: 1) офиціальную записку о соборѣ, подъ заглавіемъ: дѣяніе московскаго собора о низложеніи патріарха Никона; 2) разсказъ о немъ Шушерина; 3) разсказъ Паисія Лигарида и 4) разсказъ г. Соловьева. (Разсказъ г. Соловьева мы относимъ къ числу источниковъ, на ряду съ повѣствованіями современниковъ Никона потому, что онъ основанъ не на запискахъ Шушерина и Паисія, а заимствованъ, какъ надобно думать, вполнѣ, изъ какаго-то другаго, неизвѣстнаго намъ источ-

и слѣдовало начать: онъ обратилъ вниманіе патріарховъ на главное, въ чемъ виноватъ былъ Никонъ, — на его самовольное удаленіе съ патріаршества, отчего церковь, около девяти лѣтъ, оставалась безъ верховнаго пастыря и претерпѣла много бѣдствій; онъ предложилъ патріархамъ разсудить объ этомъ поступкѣ Никона, — допросить его,

---

ника,—изъ какого же именно, этого, по обыкновенію (что весьма жалко) г. Соловьевъ не открываетъ намъ и тѣмъ лишаетъ насъ возможности не только судить, въ какой мѣрѣ этотъ источникъ заслуживаетъ довѣрія, но и просто назвать его, какъ современный собору: и такъ мы по необходимости должны отнести къ числу такихъ источниковъ уже разсказъ самого г. Соловьева). Офиціальное извѣстіе, конечно, должно быть предпочтено прочимъ относительно фактической точности повѣствованія; но оно весьма кратко, ограничивается въ этомъ отношеніи только общими замѣчаніями, — такъ о первомъ соборномъ засѣданіи тамъ говорится только слѣдующее: царь, вставши „началъ болѣзнь свою, паче же всея россійскія церкве, предъ святѣйшими патріархами и всѣмъ освященнымъ соборомъ извѣщати и девятилѣтнее вдовство церкве оплакивати; святѣйшіе патріархи, удивившись многимъ слезамъ царскимъ, сами удержаться отъ слезъ едва возмогоша, и сотвориша чрезъ толковника (сами бо языку словенскому не имѣста искусства) вопрошеніе: чесо ради остави престолъ патріаршескій?“ Никонъ отвѣчалъ, что уклонился отъ царскаго гнѣва; царь засвидѣтельствовалъ Богомъ, что никогда не имѣлъ на него гнѣва; Никонъ опять былъ спрошенъ: зачѣмъ, оставляя патріаршій престолъ, клялся никогда не возвращаться на него? Никонъ далъ отвѣтъ отрицательный, что не клялся никогда. „Но великимъ облакомъ свидѣтелей побѣжденъ бывъ, въ срамоту и стыдъ облечеся“. Потомъ, зъ дѣяніи сказано, что Никонъ былъ вопрошенъ и въ другихъ винахъ многихъ: „но вездѣ бѣ не имѣя во устѣхъ своихъ обличеніе, весьма бысть безотвѣтенъ; аще же что рече, то не яко архіерееви, или честному подобаше мужу, но зѣло легко и правдѣ не согласно. Наипаче же посрамленъ бысть своимъ писаніемъ, еже въ тайнѣ писа къ вселенскимъ патріархамъ, многими лжами и клеветами на благочестивѣйшаго самодержца и на все православное государство исполнивъ“. Вотъ и все о засѣданіи продолжавшемся цѣлыхъ десять часовъ! Еще меньше сказано о второмъ соборномъ

для чего поступилъ онъ такимъ образомъ. Патріархи предложили Никону этотъ вопросъ. Никонъ отвѣтилъ, что ушелъ по причинѣ царскаго гнѣва, и въ доказательство, что царь дѣйствительно гнѣвался на него, разсказалъ подробно о случившемся при встрѣчѣ Теймураза, какъ царь не далъ ему удовлетворенія по жалобѣ на Бо-

---

засѣданіи. Понятно, что при такой краткости офиціальнаго изложенія соборныхъ дѣяній противъ Никона, трудно повѣрять ими другія, болѣе полныя. О разсказѣ Шушерина должно сказать, что онъ также не отличается надлежащей полнотою, притомъ Шушеринъ писалъ его не какъ непосредственный свидѣтель происходившаго на соборѣ, потому что при самомъ въѣздѣ Никона въ Москву взятъ былъ подъ стражу и содержался долѣе 11 лѣтъ, — а по разсказамъ другихъ. Но такъ какъ у него изложеніе дѣла направлено къ оправданію Никона, тогда какъ, напротивъ, во всѣхъ другихъ извѣстіяхъ видны совершенно противоположныя намѣренія, и кромѣ того есть подробности, не лишенныя значенія, то при изложеніи происходившаго на соборѣ оставить безъ вниманія повѣствованіе Шушерина (какъ сдѣлалъ это г. Соловьевъ) было бы несправедливо,—было бы нарушеніемъ правила: audiatur et altera pars. Притомъ нѣтъ и основанія подвергать извѣстія Шушерина какому-либо сомнѣнію,— онъ даже не впадаетъ въ противорѣчіе съ другими повѣствователями, а только представляетъ сторону дѣла ими опущенную, и въ этомъ отношеніи ихъ дополняетъ. Что касается разсказа Паисія Лигарида, то въ немъ, вопервыхъ, кромѣ желанія унизить Никона, замѣтно еще намѣреніе выставить въ самомъ выгодномъ свѣтѣ дѣятельность александрійскаго и антіохійскаго патріарховъ, даже оправдать ее, какъ будто онъ чувствовалъ, что она можетъ возбудить возраженія, или порицанія; вовторыхъ, въ его разсказѣ есть не мало такого, что едва и могло происходить на соборѣ: таковы нѣкоторыя ученыя свидѣтельства въ импровизированныхъ рѣчахъ патріарховъ, принадлежащія, по всей вѣроятности, самому Паисію, который такъ любилъ приводить ихъ; таковы нѣкоторыя, довольно неумѣстныя, изреченія, приписанныя имъ патріархажъ, царю Алексѣю Михайловичу и особенно, разумѣется, патріарху Никону. Напримѣръ, онъ разсказываетъ, что когда Никонъ явился на соборъ и упрекнулъ государя, что ему не приготовлено приличной каѳедры, то „оба патріарха сказали: такъ это-

гдана Хитрова и какъ послѣ того, пересталъ являться при патріаршемъ служеніи въ нарочитые праздники. Дѣло касалось лично царя Алексѣя Михайловича; онъ отвѣчалъ, что когда Никонъ прислалъ жалобу, у него обѣдалъ грузинскій царь и въ ту пору розыскивать и оборону давать было некогда. Отвѣтъ, по справедливому замѣчанію на-

---

то Никонъ, который болѣе осьми лѣтъ смущалъ всю Московію, отъ котораго церкви восточной нанесены неисцѣлимыя бѣдствія (?), который одинъ привелъ въ опасность и потрясъ четыре вселенскія патріаршества (?)! Ты требуешь каѳедры? — а развѣ не помнишь, что возсѣданіе принадлежитъ судіи, а не подсудимому? Читаемъ въ дѣяніи собраннаго противъ Фотія собора, что когда онъ взошелъ въ соборъ съ жезломъ, то намѣстники Николая Римскаго тотчасъ воскликнули: возьмите у него жезлъ" и т. п. За этимъ, неудачно выбраннымъ примѣромъ, слѣдуетъ нѣсколько другихъ. Ужели патріархи, да еще оба, могли произнести длинную рѣчь съ учеными цитатами по поводу того случайнаго обстоятельства, что Никонъ не хотѣлъ сѣсть на ряду съ другими архіереями, слѣдовательно произнести экспромптомъ? — Вообще довольно сомнительно, чтобы они, не зная ни слова порусски, могли произносить на соборѣ длинныя рѣчи, даже и безъ ученыхъ цитатъ. А восклицаніе въ началѣ приведенной рѣчи, и совершенно неумѣстно въ устахъ патріарха антіохійскаго, Макарія; ему нечего было восклицать при видѣ Никона: такъ это-то Никонъ? — Никона онъ зналъ очень хорошо и прежде. Наконецъ, источникъ, изъ котораго г. Соловьевъ заимствовалъ свой разсказъ, полнѣе всѣхъ другихъ и, какъ видно, излагаетъ соборныя пренія въ послѣдовательномъ порядкѣ, т. е. какъ онѣ происходили на самомъ соборѣ, — по крайней мѣрѣ, г. Соловьевъ признаетъ именно такимъ порядокъ, котораго держался въ своемъ разсказѣ. Но читая этотъ разсказъ, нельзя не удивляться крайней безпорядочности и безсвязности происходившихъ на соборѣ преній, — этому перескакиванью отъ одного вопроса къ другому, не разсмотрѣвши ихъ, какъ слѣдуетъ; наконецъ этой лаконической краткости, и отрывочности возраженій и отвѣтовъ. Быть можетъ, все это такъ и было на самомъ дѣлѣ и такъ изложено въ запискѣ, которою руководствовался г Соловьевъ; но въ историческомъ разсказѣ все это производитъ тяжкое впечатлѣніе на читателя и утомляетъ его,

шего историка, очень неудовлетворительный; даже и то, что̀ царь говорилъ дальше, по нашему мнѣнію, не давало «благопріятнаго для него оборота дѣлу», — онъ прибавилъ, «что Хитровъ побилъ слугу патріаршаго за дѣло, за невѣжество, за чѣмъ пришелъ не во время», и что «это безчестіе къ Никону патріарху не относится». За дѣло или не за дѣло побитъ былъ слуга патріаршій, во всякомъ случаѣ, по жалобѣ Никона, слѣдовало сдѣлать розыскъ; а Никонъ о томъ и говорилъ, что никакого розыска по его жалобѣ сдѣлано не было, изъ чего онъ и понялъ, что царь на него гнѣвается. Обстоятельный розыскъ показалъ бы и то, что оскорбленіе патріаршаго слуги было сдѣлано съ намѣреніемъ оскорбить именно патріарха. Царь сказалъ еще, что въ праздники не дѣлалъ выходу за многими государственными дѣлами; но, какъ

не сообщая въ тоже время надлежащаго понятія и о характерѣ соборныхъ преній. Выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: „дошли и до Стрѣшневской собаки“, или, „голоса съ разныхъ сторонъ: какъ ты Бога не боишься“, — нисколько не оживляютъ разсказа Оживить его сочинитель могъ бы тѣмъ (и этого въ правѣ требовать отъ него читатели), если бы показывалъ внутреннія основанія, почему поднимали тотъ, или другой вопросъ, и почему на одномъ останавливались дольше, съ другимъ старались кончить скорѣе, и если бы, кромѣ того, показывалъ значеніе и силу какъ обвиненій, такъ и оправданій, — въ какой степени тѣ и другія справедливы и законны (для этого, конечно, недостаточно сказать: отвѣтъ былъ очень неудовлетворителенъ, — или: оправданіе было слишкомъ ничтожно; а двумя или тремя такими выраженіями авторъ ограничилъ всѣ свои замѣчанія о соборныхъ преніяхъ) При всемъ томъ, относительно полноты, разсказъ г. Соловьева имѣетъ преимущество предъ всѣми другими источниками, изъ которыхъ мы можемъ заимствовать свѣдѣнія о происходившемъ на соборѣ. Но, чтобы не повторять того, что извѣстно читателямъ изъ его книги, мы ограничимся общимъ изложеніемъ дѣла въ главныхъ и важнѣйшихъ его чертахъ, обращая притомъ вниманіе на тѣ стороны, которыхъ авторъ не коснулся.

мы говорили уже, во всякое другое время никакія государственныя дѣла его не удерживали отъ участія въ церковныхъ торжествахъ, — напротивъ извѣстно, что эти послѣднія всегда считались у него дѣломъ первой важности. Наконецъ, вѣроятно также по поводу Никонова объясненія, Алексѣй Михайловичь прибавилъ, что посылалъ къ патріарху князя Ромодановскаго сказать, «чтобы онъ впередъ великимъ государемъ не писался, потому что прежніе патріархи такъ не писывались, но того къ нему не приказывалъ, что на него гнѣвенъ». Однакоже Ромодановскій именно говорилъ Никону, что царь на него гнѣвается и почитать его не станетъ. Ромодановскій былъ на лицо, здѣсь же на соборѣ; но ему ничего не стоило сказать, что о государевѣ гнѣвѣ онъ не говаривалъ. Противъ такихъ свидѣтелей Никону защищаться было трудно. Онъ, какъ видно, почелъ за лучшее молчать. За то патріархи, по видимому, были вполнѣ удовлетворены отвѣтами царя и князя Ромодановскаго, — они повторили Никону вопросъ: какія же обиды ему были отъ великаго государя? И потомъ, съ тѣмъ же вопросомъ обратились къ русскимъ архіереямъ; послѣдніе отвѣтили: никакихъ обидъ Никону отъ государя не было; и самъ Никонъ сказалъ, что обидъ дѣйствительно не было, но что у него и рѣчи не было объ обидахъ, а говорилъ онъ о гнѣвѣ царскомъ: когда царь началъ гнѣваться и пересталъ ходить въ церковь, тогда и онъ рѣшился оставить патріаршество, по примѣру прежнихъ патріарховъ, — «и прежніе патріархи отъ гнѣва царскаго бѣгали же, Аѳанасій Александрійскій, Григорій Богословъ». Этимъ отвѣтомъ Никонъ выводилъ соборныя разсужденія о его дѣлѣ на тотъ путь, которымъ слѣдовало бы идти имъ съ самаго начала; указывая въ свое оправданіе на примѣры древнихъ патріарховъ, онъ этимъ

самымъ обращалъ вниманіе своихъ судей къ церковной практикѣ и каноническимъ правиламъ, на основаніи которыхъ имъ и слѣдовало разсуждать, имѣлъ ли патріархъ Никонъ право самовольно оставлять свою каѳедру по тому или другому побужденію, и если не имѣлъ, то какому подлежитъ за то наказанію? — А это, въ свою очередь, должно было обратить вниманіе ихъ къ дѣяніямъ прежняго собора по Никоновому дѣлу, составленнаго въ 1660 г. изъ русскихъ архіереевъ, такъ какъ на этомъ соборѣ были уже собраны церковные правила и примѣры, относящіеся къ поступку Никона, — мало того, они были даже критически обслѣдованы, въ примѣненіи къ дѣлу Никона, Епифаніемъ Славеницкимъ, что должно было значительно облегчить занятія собора въ этомъ отношеніи. Мы не знаемъ, требовалъ ли самъ Никонъ на соборѣ, чтобы патріархи «судили по божественнымъ заповѣдямъ Евангельскимъ и св. апостолъ и св. отецъ канонамъ», какъ прежде писалъ объ этомъ государю; но видно, что патріархи не были особенно расположены входить въ подробное разсмотрѣніе каноническихъ правилъ и самыхъ дѣяній прежняго московскаго собора, при чемъ необходимо было бы остановиться и на мнѣніи Епифанія. Они ограничились краткимъ замѣчаніемъ, по поводу сдѣланнаго Никономъ указанія на примѣры древнихъ патріарховъ, что примѣры эти не служатъ къ его оправданію: «другіе патріархи оставляли престолъ, да не такъ, какъ ты; ты отрекся, что впередъ не быть тебѣ патріархомъ, если будешь патріархомъ, то анаѳема будешь». Никонъ поспѣшилъ опровергнуть это обвиненіе,— сказавъ, что при отреченіи онъ не клялся. Здѣсь рѣшеніе должно было бы опереться опять на изысканіяхъ прежняго собора; мы знаемъ, что тогда представлены были на

соборъ отобранныя отъ весьма многихъ свидѣтелей сказки объ отреченіи Никона, что при этомъ обращено было особенное вниманіе именно на то, произносилъ ли патріархъ клятву при отреченіи — буду анаѳема, и что всѣ почти свидѣтели показали, что такой клятвы патріархъ не говорилъ, или, по крайней мѣрѣ, они не слыхали. Но къ прежнимъ соборнымъ изслѣдованіямъ не обратились и на этотъ разъ; мало того, даже самый вопросъ объ отреченіи Никона и самовольномъ удаленіи въ монастырь поспѣшили оставить въ сторонѣ. Соборныя изслѣдованія приняли оборотъ совершенно неожиданный. Царь представилъ собору письмо Никона къ вселенскимъ патріархамъ, перехваченное на дорогѣ, какъ самую сильную улику противъ Никона въ разныхъ его преступленіяхъ: «я на него ни малаго безчестья и укоризны не писывалъ», сказалъ при этомъ Алексѣй Михайловичь, «а онъ въ грамотахъ своихъ къ вселенскимъ патріархамъ написалъ на меня многія безчестія и укоризны». Паисій утверждаетъ, будто Никонъ не зналъ, что его письма къ патріархамъ перехвачены и былъ пораженъ, когда онѣ были представлены на соборъ; но этому трудно повѣрить:—Никонъ, безъ сомнѣнія, бдительно слѣдилъ за судьбою своихъ посланій; вѣроятнѣе то, что говоритъ Шушеринъ, именно, что Никонъ упрекнулъ государя, за чѣмъ онъ распечатывалъ чужія письма, замѣтивъ притомъ, что посланіе онъ писалъ къ патріарху Діонисію, какъ своему брату, духовно и тайно, и не его вина, — если написанное тайно будетъ теперь извѣстно всѣмъ.

И такъ царь представилъ собору письмо Никона къ вселенскимъ патріархамъ и велѣлъ его читать: чтенію этого письма, и преніямъ по поводу того, что читали, и были посвящены отселѣ всѣ занятія собора на первомъ

засѣданіи, т. е. въ теченіи, по крайней мѣрѣ, 8 или 9 часовъ. Главный же вопросъ—о самовольномъ удаленіи Никона съ патріаршества остался такимъ образомъ въ сторонѣ. Впрочемъ, обойти его все-таки было невозможно; самое чтеніе письма, въ которомъ Никонъ разсказывалъ, между прочимъ, какъ царь не далъ ему управы на Хитрова и пересталъ являться при его служеніи, и какъ по этому онъ рѣшился оставить патріаршество, опять возбудило пренія объ этомъ дѣлѣ. Но и на этотъ разъ никакихъ обстоятельныхъ розысканій не было сдѣлано; замѣчательно только, что теперь уже самъ Хитровъ рѣшился принять участіе въ преніяхъ, всталъ съ мѣста и началъ защищаться весьма бойко и развязно: я справлялъ царскій чинъ, говорилъ онъ, а патріарховъ человѣкъ произвелъ мятежъ и я его зашибъ не знаючи. Примѣръ Хитрова ободрилъ и другихъ: съ обѣихъ сторонъ, отъ синклита и отъ властей, раздались голоса противъ Никона; каждый говорилъ, какъ видно, что ему приходило въ голову, не заботясь, относится ли это къ дѣлу, — власти, наприм., говорили, что за Никономъ въ Воскресенскій монастырь увезли его люди много сундуковъ съ имѣніемъ.... Рѣшеніе по дѣлу Хитрова послѣдовало уже на другомъ засѣданіи; тогда патріархи произнесли, между прочимъ, слѣдующее замѣчательное опредѣленіе: «когда Теймуразъ былъ у царскаго стола, то Никонъ прислалъ человѣка своего, *чтобъ смуту учинить*; а въ законахъ написано: кто между царемъ учинитъ смуту, тотъ достоинъ смерти; и кто Никонова человѣка ударилъ, того Богъ проститъ, потому что *подобаетъ такъ быть*». При этихъ словахъ патріархъ антіохійскій всталъ и осѣнилъ Хитрова своимъ патріаршимъ благословеніемъ. Что означало это благословеніе? — награду ли за то, что Богданъ Ма-

твѣевичь поступилъ такъ, какъ подобаетъ быть, или полномочіе — поступать такъ и на будущее время? — неизвѣстно.

Возвратимся, однакоже, къ первому соборному засѣданію. Мы сказали, что оно было посвящено чтенію Никонова письма къ вселенскимъ патріархамъ. Это чтеніе только и сообщало соборнымъ разсужденіямъ нѣкоторый общій порядокъ, котораго опять нельзя найти въ частныхъ преніяхъ по поводу того или другаго мѣста въ письмѣ. Самое письмо притомъ, какъ увѣряетъ Шушеринъ, читали не все по порядку, но «еже угодно имъ, то, назнаменавши прежде и читаху». Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что нѣкоторыя мѣста въ письмѣ Никона оставлены были безъ замѣчаній и именно тѣ, противъ которыхъ трудно было сдѣлать сколько-нибудь основательныя замѣчанія, хотя и вообще соборныя замѣчанія не отличались особенною основательностію и законностію. Такъ, напримѣръ, подробно изложенная Никономъ исторія его избранія на патріаршество, гдѣ онъ старался обратить вниманіе патріарховъ особенно на то, что принялъ патріаршество лишь подъ условіемъ полнаго повиновенія ему въ дѣлахъ церковныхъ,—эта исторія вызвала только одно довольно неловкое замѣчаніе со стороны царя Алексѣя Михайловича. Въ письмѣ говорилось: «посыланы есмы были въ Соловецкій монастырь ради мощей святаго священномученика Филиппа митрополита, его же умучи царь Иванъ безъ правды, правды его ради». Не мудрено, что Никонъ употребилъ такое выраженіе не безъ особеннаго намѣренія: во время невзгоды онъ любилъ уподоблять себя то Златоусту, то Филиппу митрополиту, и потому въ словахъ о царѣ Иванѣ могъ быть намекъ и на другаго царя. По крайней мѣрѣ Алексѣй Михайловичь, кажется, увидѣлъ

здѣсь именно такой намекъ и горячо принялъ его къ сердцу: онъ сказалъ патріархамъ: «для чего Никонъ такое безчестіе и укоризну царю Ивану Васильевичу написалъ, а о себѣ утаилъ, какъ онъ низвергъ безъ собора Павла, епископа Коломенскаго,—допросите его, по какимъ правиламъ онъ это сдѣлалъ»? Ужели Алексѣй Михайловичь принялъ слова Никона о царѣ Иванѣ Васильевичѣ дѣйствительно за безчестіе и укоризну его памяти, какъ будто Никонъ сказалъ неправду, — и хотѣлъ очистить ее отъ такой укоризны? И что за переходъ къ вопросу о Павлѣ Коломенскомъ? Объ Иванѣ Васильевичѣ сказалъ, что онъ замучилъ Филиппа митрополита московскаго, а о себѣ не сказалъ, что безъ собора низвергъ Павла, епископа Коломенскаго! Объ Иванѣ Васильевичѣ кстати было сказать, говоря о поѣздкѣ за мощами святителя Филиппа; но съ какой стати было говорить при этомъ о низложеніи Павла Коломенскаго? Послѣ исторіи своего избранія на патріаршество, вызвавшей только приведенное сейчасъ привязчивое замѣчаніе Алексѣя Михайловича, Никонъ довольно подробно излагаетъ въ письмѣ исторію своего отреченія: это изложеніе, какъ мы уже говорили, не возвратило соборныхъ разсужденій къ обстоятельному изслѣдованію дѣла, а вызвало только смѣлый отвѣтъ Хитрова да неумѣстныя рѣчи властей и бояръ. За тѣмъ въ письмѣ Никона, какъ извѣстно, слѣдуютъ разныя жалобы на государя, на обиды бояръ и незаконные поступки нѣкоторыхъ архіереевъ. На эти жалобы и обращено было особенное вниманіе; въ ихъ незаконности соборъ и старался главнымъ образомъ обвинить патріарха Никона. Мы не станемъ приводить здѣсь всего сказаннаго на соборѣ по поводу отдѣльныхъ мѣстъ и выраженій въ письмѣ Никона, чтобъ не повторять того, что читателю извѣстно изъ

XI т. «Исторіи Россіи» г. Соловьева; замѣтимъ только, что разсматривая извѣты Никона, на соборѣ не столько опровергали ихъ, доказывая ихъ несправедливость, сколько старались обратить ихъ противъ самого Никона, подобно тому какъ царь обратилъ противъ него упрекъ, сдѣланный царю Ивану Васильевичу: Никонъ жалуется на это, а самъ виноватъ вотъ въ чемъ! — такъ большею частію опровергали Никоновы жалобы. Обратимъ вниманіе только на важнѣйшее въ этихъ соборныхъ преніяхъ по поводу Никонова письма къ патріархамъ.

Самое важное значеніе было придано тому, что сказано въ письмѣ о Паисіѣ Газскомъ. Мы замѣчали уже, что Никонъ писалъ о Паисіѣ въ выраженіяхъ рѣзкихъ. Первый разъ онъ распространился о немъ, говоря объ извѣстномъ слѣдствіи по доносу Бабарыкина, въ которомъ Паисій принималъ такое дѣятельное участіе: онъ исчислилъ много весьма важныхъ обвиненій противъ Паисія и жаловался, что такому человѣку царь предоставилъ слишкомъ большую силу въ церкви русской, во всемъ его слушаетъ и сдѣлалъ судьею надъ самимъ Никономъ. Неизвѣстно, все ли, что писалъ Никонъ о Паисіѣ, было прочитано на соборѣ; но не видно, чтобы все это было подвергнуто строгому разбору. Дѣло ограничилось замѣчаніемъ со стороны государя, что Паисій, вмѣстѣ съ другими, ѣздилъ на слѣдствіе въ Воскресенскій монастырь по его государеву приказу, и что Никонъ позорилъ его напрасно, — онъ свидѣтельствованъ отцемъ духовнымъ и ставленная грамота у него есть. Еще свидѣтелемъ въ защиту Паисія явился антіохійскій патріархъ Макарій, — онъ сказалъ: «Газскій митрополитъ въ дьяконы и въ попы ставленъ въ Іерусалимѣ, а не въ Римѣ, я

про то подлинно знаю» *. Гораздо болѣе значенія придали другому мѣсту въ письмѣ, гдѣ также говорилось о Паисіѣ. Никонъ жаловался, что царь «указалъ быть нѣкоему собору, и на соборѣ томъ указалъ быть первосѣдателемъ Газскому митрополиту Паисію Лигариду, и на томъ соборѣ приговорили Крутицкаго митрополита Питирима, *по благословенію Газскаго митрополита Паисія Лигарида*, перевести въ Новъградъ, на первую митрополію русскую, а на его мѣсто поставили въ митрополиты Павла Чудовскаго и иныхъ епископовъ по инымъ епархіямъ многимъ; и отъ того ихъ беззаконнаго собора преста на Россіи святыя восточныя церкви единеніе и *ваше благословеніе*, но отъ римскаго костела начатки воспріяли, по своимъ имъ волямъ». Никонъ, какъ видно изъ связи рѣчи, хотѣлъ сказать здѣсь, что такъ какъ, по его убѣжденію, Паисій папистъ, принадлежитъ къ Римскому костелу, то и епископы, поставленные по его благословенію, получили свою духовную власть отъ Римскаго костела, и слѣдовательно поставленіемъ ихъ прерванъ іерархическій союзъ русской церкви съ восточною-православною, отъ которой, въ преемственномъ порядкѣ, всѣ русскіе епископы получали поставленіе и духовную власть. Если эта мысль и выведена логически послѣдовательно, то, съ другой стороны, нельзя не согласиться, что защитить ее было очень трудно и что во всякомъ случаѣ она высказана въ письмѣ слишкомъ рѣзко и рѣшительно. Этимъ и воспользовались на соборѣ, чтобы

* Что патріархъ Никонъ писалъ о Лигаридѣ правду, это подтверждается письмомъ патріарха Досифея къ царю Алексѣю Михайловичу (см. 2 т. Запис. Арх. общ.); изъ того же письма видно, что Алексѣю Михайловичу хорошо извѣстно было о низложеніи Паисія.

обратить ее въ сильное обвиненіе противъ Никона. Оставивъ въ сторонѣ Паисія Лигарида и не обращая вообще строгаго вниманія на связь рѣчи, царь Алексѣй Михайловичь далъ самое невыгодное для Никона толкованіе приведенному мѣсту изъ его письма. «Никонъ насъ отъ благочестивой вѣры и отъ благословенія святыхъ патріарховъ отчелъ и къ католицкой вѣрѣ причелъ и назвалъ всѣхъ еретиками; только бы его Никоново письмо до св. вселенскихъ патріарховъ дошло, то всѣмъ православнымъ христіанамъ быть бы подъ клятвою и за то его ложное и затѣйное письмо надобно всѣмъ стоять (?) и умирать и отъ того очиститься». И такъ Никонъ обвинялся въ томъ, что русскую церковь не признаетъ православною, считаетъ ее уклонившеюся въ латинство. Обвиненіе, очевидно, весьма важное. Никонъ старался было объяснить свою мысль,—говорилъ, что у него рѣчь идетъ о Паисіѣ Газскомъ и поставленныхъ по его благословенію архіереяхъ; Паисія же онъ дѣйствительно не признаетъ православнымъ, да еслибъ онъ не былъ и еретикъ, то не признаетъ за нимъ права распоряжаться церковными дѣлами въ русской патріархіи. Но объясненіе Никона не было принято; напротивъ, со всѣхъ сторонъ раздались крики: «онъ назвалъ еретиками всѣхъ насъ, а не одного Газскаго митрополита; надобно учинить объ этомъ указъ по правиламъ!» На этотъ разъ, однакоже, по правиламъ не было ничего постановлено, — перешли опять къ чтенію письма; но впослѣдствіи снова обратились къ этому сильному обвиненію противъ Никона,—что онъ всю русскую церковь назвалъ еретическою *. Опять самъ царь

* То, что мы сейчасъ изложимъ, происходило, по свидѣтельству г. Соловьева, на засѣданіи 3 декабря; но ни соборное дѣяніе, ни Шушеринъ, ни Паисій совсѣмъ не говорятъ, чтобы 3-го числа

Алексѣй Михайловичь обратилъ на него вниманіе собора, и притомъ выставилъ дѣло гораздо прямѣе и рѣшительнѣе, нежели въ первый разъ: «бранясь съ митрополитомъ Газскимъ Никонъ писалъ въ грамотѣ константинопольскому патріарху, будто все православное христіанство отъ восточной церкви отложилось къ западному костелу, тогда какъ святая соборная восточная церковь имѣетъ въ себѣ Спасителя нашего Бога многоцѣлебную ризу и многихъ святыхъ московскихъ чудотворцевъ мощи, и никакого отлученія не бывало, держимъ и вѣруемъ по преданію св. апостолъ и св. отецъ истинно: бьемъ челомъ, чтобъ патріархи отъ такого названія православныхъ христіанъ очистили». При этомъ царь и весь соборъ поклонились патріархамъ до земли. Вотъ съ какою торжественностью теперь выставлено было обвиненіе противъ Никона по поводу одной, не точно выраженной, мысли! Самая эта торжественность показываетъ, что возможности представить такое тяжкое обвиненіе очень обрадовались... Патріархи, съ своей стороны, поддержали мнѣніе царя и собора объ особенной важности того, что писалъ Никонъ о неправославіи русской церкви: «это дѣло великое», отвѣчали они, «за него надобно стоять крѣпко»; они старались даже (довольно

соборъ имѣлъ засѣданіе, — они упоминаютъ только о двухъ соборныхъ засѣданіяхъ 1 и 5 декабря, и потомъ о собраніи 12 числа собственно для низложенія Никона; тогда какъ г. Соловьевъ, неизвѣстно на какомъ основаніи насчитываетъ три засѣданія, — 1, 3 и 5 дек., такъ, что собраніе 12 ч., по его счету, было уже четвертое. Мы не упомянули бы объ этой, какъ думаемъ, ошибкѣ, если бы она не производила новой запутанности при сличеніи разсказа г. Соловьева съ другими извѣстными намъ повѣствованіями о соборѣ на патріарха Никона, и безъ того мало сходными между собою.

странно) показать, что называя Русскихъ неправославными, Никонъ съ тѣмъ вмѣстѣ не признаетъ православными и ихъ, патріарховъ: «когда Никонъ всѣхъ православныхъ христіанъ еретиками назвалъ (?), то онъ и насъ также назвалъ еретиками, будто мы пришли ереликовъ разсуждать (!),—а мы въ московскомъ государствѣ видимъ православныхъ христіанъ; мы станемъ за это патріарха Никона судить и православныхъ христіанъ оборонять по правиламъ». Изъ разсказа нашего историка не видно, впрочемъ, чтобъ они и на этотъ разъ по правиламъ судили Никона; или, по крайней мѣрѣ, какъ и по какимъ правиламъ судили; видно, напротивъ, что соборныя разсужденія опять уклонились въ сторону. Но Паисій разсказываетъ, что на этотъ разъ были дѣйствительно прочитаны нѣкоторыя статьи въ обвиненіе противъ Никона и произнесенъ надъ нимъ судъ. Вотъ какъ именно передаетъ онъ дѣло: «чему долженъ подвергнуться, сказалъ синклитъ, безчествующій собственную свою паству и ложно называющій ее еретическою? Пропалъ Никонъ, если не докажетъ этого на дѣлѣ! Да будетъ прочитано, сказали патріархи, положеніе объ обязанностяхъ патріарха—заботиться о вѣрѣ и благочестіи пасомыхъ». — Сверхъ того прочитана была глава объ епископахъ изъ Матвѣя Властаря, гдѣ говорится, что архіерею надлежитъ подвергаться опасности за народъ свой и проч. «И такъ, изрекли патріархи, Никонъ, клевещущій на собственную паству, ложно показывая, будто великіе и малые уклонились въ папизмъ, не есть истинный пастырь, вошелъ не духовными дверьми, почему и долженъ быть лишонъ сана, яко хулитель собственной жены своей, т. е. паствы, чести которой онъ не соблюлъ». Вотъ какое опредѣленіе состоялось, если вѣрить Паисію, по поводу

необдуманныхъ выраженій Никона о русской церкви, въ его посланіи къ патріархамъ *.

Это происходило, какъ мы сказали, уже на второмъ засѣданіи; первое кончилось очень поздно, — разошлись уже во второмъ часу ночи. Никонъ со свитою возвратился на Архангельское подворье. Всѣмъ хотѣлось подкрѣпить силы; но оказалось, что запасы, посланные изъ Воскресенскаго монастыря, вмѣсто Архангельскаго, привезены были на Воскресенское подворье, съ которымъ теперь не возможно было имѣть никакихъ сношеній. Никонъ послалъ сказать стрѣлецкому сотнику, содержавшему караулъ, чтобы онъ передалъ государю его просьбу — позволить его людямъ свободный выходъ съ подворья, потому что они умираютъ съ голоду. Сотникъ отказался идти; едва нашелся человѣкъ посмѣлѣе, который рѣшился передать боярамъ, въ какомъ положеніи находится Никонъ съ своими людьми; бояре донесли о томъ

* Паисій упоминаетъ и о томъ, какъ на соборѣ шла рѣчь объ немъ самомъ, но очень уклончиво и, очевидно не вполнѣ согласно съ истиною. Вотъ его слова. „Въ письмѣ онъ (Никонъ) прибавляетъ, что всѣ бояре синклитскіе перешли къ догматамъ папы стараніемъ поклонника папизма—митрополита Газскаго, котораго называетъ большимъ еретикомъ. Когда Газскій потребовалъ (слѣд. голосъ Паисія раздавался-таки въ соборѣ!), чтобы Никонъ обнаружилъ его ересь, то сей послѣдній сказалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ извергъ тогда хулу (на Паисія) по человѣческой страсти за то, что тотъ не уѣзжалъ изъ Москвы и не хотѣлъ возвратиться въ свою епархію". Мнимое объясненіе Никона скорѣе принадлежитъ самому Паисію, который, какъ видно, хотѣлъ въ немъ, мимоходомъ, сказать слово въ свою защиту противъ разныхъ обвиненій Никона; не въ характерѣ Никона было признаваться, что онъ дѣйствовалъ въ томъ или другомъ случаѣ по слабости или по страсти, — особенно не могъ онъ сказать этого въ отношеніи къ Паисію, о которомъ никогда не перемѣнялъ мыслей и на соборѣ выражался очень рѣзко.

государю, который немедленно велѣлъ послать къ Никону изъ дворца большіе запасы всякаго продовольствія. Никонъ не принялъ царскихъ посылокъ, — онъ сказалъ, что ничего не требовалъ и не требуетъ, какъ только позволенія его людямъ свободно выходить изъ подворья, когда нужно. Алексѣй Михайловичъ удовлетворилъ эту просьбу Никона, но былъ очень огорченъ его отказомъ принять царскіе дары и впослѣдствіи за это жаловался на него патріархамъ, которые замѣтили по сему случаю, что «Никонъ все дѣлаетъ изступя ума своего».

5 декабря собрались въ столовой царской палатѣ—патріархи, власти, синклитъ и послали звать на соборъ Никона. Пока его ждали, царь почему-то нашелъ нужнымъ объяснить собору, что когда Никонъ ѣхалъ въ Москву, то по его государеву указу взятъ у него изъ-подъ креста малый (Иванъ Шушеринъ) за то, что въ девятилѣтнее время Никону носилъ всякія вѣсти и чинилъ многую ссору, и что Никонъ за это жалуется на него и его безчеститъ: такъ если на соборѣ Никонъ станетъ говорить объ этомъ, заключилъ царь, вы святѣйшіе патріархи вѣдайте; да и про то вѣдайте, что Никонъ передъ поѣздкою въ Москву исповѣдался, пріобщился и масломъ освящался. Патріархи подивились гораздо. Между тѣмъ явился на соборъ и Никонъ. Онъ вошелъ съ тѣми же обрядами, какъ и въ первый разъ, и также въ преднесеніи креста. Но теперь такая торжественность признана совершенно неприличною: «повелѣша святѣйшіи патріархи», сказано въ соборномъ дѣяніи, «крестъ святый иподіакону своему отъ крестоносца взять, — и бысть тако». Начались опять допросы Никону и обвиненія противъ него. Порядка въ изслѣдованіяхъ на этомъ второмъ засѣданіи мы находимъ еще меньше, нежели на первомъ: тамъ нѣкоторый поря-

докъ поддерживался, по крайней мѣрѣ, чтеніемъ Никонова письма; здѣсь, напротивъ, безпорядочность доходила иногда до нарушенія благопристойности. То патріархи совершенно неожиданно зададутъ Никону вопросъ, въ родѣ слѣдующихъ: а зачѣмъ ты носишь черный клобукъ съ херувимами? — или: а зачѣмъ ты надѣлъ на себя два креста? То встанетъ кто-нибудь изъ властей, или бояръ, чтобы повторить, опять совершенно неожиданно, какую-нибудь старую улику противъ Никона; то всѣ вмѣстѣ закричатъ на него: какъ ты Бога не боишся! непристойныя ты рѣчи говоришь,—безчестишь царя и святѣйшихъ патріарховъ! Не удивительно, что и самъ Никонъ не слишкомъ заботился при этомъ о соблюденіи приличій, не стѣснялся въ своихъ отвѣтахъ даже патріархамъ. «Широкъ ты здѣсь», замѣтилъ онъ по одному случаю антіохійскому патріарху, — «какъ-то ты отвѣтъ дашь предъ константинопольскимъ патріархомъ!» Въ другой разъ, когда патріархи спросили его: гдѣ жили антіохійскій и александрійскій патріархи въ то время, какъ поставили Іова на патріаршество московское? — Никонъ отвѣтилъ, что не помнитъ,—въ то время не великъ былъ. За подобныя рѣчи и патріархи платили ему суровыми словами. Антіохійскій сказалъ одинъ разъ: «самъ дьяволъ исповѣдуетъ иногда истину, а Никонъ истины не исповѣдуетъ». О всей этой безпорядочности происходившаго на второмъ соборномъ засѣданіи разсказъ нашего историка сообщаетъ достаточное понятіе *; мы обратимъ вниманіе

* Паисій передаетъ происходившее на этомъ засѣданіи согласно съ разсказомъ г. Соловьева; только у него соборныя разсужденія приведены въ возможно стройный порядокъ, указывается связь между вопросами, поставленными въ разсказѣ нашего историка внѣ всякой связи. Кто передаетъ дѣло согласнѣе съ его дѣйствительнымъ ходомъ, сказать съ полною рѣшительностію, конечно, нель-

только на то, что происходило здѣсь особенно важнаго въ отношеніи къ дѣлу Никона, или по крайней мѣрѣ такого, что должно бы имѣть особенную важность.

Всего важнѣе было на этотъ разъ изслѣдованіе объ отреченіи Никона, происходившее и теперь въ самомъ началѣ засѣданія. Паисій пишетъ даже, что къ этому изслѣдованію приступили съ особенной торжественностію. Патріархи, одинъ за другимъ, произнесли рѣчи, въ которыхъ убѣждали Никона говорить правду; антіохійскій заключилъ свою рѣчь слѣдующими сильными словами: «И такъ, братъ Никонъ, скажи ради самой правды — зачѣмъ ты отрекся отъ престола своего? — Ангели записываютъ твое признаніе и если солжешь, солжешь не человѣкамъ, а Духу истины, испытующему сердца». Никонъ повторилъ свой прежній отвѣтъ, что ушолъ отъ государева гнѣва; но прибавилъ къ этому, что теперь готовъ идти, куда великій государь изволитъ. Патріархи какъ будто не обратили вниманія на отвѣтъ Никона; они только замѣтили ему, что онъ отрекался съ клятвою и что многіе слышали его клятву. «Это на меня затѣяли», отвѣчалъ Никонъ, — и снова прибавилъ, что если онъ не нуженъ, куда царское величество изволитъ, туда онъ и пойдетъ. И опять этому отвѣту не дали никакого значенія, — самые даже вопросы объ отреченіи были на время прерваны посторонними вопросами. Но патріархи, какъ видно, не безъ намѣренія сказали, что многіе слышали о клятвѣ Никона. Не обращаясь къ актамъ прежняго московскаго собора, въ которыхъ были уже собраны всѣ

зя; но такъ какъ у Паисія, человѣка ученаго, замѣтно вообще желаніе систематизировать и украшать свой разсказъ, то болѣе основанія вѣрить тому источнику, изъ котораго почерпнулъ разсказъ свой г. Соловьевъ.

свидѣтельства о томъ, съ клятвою, или безъ клятвы, Никонъ оставилъ патріаршій престолъ, они обратились за такимъ свидѣтельствомъ къ самимъ присутствовавшимъ на соборѣ: «скажите намъ всю правду про отреченіе Никона съ клятвою». Свидѣтелями противъ Никона явились — Питиримъ Новгородскій, который и въ сказкѣ поданной прежнему собору писалъ, что Никонъ при отреченіи говорилъ: буду анаѳема,—и еще Тверскій архіепископъ Іоасафъ, человѣкъ, какъ надобно думать, близкій къ Питириму*; ихъ поддержалъ изъ синклита Родіонъ Стрѣшневъ. Другіе не рѣшились говорить противъ своихъ прежнихъ показаній. Паисій повѣствуетъ, будто Никонъ назвалъ Питирима съ Іоасафомъ и Стрѣшневымъ лжесвидѣтелями, говорящими ложь изъ угожденія государю, что̀ потрясло всѣхъ и надѣлало много шуму на соборѣ, и будто вслѣдъ за симъ были прочитаны свидѣтельства изъ разныхъ писателей о достоинствѣ и качествѣ достовѣрныхъ свидѣтелей, въ доказательство того, что устами двухъ, или трехъ свидѣтелей утверждается всякое слово, и что слѣд. свидѣтельство двухъ архіереевъ должно имѣть полную силу. Но по разсказу нашего историка дѣло происходило не совсѣмъ такъ. Никонъ не сталъ защищаться противъ свидѣтелей, а только въ третій разъ сказалъ: что теперь уже о престолѣ патріаршемъ ему говорить нечего,—пусть будетъ какъ изволитъ великій государь и вселенскіе патріархи. Въ продолженіе засѣданія прежніе свидѣтели еще однажды повторили свои

* Сказка, поданная Іоасафомъ московскому собору, была „отъ слова до слова“ подобна сказкѣ Питирима, „только о клятвѣ было написано „глухо“. По этому случаю „соборъ допрашивалъ Іоасафа, какою патріархъ Никонъ клятвою клялся? — и Іоасафъ архіепископъ предъ преосвященнымъ соборомъ сказалъ. подлинно де онъ не помнитъ, какою клятвою патріархъ Никонъ клялся.“

увѣренія, что Никонъ клялся никогда не возвращаться на патріаршество,—и опять Никонъ старался прекратить дѣло замѣчаніемъ, что и теперь онъ не имѣетъ мысли возвращаться, что отдается на волю государя.

Въ этихъ новыхъ розыскахъ объ отреченіи Никона замѣчательно вопервыхъ то, что соборъ по прежнему, конечно не безъ намѣренія, уклонялся отъ разсмотрѣнія дѣяній перваго собора по Никонову дѣлу, вовторыхъ — это желаніе Никона прекратить дѣло объ отреченіи мирнымъ путемъ, это неоднократно повторенное имъ увѣреніе, что онъ не ищетъ болѣе патріаршества, отдается на волю царя и патріарховъ, — и наконецъ, то, что соборъ не обратилъ никакого вниманія на эти увѣренія Никона, тогда какъ онѣ должны были бы привести къ разсмотрѣнію поданныхъ имъ условій, на которыхъ онъ соглашался удалиться въ монастырь, — условій, какъ мы знаемъ, уже разсмотрѣнныхъ и приготовленныхъ для соборнаго утвержденія; напротивъ судьямъ Никона какъ будто не нравилось его миролюбивое расположеніе, какъ будто имъ хотѣлось вызвать его на раздражительные отвѣты, столь для него опасные, чего и достигали дѣйствительно разными мелочными вопросами.

Другимъ важнымъ обстоятельствомъ на второмъ соборномъ засѣданіи слѣдуетъ признать то, что здѣсь была наконецъ сдѣлана попытка судить Никона на основаніи церковныхъ правилъ; — именно патріархи приказали читать выдержки изъ тѣхъ постановленій по вопросамъ о царской и патріаршей власти, которыя привезъ Мелетій и которыя, какъ мы видѣли, были поставлены въ основаніи суда надъ Никономъ и на предварительныхъ соборныхъ разсужденіяхъ. Приведемъ объ этомъ разсказъ Паисія, который, по обычаю, постарался представить дѣло

въ нѣкоторомъ порядкѣ и съ собственными украшеніями. «Патріархи сказали Никону: мы пришли сюда не спорить съ тобою, а представить рѣшеніе святѣйшихъ патріарховъ, и такъ какъ ты захотѣлъ знать, имѣемъ ли мы на то (?) разрѣшеніе и двухъ другихъ патріарховъ, то вотъ мы показываемъ тебѣ подписи ихъ на этихъ постановленіяхъ, присланныхъ еще прежде нашего отбытія». Никону очень не трудно было бы объяснить патріархамъ, что эти подписи не могутъ служить доказательствомъ, будто другіе патріархи уполномочили ихъ быть его судьями, на что собственно онъ и желалъ имѣть отъ нихъ удостовѣреніе. «Но, продолжаетъ Паисій, Никонъ долженъ былъ по неволѣ умолкнуть, когда увидѣлъ подписи, ибо не могъ явно противодѣйствовать правдѣ. Послѣ сего были прочитаны и самыя патріаршія статьи. Сперва прочитана 14 глава, что епископъ, однажды отрекшійся отъ своей каѳедры, не можетъ на нее возвратиться, въ подтвержденіе которой приведено 13 правило перво-втораго собора. Никонъ сказалъ, что признаетъ только 7 вселенскихъ соборовъ и тѣ изъ помѣстныхъ, которые были не позднѣе вселенскихъ, почему и перво-втораго собора не признаетъ каноническимъ. Патріархи сказали: и такъ ты и сего нашего собора каноническимъ не признаешь? — Все это старушечьи побасенки, отвѣчалъ Никонъ»; но по другимъ свѣдѣніямъ Никонъ отвѣчалъ не такъ, — онъ сказалъ, что «приведенное правило не апостольское, не вселенскихъ и не помѣстныхъ соборовъ; а такихъ правилъ не принимаетъ». И такъ, онъ вовсе не отвергалъ значенія перво-втораго собора и вообще соборовъ бывшихъ послѣ седьмаго вселенскаго; а не призналъ подлинности только прочитаннаго правила. По этому случаю было замѣчено Никону, что правила, которыя онъ

отвергаетъ, приняты церковію. Никонъ отвѣчалъ въ свою очередь, «что ихъ нѣтъ въ русской кормчей, а греческія правила не прямыя, печатали ихъ еретики». На этомъ споръ о греческихъ правилахъ былъ прерванъ посторонними вопросами; но спустя нѣсколько времени къ нему возвратились снова. По сказанію Паисія это происходило въ концѣ засѣданія слѣдующимъ образомъ: «Антіохійскій всталъ и спросилъ: ясно ли каждому изъ присутствующихъ, что александрійскій есть судія вселенной? — Знаемъ и признаемъ, что онъ есть и именуется судіею вселенной, воскликнули всѣ единогласно (и такъ, не даромъ Паисій писалъ объ этомъ предметѣ цѣлое изслѣдованіе!). Александрійскій же сказалъ: хоть я и судія вселенной, но буду судить его (Никона) по номоканону,— подайте мой номоканонъ. И было прочитано 12 правило Антіохійскаго собора: кто потревожитъ царя и смутитъ его царство, не имѣетъ оправданія. Никонъ, смутившись умомъ, возразилъ, что эта книга напечатана еретиками и слѣдовательно не можетъ имѣть авторитета. Позвали греческихъ архіереевъ и спросили, какого они мнѣнія о книгахъ, напечатанныхъ въ другихъ земляхъ, особенно въ Венеціи? Всѣ заодно отвѣтили, что церковныя книги, за неимѣніемъ у себя типографій они получаютъ изъ славной державы Венеціанской, принимаютъ ихъ отъ всей души и не престаютъ читать денно и нощно въ церквахъ. Принесенъ былъ для бо̀льшаго удостовѣренія русскій номоканонъ. Никонъ отвергъ и его, какъ неисправно изданный при Іосифѣ патріархѣ; при этомъ нѐхотя прибавилъ, что нѣкоторыя книги неисправно изданы и въ его патріаршество, почему и поручилъ архіереямъ въ удобное время ихъ исправить. Послѣ этого греческіе архіереи были спрошены: какъ долженъ быть наказанъ

Никонъ, нарушитель божественныхъ каноновъ, презритель отеческихъ преданій», и проч. и проч.? Греки отвѣтили: «да будетъ отлученъ и лишенъ всякаго священнодѣйствія». — «Хорошо вы сказали», замѣтили на это патріархи, — «пусть будутъ спрошены теперь и русскіе архіереи». Русскіе повторили отвѣтъ грековъ. «Тогда встали оба патріарха, и александрійскій, въ качествѣ судіи вселенной, произнесъ приговоръ». «И такъ, на соборѣ приведены были, безъ надлежащаго притомъ разсмотрѣнія, только два или три правила въ основаніе суда надъ Никономъ. Правда, самъ Никонъ, своими рѣзкими и странными замѣчаніями о греческихъ книгахъ, напечатанныхъ въ Венеціи (если только вѣрно передаетъ ихъ Паисій *, прервалъ, по видимому, дальнѣйшее чтеніе правилъ; но эти замѣчанія не могли бы служить препятствіемъ къ ближайшему разсмотрѣнію правилъ, относящихся къ дѣлу Никона, если бы сами члены собора имѣли желаніе войти въ такое разсмотрѣніе; кромѣ того, нельзя не замѣтить здѣсь еще разъ, что соборъ опять оставилъ безъ вниманія тѣ правила, касательно поступковъ Никона, которыя въ значительномъ числѣ были уже собраны и разсмотрѣны на прежнемъ соборѣ. А между тѣмъ самъ же соборъ сознавалъ нужду произнести приговоръ надъ Никономъ на основаніи правилъ, какъ вы-

* Не приписалъ ли Паисій (а это съ нимъ случалось) Никону того, что говорили въ то время о греческихъ книгахъ раскольники, которые именно утверждали, что книги эти еретическія, ибо „печатаются въ латинскихъ градѣхъ — въ Римѣ, Парижѣ и Венеціи?“—или, что вѣроятнѣе, не было ли это довольно распространеннымъ тогда между Русскими мнѣніемъ, которое въ нѣкоторой степени раздѣлялъ и Никонъ: не даромъ же онъ для соборнаго исправленія книгъ старался пріобрѣсти самые древніе греческіе списки и преимущественно харатейные.

разилъ это александрійскій патріархъ въ своемъ замѣчательномъ изрѣченіи: «хоть я и судія вселенной, (т. е. могъ бы судить Никона какъ мнѣ угодно), но буду судить его по номоканону».

Приговоръ Никону, произнесенный александрійскимъ патріархомъ, «въ качествѣ судіи вселенной», начинается такъ: «Благословенъ Богъ и проч. Изволися Духу Святому и намъ: по данной намъ власти вязать и рѣшить, мы, согласно приговору святѣйшихъ патріарховъ, братій и сослужителей нашихъ, постановляемъ, что Никонъ на будущее время *не есть и не именуется московскимъ патріархомъ, а инокомъ и старцемъ Никономъ, за проступки всюду разнесшіеся и за прегрѣшенія, имъ совершенныя противъ божественныхъ каноновъ*». Слѣдуетъ исчисленіе поступковъ Никона, тѣхъ самыхъ, которые исчислены и въ полномъ соборномъ опредѣленіи, прочитанномъ при низложеніи Никона въ чудовской церкви. «Этотъ приговоръ», продолжаетъ Паисій Лигаридъ, «приказано было написать на греческомъ и русскомъ языкахъ въ вѣчную память, а отлученіе совершить въ назначенный день въ церкви по древнему чину и обыкновенію. Послѣ сего соборъ спѣшилъ разойтись».

Такимъ образомъ судьба патріарха Никона была наконецъ рѣшена. Заслуживалъ ли онъ дѣйствительно такого строгаго приговора, какой былъ произнесенъ надъ нимъ?— Мы конечно, не возьмемъ на себя рѣшеніе этого вопроса. Но что судъ надъ Никономъ,—или точнѣе—ходъ этого суда не имѣлъ законной правильности, это мы старались указать въ нашемъ изложеніи соборныхъ дѣяній, даже на основаніи тѣхъ извѣстій, которыя явно не благопріятствуютъ Никону. Этотъ недостатокъ законной правильно-

сти суда мы видимъ особенно въ томъ, что соборъ, какъ будто преднамѣренно, не обратилъ должнаго вниманія на историческій ходъ дѣла и на то, въ какомъ положеніи оно находилось предъ открытіемъ собора,—т. е. не подвергъ надлежащему разсмотрѣнію того, что было сдѣлано по дѣлу Никона въ теченіи 9 лѣтъ, — особенно такихъ важныхъ актовъ, какъ дѣянія собора 1660 г. и представленное Никономъ въ 1665 году изложеніе условій, на которыхъ онъ желалъ удалиться навсегда въ монастырь, изложеніе, по поводу котораго уже были сдѣланы предположительно соборныя постановленія. Оставивъ безъ вниманія главную сторону дѣла, соборъ остановился преимущественно на разныхъ частныхъ обвиненіяхъ противъ Никона, притомъ воспользовавшись случайнымъ обстоятельствомъ,—перехваченнымъ письмомъ его къ патріархамъ,—на обвиненіяхъ, положимъ, въ такихъ проступкахъ, которые подвергали его справедливому осужденію, но на которые не обратили бы вниманія (да и не обращали прежде), если бы не случилось главнаго, что довело его до суда, но на что судъ не обратилъ надлежащаго вниманія, т. е. самовольнаго оставленія каѳедры на цѣлые девять лѣтъ. И потомъ—какъ разсматривали на соборѣ самыя обвиненія, представленныя противъ Никона? Никонъ стоялъ, можно сказать, не предъ судьями, т. е. людьми, собравшимися безпристрастно обсудить его дѣло, а предъ одними обвинителями, которые собрались только за тѣмъ, чтобы высказать ему его вины, дѣйствительность которыхъ они признали уже не подлежащею сомнѣнію (что мы и видѣли на предварительныхъ соборныхъ совѣщаніяхъ) и готовы были защищать. Отъ большинства властей и бояръ нельзя было и ожидать инаго отношенія къ дѣлу; но

достойно замѣчанія, что также относились къ дѣлу и греческіе патріархи: и въ этомъ-то главнымъ образомъ, мы видимъ вліяніе на нихъ того, «одноязычнаго» съ ними совѣтника, которому Алексѣй Михайловичь поручилъ познакомить ихъ съ подробностями Никонова дѣла, столь «хорошо ему знакомаго»... Самъ Никонъ, по своему обычаю, очень рѣзко, но вмѣстѣ и вѣрно указалъ при двухъ случаяхъ внутреннія побужденія, которыми руководствовались патріархи въ судѣ надъ нимъ и которыя, конечно, съ своей стороны старался внушить имъ и Паисій, знакомя ихъ съ положеніемъ дѣла. Когда патріархи въ столовой палатѣ произнесли надъ Никономъ приговоръ, онъ замѣтилъ имъ, что они не посмѣли бы этого сдѣлать, если бы не было на то воли государя. Въ другой разъ, когда патріархи при низложеніи Никона сняли съ него клобукъ съ жемчужными херувимами и панагію съ камнями, онъ сказалъ имъ: «возьмите, — это вамъ пригодится; вѣдь вы скитальцы и данники Турокъ,—пришли изъ дальнихъ странъ не затѣмъ, чтобы учинить миръ, а чтобы получить нѣчто потребное себѣ и чѣмъ заплатить дань вашимъ обладателямъ». Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что въ ихъ поведеніи относительно Никонова дѣла замѣтно не столько желаніе вникнуть въ него со всею основательностію, сколько желаніе угодить царю и чрезъ то сохранить свои личные интересы. Нѣтъ сомнѣнія, что не менѣе, если не болѣе, охотно они оправдали бы Никона, какъ теперь осудили его, если бы это согласно было съ желаніемъ русскаго царя и слѣдовательно съ ихъ личными выгодами: вѣдь не затруднились же впослѣдствіи четыре патріарха разрѣшить Никона, уже умершаго, отъ осужденія, произнесеннаго надъ нимъ ихъ «братіями»,—

возвратить ему имя патріарха и прислать прощальныя грамоты, когда ихъ попросилъ объ этомъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичь? Мы имѣемъ два довольно любопытные документа, объясняющіе нѣсколько дѣятельность антіохійскаго и александрійскаго патріарховъ на соборѣ противъ Никона, и именно въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ—это ихъ посланія къ двумъ другимъ патріархамъ—іерусалимскому Нектарію и константинопольскому Діонисію, съ извѣстіемъ о низложеніи Никона. Мы уже знаемъ, какъ смотрѣлъ на дѣло Никона патріархъ Нектарій. Сознавая, что рѣшеніе собора по этому дѣлу должно произвести на него неблагопріятное впечатлѣніе и какъ бы чувствуя себя дѣйствительно не совсѣмъ правыми, патріархи писали къ Нектарію очень уклончиво и неопредѣленно, не входя ни въ какія подробности. Сначала они объясняются, что рѣшились ѣхать въ Москву потому только, что получили свѣдѣнія, будто и самъ Нектарій отправился туда, а константинопольскій патріархъ послалъ своего екзарха (слѣдовательно они пріѣхали безъ полномочія дѣйствовать отъ лица двухъ другихъ патріарховъ?—а между тѣмъ на соборѣ увѣряли Никона въ противномъ!). Переходя потомъ къ самому дѣлу, они отказываются перечислять въ письмѣ множество винъ, оказавшихся за Никономъ, «занеже епистолія не имѣетъ въ себѣ что-либо тайно». Изъ всѣхъ преступленій Никона, они упоминаютъ только объ одномъ (и такое исключеніе въ пользу одного этого извѣстія весьма знаменательно въ письмѣ къ патріарху іерусалимскому): «въ такое пріиде напыщеніе гордостный Никонъ, яко *самъ себе хиротониса патріархомъ Новаго Іерусалима*!» Въ заключеніе они извѣщаютъ Нектарія, что послѣ «подробныхъ изслѣ-

дованій», признали Никона недостойнымъ священнаго сана. Гораздо откровеннѣе писали они къ патріарху Діонисію: здѣсь нѣтъ уже рѣчи о томъ, что епистоліи не удобно ввѣрять тайны, — напротивъ, приступая къ изложенію происходившаго на соборѣ, они приводятъ на память слова писанія: *ничтоже тайно есть еже не откроется*. Въ этомъ изложеніи они между прочимъ пишутъ, что разсматривали подробно дѣянія помѣстнаго московскаго собора и нашли его чистымъ и по святымъ правиламъ составленнымъ (это-то именно и не было сдѣлано), и что тщательно разсудивши о дѣлахъ Никона, они низложили его «народно въ церкви» (мы увидимъ сейчасъ справедливо ли и это). Но для насъ особенно важно слѣдующее мѣсто въ письмѣ: «мы надѣемся, что *обычная милостыня* великому престолу (т. е. константинопольскому) и прочимъ убогимъ престоламъ, *будетъ возобновлена*, *мало этого будетъ больше и обильнѣе*.... надѣемся также, что послѣ нашего пребыванія возстановится (въ Россіи) прежняя наша честь и слава, такъ какъ нѣкоторые своимъ буйствомъ обезчестили здѣсь преизящную свѣтлость нашего рода и сдѣлали насъ достойными презрѣнія у вельможъ»... *

Прошла цѣлая недѣля послѣ того, какъ на соборѣ былъ произнесенъ судъ надъ Никономъ. Наконецъ, 12 декабря, его призвали въ небольшую церковь Благовѣщенія, надъ воротами въ Чудовѣ монастырѣ. Въ церкви находились только патріархи съ архіереями, да нѣсколько бояръ; Алексѣй Михайловичь не рѣшился присутствовать при такомъ печальномъ дѣйствіи, какъ низложеніе его быв-

* Оба патріаршія письма см. въ прилож. V.

шаго собиннаго друга, котораго прежде такъ торжественно возвелъ онъ на патріаршій престолъ; изъ народа въ церковь не пустили никого. Какъ скоро вошелъ Никонъ, патріархи велѣли читать соборное постановленіе о его низложеніи, съ подробнымъ исчисленіемъ всѣхъ его проступковъ; потомъ александрійскій патріархъ снялъ съ него клобукъ съ херувимами и панагію; только архіерейской мантіи не рѣшились снять съ него, — ее велѣно было отобрать у Никона уже на пути въ заточеніе. При всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ Никонъ, конечно, имѣлъ нѣкоторое право сказать патріархамъ: «откуда взяли вы законы поступать такъ со мною? Зачѣмъ вы дѣлаете все это тайно, — привели меня въ эту маленькую монастырскую церковь, гдѣ нѣтъ ни царя, ни синклита, ни народа? Развѣ въ этой церкви принялъ я пастырскій жезлъ? Меня упросили принять патріаршество при множествѣ народа; я согласился, видя его слезы и слыша клятвы царя; я поставленъ въ патріархи въ великой соборной церкви! Если теперь вамъ захотѣлось осудить меня и низвергнуть, — пойдемте въ ту церковь, гдѣ я принялъ пастырскій жезлъ, — тамъ дѣлайте со мной, что хочете!...»

Тайкомъ отъ народа совершили надъ Никономъ обрядъ низложенія; тайкомъ же рѣшились отправить его и въ заточеніе. Отъѣздъ назначенъ былъ 13 декабря. Съ утра стали сходиться въ кремль толпы народа; между ними распространили слухъ, что Никона повезутъ по Срѣтенкѣ, — и когда народъ устремился туда, чтобы занять удобныя мѣста, гдѣ можно будетъ увидѣть низложеннаго патріарха, Никона выпроводили изъ Москвы другими улицами. Его повезли въ ссылку въ Ѳерапонтовъ монастырь.

Туда мы не послѣдуемъ за Никономъ. Низложеніемъ и ссылкой въ заточеніе было кончено дѣло патріарха; а мы только и имѣли цѣлію, изложить послѣдовательный ходъ этого дѣла съ начала до конца, — показать, какими путями и съ какимъ искусствомъ и настойчивостію, достойными лучшаго назначенія, сильная партія враговъ патріарха Никона вела и привела къ желанному исходу это злополучное дѣло, начавшееся охлажденіемъ двухъ, нѣкогда неразлучныхъ, друзей и кончившееся, такимъ образомъ, полнымъ и рѣшительнымъ паденіемъ одного изъ нихъ. Съ низложеніемъ и ссылкой для Никона, дѣйствительно, все было кончено: въ ѳерапонтовскомъ и бѣлозерскомъ заточникѣ трудно узнать прежняго Никона, какимъ былъ онъ въ эпоху своей исторической дѣятельности.

Мы не станемъ входить и въ разсмотрѣніе вопроса о значеніи такого необыкновеннаго въ нашей исторіи явленія, какъ распря русскаго патріарха съ русскимъ царемъ. Укажемъ въ заключеніе только одинъ весьма любопытный фактъ, объясняющій отчасти, какъ смотрѣли на дѣло современники, какое они приписывали ему значеніе. Когда судьба патріарха Никона была рѣшена, когда этотъ всемогущій человѣкъ, котораго всѣ такъ боялись, сошелъ со сцены: тогда нѣкоторыя изъ *властей* русскихъ взглянули на совершившееся дѣло спокойнѣе и прямѣе, и къ крайнему огорченію своему увидѣли, что дѣйствуя такъ рѣшительно и упорно противъ Никона, они дѣйствовали противъ самихъ себя, что въ дѣлѣ Никона съ Алексѣемъ Михайловичемъ рѣшался очень близкій къ нимъ вопросъ, вопросъ—о сравнительномъ превосходствѣ властей церковной и гражданской, увидѣли, что съ паденіемъ Ни-

кона восторжествовала эта послѣдняя, чему сами они такъ много содѣйствовали, и что изъ этого надобно ожидать въ будущемъ многихъ неблагопріятныхъ послѣдствій для церкви, объ интересахъ которой они обязаны заботиться. Все это представилось теперь со всею ясностію русскимъ архіереямъ и они рѣшились поискать средствъ исправить какъ-нибудь свою ошибку: стали просить, чтобы точнѣе были опредѣлены взаимныя границы власти гражданской и церковной. Нашлись между ними даже и такіе, которые безъ этого не хотѣли подписать соборнаго опредѣленія о низложеніи Никона,—какъ напр. архіепископъ Рязанскій Иларіонъ, одинъ изъ наиболѣе умныхъ и дѣятельныхъ архіереевъ того времени, бывшій прежде горячимъ противникомъ Никона. Открыты новыя соборныя разсужденія; въ жаркихъ преніяхъ рѣшались вопросы: можетъ ли совмѣщаться архіерейство съ царскимъ достоинствомъ? можетъ ли патріархъ подлежать царю? и т. п. Паисій Лигаридъ истощалъ все свое краснорѣчіе, доказывая превосходство царской власти предъ патріаршею;—случай услужить щедрому и страннолюбивому царю былъ самый близкій,—и рѣчи его были дѣйствительно, такъ блестящи и одушевленны, какъ никогда прежде. Дѣло кончилось, разумѣется, тѣмъ, что архіереи болѣе рѣшительно отстаивавшіе свои мнѣнія, были подвергнуты запрещенію, а потомъ, когда принесли раскаяніе, разрѣшены снова *. Всѣхъ больше выигралъ, какъ и прежде, греческій ораторъ. За такую великую услугу, «что святое его царство привелъ въ добрый конецъ, яко разумнѣйшій и премудрѣйшій», Алексѣй Михайловичъ счи-

* Всѣ эти обстоятельства, со всѣми рѣчами Паисія, изложены въ третьей книгѣ его сочиненія о Никонѣ.

талъ недостаточнымъ наградить Паисія только своими царскими дарами: онъ ходайствовалъ за него предъ патріархомъ іерусалимскимъ, чтобъ сняли съ него запрещеніе. И патріархъ «ради прошенія и любви» самодержца русскаго освободилъ Паисія отъ всего отлученія и проклятія, хотя онъ имѣлъ «многія и великія вины и согрѣшенія», и хотя въ то самое время, когда русскій царь такъ усердно хлопоталъ за него предъ патріархомъ іерусалимскимъ, онъ писалъ въ Палестину дерзкія письма, наполненныя укоризнами патріарху Нектарію *...

* См. Вновь изд. мат. для ист. цар. Ал. Мих.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ПОСЛАНІЕ ПАТРІАРХА НИКОНА КЪ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ,

ИЗЪ ВОСКРЕСЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ, ПИСАННОЕ ВЪ ІЮЛѢ 1659 ГОДА, ПО СЛУЧАЮ РАЗНЫХЪ НЕПРІЯТНЫХЪ ИЗВѢСТІЙ, ПОЛУЧЕННЫХЪ ИЗЪ МОСКВЫ.

Великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя Русіи самодержцу. Богомолецъ вашъ, смиренный и грѣшный Никонъ, бывшій патріархъ, о вашемъ государевѣ душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи, и о еже на супостаты побѣдѣ и одоленіи Бога молю, да здравствуеши съ своею царицею, а съ нашею государынею, и великою княгинею Маріею Ильиничною, и съ своими сынами, а съ нашими государями, царевичами и великими князьями Алексѣемъ и Ѳеодоромъ Алексѣевичами, съ своими сестрами, а съ нашими государынями, царевнами и великими княжнами, ц. и в. к. Ириною Михайловною, ц. и в. к. Анною Михайловною, ц. и в. к. Татіяною Михайловною, и съ своими дщерями, а съ нашими государынями, царевнами и великими княжнами ц. и в. к. Евдокіею Алексѣевною, ц. и в. к. Марфою Алексѣевною, ц. и в. к. Софіею Алексѣевною, и со всѣмъ сигклитомъ, и со всѣмъ христолюбивымъ воинствомъ, и со всѣми православными христіаны. Еще же молю не прогнѣватися на Богомольца вашего, яко о нужнѣйшихъ ми дерзнухъ писати къ тебѣ великому государю, уповая на прежде бывшій Твой благій нравъ о Бозѣ.

Слышахомъ, яко яже далъ еси святѣй велицѣй церкви, паки нынѣ повелѣлъ возвратити. Молю Тя Господомъ Богомъ нашимъ Іисусъ Христомъ таковая не дѣяти. Понеже самъ еси чтеши Божественное писаніе, еже гласитъ: *Дайте*, рече, *и дастся вамъ*. И паки индѣ речено есть: *Ананіе, почто сатана искуси сердце твое солгати Духу Святому? Не сущее ли твое бѣ, и въ твоей бѣ власти дати или ни.* А яже преднаписашася, вся къ пользѣ намъ преднаписашася. И паки молю Тя, великаго государя, престати отъ таковыхъ; не уподобляйтеся, рече, злымъ, но паче благимъ; поревнуй оной убогой вдовицѣ, давшей двѣ мѣдныцы, и второй, возліявшей муро на нозѣ Христовы, ей же рече Христосъ въ память быти, и есть донынѣ чтомо и хвалимо, и образъ всѣмъ Боголюбцамъ, даящимъ Святымъ Божіимъ церквамъ. Не неради, Господа ради, о малыхъ сихъ, да не въ великое нераденіе пріидеши и прогнѣваеши Господа своего; ибо отъ малаго презорства великое возрастаетъ. Еще бо имаши многа блага, и не сущее свое даеши, но Божіе Богу. Сего ради и во церкви гласятъ: Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще.

Еще мысль моя понуди мя къ Тебѣ великому государю и се писати: Аще и азъ по долгу моему прощенія отъ Тебе великаго государя чрезъ писаніе просихъ, въ нихже, яко человѣкъ согрѣшихъ, по заповѣди Господней рекшей: *аще принесеши даръ твой ко олтарю и помянеши, яко имать нѣчто братъ твой на тя, остави ту даръ и шедъ прежде смирися съ братомъ своимъ.* Азъ же не яко братъ, но яко послѣдній Богомолецъ есмь Вашъ; и Ты великій государь чрезъ стольника своего Аѳанасія Ивановича Матюшкина прислалъ свое милостивое прощеніе. Нынѣ же слышу, многое твориши не яко прощенному, но яко послѣднему злодѣю. Худыя моего смиренія вещи повелѣлъ еси взяти, яже суть въ келліи остался, и письма, въ нихже многое таинство, егоже никому же отъ мірскихъ достоитъ вѣдати. Понеже попущеніемъ Божіимъ и Вашимъ государскимъ со-

вѣтомъ съ освященнымъ соборомъ избранъ быхъ, яко первый святитель, и многое Ваше государево таинство имѣхъ у себя, такожде и иныхъ много, овіи требующе совершеннаго прощенія грѣховъ своихъ, написующе своима рукама и запечатлѣюще подаша ми, да яко святитель имѣя власть по благодати Божіей, даннѣй намъ отъ Пресвятаго и Животворящаго Духа, власть на земли вязати и рѣшити человѣческіе грѣхи, разрѣшу имъ грѣхи, ихъ же разрѣшити никому иному и вѣдати подобало, мню, ниже самому Тебѣ великому государю. И дивлюся о семъ, како вскорѣ въ таковое дерзновеніе пришелъ еси, иже иногда страшился еси на простыхъ церковныхъ причетниковъ судъ наносити, якоже и святыя законы не повелѣваютъ, нынѣ же всего міра иногда бывша аки пастыря восхотѣлъ еси грѣхи и таинства вѣдати и не самъ точію, но и мірскимъ попустилъ еси, имже дерзающимъ безстрашно на таковая, не постави Господи во грѣхъ, аще покаются. Вскую нынѣ наши судятся отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ? Аще ли что изволилъ Ты, великій государь, требовати отъ насъ, и мы, что̀ Тебѣ подобало, сотворили быхомъ.

Но слышимъ, яко сего ради сіе бысть, да писаніе святыя десницы Твоея не останется у насъ, еже писалъ еси, жалуя насъ Богомольца своего, любо почитая великимъ государемъ и проч. не по нашей воли, но по своему изволенію. Не вѣмъ, откуду сіе начася; помню Тобою великимъ государемъ такія начатки явишася. Понеже Ты, великій государь, писалъ тако и въ граматахъ Твоихъ государевыхъ во всѣхъ, и въ отпискахъ изо всѣхъ полковъ къ Тебѣ, великому государю, такъ писано, и во всякихъ дѣлахъ, и не возможно сего испразднити. Да потребится злое сіе и горделивое, проклятое проименованіе, аще и не моею волею бысть сіе. Надѣюся на Господа, яко ни гдѣ не обрящется моего на сіе хотѣнія или велѣнія, развѣ лживаго сочиненія, егоже ради днесь много пострадахъ и стражду Господа ради отъ лжебратіи, ихъ же уста полны суть горести и льсти, подъ язы-

комъ ихъ неправда и проч. Понеже елико речено нами смиренно, се исповѣдано гордо, и елико благохвально, се речено хульно, и толико лживыми словесы возвеличенъ гнѣвъ Твой на мя, мню, ни на кого инаго тако. Что не вельми велико, се вельми возвеличено, чего не причастенъ быхъ въ Твоихъ государевыхъ чинѣхъ, о томъ истязанъ, чего не хотѣхъ, ни произволяхъ, еже зватися великимъ государемъ, о томъ предъ всѣми людьми укоренъ и поруганъ туне. Мню и Тебѣ великому государю не безпамятно, что и во святѣй Литургіи слышалъ еси, по нашему указу, по Трисвятомъ кликали великимъ господиномъ, а не великимъ государемъ; о семъ и велѣніе наше было. Аще ли Тебѣ великому государю не памятно, изволь церковниковъ и дьяковъ соборныхъ допросити; аще не солгутъ, такожде Тебѣ рекутъ, якоже и азъ нынѣ глаголю.

Но паки о лжебратскихъ неправдахъ да глаголемъ. Толика лжа ихъ на мя возвеличися, яко и сущихъ врагъ Твоихъ азъ осужденнѣе явихся, иже бѣ иногда во всякой благостыни и единотрапезенъ съ тобою (не постыждуся о сихъ похвалитися), и питанъ быхъ, яко телецъ на заколеніе, многими тучными брашнами, по обычаю вашему государеву, его же азъ много насладився, не могу вскорѣ забыти. Нынѣ же Іунія въ 25-й день, егда торжествовася рожденіе благовѣрныя царевны и великія княжны Анны Михайловны, вси возвеселившеся о добромъ томъ рождествѣ насладишася трапезы твоея: единъ азъ, яко песъ, лишенъ богатыя вашея трапезы; но и пси, по реченному, насыщаются отъ крупицъ падающихъ отъ трапезы господей своихъ. Аще не бы яко врагъ вмѣненъ быхъ, не бы лишенъ быхъ малаго уломка хлѣба отъ богатыя Вашея трапезы. Самъ Ты, великій государь, не невѣси Божественное писаніе, о чесомъ первѣе иныхъ въ день судный истязани будемъ. *Алченъ бѣ*, рече, *и не накормисте мя.* Сіе же речеся не аки о алчныхъ печашеся Христосъ, но любовь составляя. Понеже не богатый точію се можетъ творити, но и нищь и всякъ. Понеже никто же ли-

Московского Цензурного Комитета

щаяйся лишенъ бываетъ дневныя своея пищи, аще и нищь есть. Аще бы о нищихъ точію печаловася Христосъ, не бы индѣ глаголалъ: *не печытеся что ясте, или что піете; воззрите на птицы небесныя, яко ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ, и Отецъ небесный питаетъ ихъ.* Се и азъ пишу, не яко хлѣба лищаяся, но милости и любве истязуя отъ Тебе великаго государя, да не посрамишися и о сихъ отъ Господа Бога въ день судный. Аще ли и врагъ вмѣненъ есмь, имъ же благодатію Божіею не бых никогда же Вамъ, великимъ государемъ; но и о вразѣхъ речено есть: *аще врагъ твой алчетъ, ухлѣби его*; и паки: *любите враги ваша.* Мнози и врази и ратоборствующіи пріемлютъ благодать вашу: азъ же егда не зѣло обогатихся нищетою, тогда паче и паче пріумножися милость Ваша; нынѣ же егда Господа ради всѣхъ лишихся и нищетствую, лишенъ есмь и милости Вашея, аще и умножена суть молитвы наши о Вашемъ душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи. Не забываемъ бо реченнаго Апостоломъ, иже заповѣда молитися первѣе за царя и всѣхъ иже во власти сущихъ, яко да дастъ Вамъ Господь тихое, мирное и безмятежное житіе, яко да и мы поживемъ во всякомъ благовѣріи и чистотѣ.

Еще же и Самаго Тебе, великій государь, молю, престани Господа ради тунѣ на мя гнѣватися. *Солнце*, речеся, *во гнѣвѣ Вашемъ да не зайдетъ. Кто бо*, рече Св. Духъ усты Пророка Давида и Царя, *взыдетъ на гору Господню? —ходяй безъ порока и дѣлаяй правду, глаголяй истину, иже не ухлѣсти въ сердцѣ своемъ, и не сотвори искреннему своему зла и поношенія на ближняго не пріятъ. Творяй сія не подвижится во вѣкъ.* Сицѣвъ Царя и Пророка уставъ. Азъ же нынѣ паче всѣхъ человѣкъ оболганъ Тебѣ, в. г., поношенъ и укоренъ неправедно. Сего ради молю Тя претворися Господа ради и не дѣй мнѣ грѣшному немилосердія, не попусти истязати моя худыя вещи; убойся глаголющаго: *имъ же судомъ судите, осудитеся, и ею же мѣрою мѣрите, возмѣ-*

рится вамъ; яко же хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде; и еже себѣ не хощеши, иньмъ не твори. Похощеши ли, да твои таинства не по волѣ твоей, вѣдати дерзнутъ человѣцы? Убойся глаголющаго: *небо и земля мимо идетъ, словеса же моя не мимо идутъ.* И паки: *іота и една черта не прейдутъ отъ закона, дондеже вся будутъ.* Како не имаши постыдитися глаголющаго: *блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ?* Како имаши помилованъ быти, самъ не бывъ милостивъ? Како помолишися и оставленіе долговъ испросиши глаголя: *остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*, а не оставляя никогдаже? Како имаши узрѣти по многомъ своемъ и долголѣтномъ житіи лице Божіе, не бывъ чистъ сердцемъ? Еще же не азъ точію, но мнози мене ради страждутъ. Предъ малыми сими днями со князь Юрьемъ Ты, в. государь, приказывалъ, что яко бы Ты единъ ко мнѣ добръ и князь Юрья; нынѣ же не точію самъ ты ко мнѣ убогому Богомольцу зѣло не милостивъ явился, но и хотящимъ миловати мя возбраняеши и всѣмъ заказъ крѣпкій положенъ ко мнѣ приходити. Господа, Господа ради молю, престани отъ таковыхъ. Аще и царь еси великій, отъ Господа поставленный, но правды ради.

Что же ли моя неправда предъ Тобою? Что церкви ради суда на обидящаго просихъ? Что же? Не точію судъ праведенъ не получихъ, но отвѣты исполнены немилосердія. Нынѣ же слышу, яко чрезъ законы церковные Самъ изволиши священные чины судити, ихъ же не повѣрено ти есть судити отъ Бога. Воззри Господа ради на первые роды, иже чрезъ законъ дерзаша, еже бы священная дѣяти. Самъ Ты, в. г., не невѣси, како Озія прокажеся и пр. Такожде о Мануилѣ царѣ Гречестѣмъ и сему явленіи мню не невѣси, иже восхотѣ священниковъ судити, како явися ему Христосъ подобіемъ тѣмъ, имже написанъ у главы его стоящь; нынѣ же по смотрѣнію Божію имѣетъ той Святый Христовъ образъ свя-

тая, великая соборная Апостольская церковь въ нѣдрахъ своихъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ и святая десница Христова яко исправися указательнымъ перстомъ, тако до днесь показуется, егда повелѣ Ангеломъ показнити царя, яко да накажется не судити моихъ рабовъ прежде общаго суда, яко же и прочее повѣсти сея святыя возслѣдованіе показуетъ. Умилися Господа ради и не озлобляй мене ради грѣшнаго жалящихся о мнѣ грѣшнѣмъ. Вси бо людіе твои суть, и въ руку твою суть, и нѣсть избавляющаго ихъ отъ святыя державы твоея. Сего ради паче милуй и заступай, якоже учитъ Божественный Апостолъ глаголя: Божій бо слуга еси во отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу же Боготворцемъ, и не на лица зряще судъ суди, но праведенъ судъ суди, и иже суть озлоблени и заточени, или малыхъ винъ ради или по оболганію, Господа Бога ради свободи и возврати, да Богъ Святый оставитъ многая твоя согрѣшенія.

Елицы же глаголютъ на мя, яко бы много ризницы взяхъ съ собою, Богъ Святый не постави имъ сего во грѣхъ, азъ же чистъ есмь отъ сихъ. Единъ саккосъ взяхъ, и той недорогъ, простый, а омофоръ прислалъ мнѣ Гавріилъ Халкидонскій митрополитъ, *и не корысти ради, но егда живъ и* потреба молитвы о вашемъ государевѣ душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи, да сотворю въ нихъ, а по смерти на грѣшное мое тѣло да положатся. А елицы глаголютъ казны много взя съ собою: и не взяхъ, но точію удержахъ, елико потребно будетъ издержати въ церковное строеніе, и по времени хотѣхъ отдати, и еще казначею отдахъ Воскресенскому въ отшествіе мое, не корысти ради, но да въ долгу братію не оставлю, понеже съ дѣловцами нечимъ было расплатитися. А гдѣ же иная казна, явѣ есть предъ очами всѣхъ человѣкъ: дворъ Московскій строенъ, тысящь десятокъ ова и больше стало, насадный заводъ тысящь десятокъ сталъ, и Тебѣ, в. г., тѣмъ челомъ ударилъ на подъемъ ратный, тысящь съ десять въ казнѣ на лицо, девять тысящь дано нынѣ на насадъ, на три тысящи лѣтось лошадей куплено,

шапка архіерейская тысящь пять, шесть стала, а иного расходу Святый Богъ вѣсть, елико убогимъ, сирымъ, вдовамъ, нищимъ, и тому всему книга есть въ казнѣ. Но о всѣхъ, аще чимъ преогорчихъ Тя, в. г., каюся и Господа ради прощенія прошу, да и самъ у Господа прощенъ будеши. *Отпустите*, рече, *и отпустятся вамъ*. На письмо Господа ради не позазри, мало вижу, а на бѣло писати некому. Здравствуй, в. г., со всѣмъ своимъ благодатнымъ Домомъ на многа лѣта. Лѣта 7167 въ Іуліи.

II.

ИЗЪ БУМАГЪ, ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ СОБОРУ 1660 г.

1. Мнѣніе Епифанія Славеницкаго о судѣ надъ патріархомъ Никономъ, написанное имъ по приказанію царя Алексѣя Михайловича и поданное на предварительное разсмотрѣніе собора.

Долгимъ разсмотрѣніемъ и не единыя отъ вещественныхъ тварей обрѣтохъ въ томъ же и единомъ чину доблество всегда содержащія, но вся премѣненію повинна, Богомъ вѣнчанный государю, православный царю и великій князь, Алексѣю Михайловичъ, всея великія и бѣлыя и малыя Россіи самодержецъ и иныхъ многихъ государствъ обладатель! Вознесохъ бо очеса горѣ, и видѣхъ пространное небо безпрестаннымъ движеніемъ отъ востока на западъ многоличнымъ разнствіемъ точащееся со свѣтилы и всею лѣпотою своею; зрѣхъ низу и се вся непостоянна и мимогрядущая. Еще возведъ очи на стихіи, вижу яко аеръ исполнъ есть различнаго премѣненія, огнь скорому повиненъ измѣненію, земля же, нынѣ благовонными украшенна цвѣты, на утріе нага внезапу зрится и безплодна. Сонмище паки водное коль есть непостоянное, чаю, никомужде невѣстно не быти: отпустиша иногда Апостолы корабль отъ брега желанную на морѣ

тишину имуще, и се далече отшедшимъ имъ возста буря и въ малѣ не погибоша отъ зельныхъ вѣтровъ и волнъ несодержимыхъ, дондеже истинный кормчій, Христосъ Спаситель, видя ихъ страждущихъ въ плаваніи, вниде къ нимъ въ корабль и улеже вѣтръ и тако спасошася. Что двоенадесятница Апостоловъ въ вещественномъ кораблѣ и на стихійномъ пострада морѣ отъ противныхъ вѣтровъ въ небытіи Христовѣ, се мы въ мысленномъ корабли россійскія церкве на житейскомъ морѣ во оставленіи верхнѣйшаго кормчаго страждемъ. Но да не большая сихъ приключатся всяко подобаетъ кормчія и управителя въ корабли имѣти, его же обрѣсти и возвести многаго разсмотрѣнія есть дѣло; понеже новое и странное кораблеви церкве россійскія приключися: сущу кормчію безкорьмчство; не обычное Христовой Невѣстѣ, жениху сущу, вдовство и намъ, отца имѣющимъ, сиротство. Новое глаголю и не обычно, ибо святѣйшій Никонъ архіепископъ царствующаго великаго и преименитаго града Москвы и всея Россіи патріархъ,—не преставленіемъ си отъ міра, но оставленіемъ вольнымъ престола своего въ сицевыя воведе труды, оставленіемъ же не совершеннымъ, яко отъ его дѣлъ внимаю, понеже и нынѣ архіерейская дѣйствуетъ, ихъ же аще бы оставилъ былъ истиною, не дерзнулъ бы совѣсти запрещающей прикоснутися; и престола письменемъ не отрицается, но точію усты глаголя, яко не хощетъ быти патріархъ Московскій. Сеже аще смиренномудрія ради, или да устрашитъ и во чувство воведетъ, наипаче ко смиренію преклонитъ противящихся себѣ и негодующихъ о немъ, или иныя коея ради вины, будущая явѣ сотворятъ. Нынѣ же разсудити подобаетъ: его ли паки Никона возвести на престолъ? или, оставивше его, инаго избрати нужда есть? Азъ что ми совѣсть, всякую страсть отчуждивше, и разумъ повелѣваетъ, хотяще помощію Божіею по моей возвести силѣ, во первыхъ моленіе приношу, да свободнымъ разумѣнія моего и совѣсти гласомъ никто же негодуетъ себѣ; а къ тому, аще что отъ малоумія моего глаголемыхъ негодѣ видит-

ся кому, да прощенія сподобленъ буду. Веліе зѣло намъ, начинающимъ въ настоящемъ приключеніи оставленія престола, тщаніе приложити хотяще, да не впредь празденъ будетъ, разсуждати подобаетъ:

А. Мощно ли не низложивше соборне Никона возвести инаго?

В. Мощно ли Никона отрекшася своего престола возвести паки?

Г. Мощно ли низложити Никона и инаго возвести, ему живу сущу, правильно?

Д. Аще Никона низложити, то разсудити, отъ самаго ли престола или вкупѣ и отъ архіерейства?

Во первой статьѣ сицевое мое есть разумѣніе, яко не низложивши Никона соборне инаго возвести не мощно.

Речетъ кто:

Яко Никонъ самъ низложи себе и отрекся престола.

Отвѣтъ:

Отрекся (усты), да покарятся ему не покоривыи, а не дѣломъ, понеже безъ письмени и не соборно, къ тому и въ архіерейской, судомъ Божіимъ, изыде мантіи, и нынѣ архіерейское дѣйствуетъ. Но буди отрекся и дѣломъ; се же есть не по заповѣди церковной, понеже по святому Кириллу архіепископу Александрійскому: «аще бы и писаніемъ отрекся, аще достоинъ есть святительства, да служитъ; аще же есть не достоинъ, да не отрицается, но обличенъ бывше судомъ, да извержется; кромѣ же обличенія ни никако чуждъ можетъ быти престола». Убо Никоново отрицаніе ничто есть, и аще не иматъ недостоинства никакого, да служитъ, аще ли иматъ недостоинство, соборне вопросити о немъ и судомъ обложивше, низложити. Сицево научаетъ насъ правило 16 соборовъ вселенскихъ перваго и втораго, глаголюще: «ни по которому же образу да не взыдетъ никто же на епископію, еяже епископъ живъ есть; подобаетъ уже вину изыскати, и по изверженіи его, другаго поставить». И тако инаго намъ избирати Никону живу сущу

видитъмися не мощно. Никона же, аще и отрекшася, можно возвести паки, по святому Кириллу глаголющу: «аще достоинъ да служитъ». И се довлѣетъ на вторую статью.

Речетъ кто:

Не угоденъ бѣ никому: убо да низведется.

Отвѣтъ:

Врачь не есть долженъ воли больнаго угождати, но яже вѣсть отъ своея хитрости быти полезна, сія творити. Сице и пастырю подобаетъ, да спасемся, не всуе жезлъ имѣти; отецъ же любяй сына не щадитъ жезла; сынъ благопокоривый долженъ есть съ царствующимъ глаголати пророкомъ: жезлъ мой и палица моя та мя утѣшиста. И Сосудъ избранный глаголетъ: *аще терпите наказанія сынове есте.* Тѣмже мню азъ, яко святѣйшій Никонъ, многажды предшедше вещь, Илію архіерею Ветхаго Завѣта за ненаказаніе сыновъ приключившуюся, бреглъ есть себе, да не подобное пострадждетъ.

И аще неудобъ всѣмъ бѣ носимъ Никонъ, то не у изверженія достоинъ; но сыновнымъ повиновеніемъ и любовію молити его, да исправится во нравѣ своемъ; судити же его кто отъ насъ и како можетъ? понеже по правилу 9-му 4-го Вселенскаго собора, иже въ Халкедонѣ: «аще епископи имѣютъ что на митрополита своего, Коньстантиня града патріарху да возвѣстятъ, ему же подъ имыми патріархи Архіереовъ сущихъ судити.» А здѣ съ высше неже съ митрополитомъ дѣло, ибо съ всея Россіи патріархомъ, со отцемъ отцевъ и пастыремъ пастырей. Кто же изъ сыновъ отца, которая овца пастыря судити дерзость воспріиметъ? Огнюдь моимъ разсужденіемъ не мощно, токмо возвѣстити патріарху Коньстантиня града. И тако сими глаголы 3-я статья разсуждается, яко не лѣть намъ есть по сихъ правилѣхъ Никона судити и низложити, послѣдственнѣ же инаго возвѣсти ему сущу живу. Но понеже не точію правила святыхъ отецъ, но и образы дѣлъ бывшихъ, не обхужденніи на соборѣхъ, суть намъ зерцаломъ, въ неже зряще

управлятися мощно есть; имамы же нѣкія образы о престолѣхъ оставленныхъ отъ пастырей, на нихъ же инаго избравше отцы святые поставляху, еще живу сущу оставльшу: яко Григорій Святый остави престолъ свой и возведеся инъ въ его мѣсто, и якоже Евстафію оставльшу свою епископію, инъ взыде на престолъ его; сіе же поставленіе инаго епископа нѣсть обхужденно соборомъ Вселенскимъ,—и прочая многая. Убо мощно по сихъ образѣхъ въ настоящемъ приключеніи,—оставленіи архіерейскаго престола отъ святѣйшаго Никона, бывшомъ въ церкве соборней, при преосвященныхъ архіереяхъ, всечестныхъ архимандритѣхъ, при многемъ клирѣ и народѣ православномъ, мощно, глаголю, живу сущу Никону (ибо и ротися не помыслити о возвращеніи на престолъ), возвести инаго. Точію, яко Григорій Святый, оставлше престолъ, не чуждъ бысть архіерейскаго сана, и Евстафію честь и служеніе епископское не суть возбраненна, сице подобаетъ и Никона чести и служенія архіерейскаго не отчуждати, аще и безпрестоленъ будетъ. И тако видитъ ми ся Богу быти угодно и оставлшему престолъ не безчестно, намъ безгрѣшно и всему народу годѣ. Аще же въ чести сый оставленъ, Никонъ промышлялъ бы что смятеніе сотворити; симъ самымъ дѣломъ повиненъ будетъ чести и дѣйствія архіерейскаго отъ себе удаленія. Симъ четвертую статью замыкающе и моего разумѣнія конецъ творяще, заблужденіемъ, аще кая суть, прощенія желаю, и вся высочайшему разуму Твоего пресвѣтлаго Царскаго Величества и всему преосвященному Собору, ничесому же прекословяще, вручаю.

2. Записка Епифанія, поданная царю, по случаю царскаго повелѣнія составить соборное слово.

Грекове на соборѣ изъ своей книги греческія сія реченія прочтоша: «безумно убо есть епископства отрещися, держати же священство», и рекоша, сія реченія быти правило 16-е перваго и втораго собора. И азъ, разумѣвъ истинное быти правило перваго и втораго собора, не дерзнулъ пре-

кословити и изволеніе мое дахъ на низверженіе Никона бывшаго патріарха. Но сія сотворихъ сего ради, яко прельстихся греческимъ реченіемъ, еже ни въ словенскихъ, ни въ греческихъ правилѣхъ не обрѣтается. Сего ради, понеже истинное правило греческое прочтохъ и сихъ реченій: «безумно бо есть епископства отрещися, держати же священство», не обрѣтохъ, изволенія моего на низверженіе Никона бывшаго патріарха отрекаюся, яко неправильнаго и неправеднаго, и каюся. Убо понеже кто кается, той и прощается; и азъ о изволеніи моемъ неправильномъ каюся, у пресвѣтлаго Величества Вашего смиренно прощенія прошу и глаголю: яко новопоставленный патріархъ имать власть Никону, бывшу патріарху, или благословити, да онъ въ монастыри, въ немъ же по повелѣнію пресвѣтлаго Величества Вашего жити будетъ, архіерействуетъ, или запретити, да не архіерействуетъ; таже низврещи, аще въ немъ вины низверженія достойныя обрящутся; аще новопоставленному патріарху не поклонится и безъ благословенія его дерзнетъ архіерействовать, отъ него запретится; и аще запрещенія преслушаетъ, низвержется. Бысть пресвѣтлаго Величества Вашего царскаго повелѣніе, да азъ слово соборное составлю; убо готовъ есмъ сіе сотворити о избраніи и поставленіи новаго патріарха, сіе бо есть праведно, благополезно и правильно. О низверженіи же Никона бывшаго патріарха не дерзаю писати сего ради, яко не обрѣтохъ сицеваго правила, еже бы архіереа, оставльшаго убо престолъ свой, архіерейства же не отрекшагося, низвергало и чуждо творило архіерейства. Таже пресвѣтлаго Величества Вашего молю, да повелитъ дати мнѣ дѣяніе соборное на составленіе слова соборнаго *.

---

* Къ этой запискѣ Епифаній приложилъ и собственный переводъ 16 правила перво-втораго собора.

3. Два показанія, отобранныя отъ Епифанія по поводу его сужденій о соборѣ 1660 г.

168-го года маія въ 26-й день сказалъ старецъ Епифаній: Да Никонъ бывшій патріархъ чуждъ будетъ архіерейства и священства, о семъ не точію писати, но ниже глаголати дерзаю: первое, да не отъ того проклятъ буду, отъ него же благословеніе пріяхъ; второе, яко боюся да за неправильное писаніе и глаголаніе душа моя во адъ снидетъ; не обрѣтохъ бо сицевыхъ правилъ, яже бы архіерея самовольно убо оставлшаго престолъ свой, архіерейства же не отрикшагося, отчуждали архіерейства и священства.

168-го года іюня въ 15-й день сказалъ старецъ Епифаній: Матвѣй учитъ: «яко дѣтище въ нуждѣ, не сущу іерею, отъ мірскаго человѣка крещено быти не можетъ, и не твердо крещеніе таково». Сіе его ученіе противно есть греческимъ творцемъ. Первое противно есть Гавріилу Филадельфійскому, второе Николаю Кавасилу, третіе Никифору, во святыхъ патріарху Константинопольскому, иже во правилѣ своемъ XVI-мъ сице глаголетъ: «не сущу іерею простый монахъ креститъ, сему же не сущу крестить отецъ свое дѣтище». А про Матвѣеву книгу онъ Епифаній сказалъ, что пріемлю я Матвѣевой книги, что̀ согласно съ правилами святыхъ отецъ, а которое не согласно, того не пріемлю. А что о возведеніи новаго патріарха по дѣяніямъ соборовъ Вселенскихъ и помѣстныхъ, на престолъ отрекшагося патріарха новаго возводити, также новый поставленный патріархъ, яко престольный, имать власть совершенную, бывшему патріарху, еще ему не покорится и безъ благословенія его архіерейская дерзнетъ дѣйствовати, запретитъ оного вязати и рѣшити, по правиламъ святыхъ отецъ.

А о Евстафіи правило прилично есть бывшему патріарху Никону. А будетъ бывшій Никонъ патріархъ у новопоставленнаго патріарха учнетъ просить благословенія, на еже архіерейская дѣйствовати, и ему, яко Евстафію, дастся благословеніе; а буде не покорится, и ему запретити по правиломъ святыхъ отецъ можетъ. А правило XVI-е перваго и

втораго собора глаголетъ о епископѣ, иже во всей чести епископской состояй отходитъ и о паствѣ не печется, ваще шестимѣсячнаго времени, чести и сана отчуждится. Никонъ же бывшій патріархъ во своей чести не состоитъ патріаршестей, ибо оную оставилъ, ниже долженъ есть пещися о стадѣ, еже оставилъ, и то правило не къ тому лицу.

4. Записка, поданная Епифаніемъ царю Алексѣю Михайловичу въ отвѣтъ на мнѣнія Грековъ о соборѣ 1660 года.

Соборное освященнаго и благолатію Духа всесвятаго собравшагося богоугодне собора есть сугубое изволеніе. Первое убо, яко ему по священнымъ апостольскимъ, соборнымъ и святыхъ отецъ правиломъ изволися, да благоспѣшнымъ пастыре-начальника Христа Бога нашего содѣйствіемъ новый пастырь верховный, святѣйшій патріархъ Московскій, изберется и благодатію Духа святаго на престолъ патріаршескій возведется. Сіе есть богоугодное, правильное и благополезное: ово убо, да преукрашенная невѣста Христова, вдоствующая соборная апостольская церковь, Богоизбранному видимому мужу святѣйшему патріарху новому обручится, престолъ патріаршій отъ первопрестольнаго архіерея правоправится и словесное стадо Христово отъ пастыря верховнаго добре паствуется; ово же, яко многимъ патріархомъ греческимъ, самовольно престолъ оставльшимъ, абіе соборно иные избираемы, поставляемы и на престолъ патріаршескій возводимы бываху, яко и свитокъ, мною прежде по благотщатливому пресвѣтлаго царскаго Величества повелѣнію написанъ, являетъ *.

Второе же—яко освященному и Богоизбранному собору изволися, да Никонъ бывшій патріархъ Московскій низвержется, сана архіерейскаго лишится, и не точію архіерейства, но и священства чуждъ будетъ. Сіе изволеніе соборное дебелому уму моему нѣсть достижно. Первое яко святый

* Здѣсь, надобно думать, разумѣется, помѣщенное выше мнѣніе Епифанія, представленное имъ на предварительное соборное разсмотрѣніе: такъ какъ въ немъ, дѣйствительно, указаны примѣры избранія новыхъ пастырей на мѣста отрекшихся.

соборъ Вселенскій вторый святаго Григорія Богослова, самовольно престолъ свой Константинопольскій оставльшаго, не низверже, священства его чужда не сотвори, сана архіерейскаго не лиши и власти архіерейскія оному не отъяша: Святый бо Григорій Богословъ, по еже самовольно престолъ свой Константинопольскій оставити, пришедъ въ Назіанзъ, архіерейская священнодѣйствова, мужа благоговѣйнаго, именемъ Евлалія, хиротописа и того епископа постави, яко Григорій пресвитеръ, житія его списатель, свидѣтельствуетъ.

Второе, паче же яко оставленіе престола тако и отреченіе архіерейства нѣсть правильное: аще убо кто душевредныхъ грѣховъ своихъ ради архіерейства отречется, сицевый и прежде отреченія не бѣ достоинъ архіерейская священнодѣйствовати, аще же кто душеполезнаго смиренномудрія ради архіерейства отрече ся, сицевый и по отреченіи достоинъ и долженъ есть архіерейская священнодѣйствовати, по второму правилу Св. Кириллы Александрійскаго, въ посланіи къ Домну сице глаголюща: «чрезъ церковные есть уставы книжицы отреченныя просити нѣкимъ отъ священнодѣтелей; аще убо достойны, да литургисуютъ, аще же ни, да не отрицаются, но яко осужденные да отходятъ».

Сего ради Ѳеодоръ епископъ Макрскій, писаннѣ архіерейскаго сана отрекійся, паки, егда прочетшаяся отреченія его не грѣха, но смиренномудрія ради бывшая быти явишася, отъ святѣйшаго патріарха Константинопольскаго Михаила Анхіела сана архіерейскаго наслаждатися, архіерейская дѣйствовати и яко достойный епископъ быти удостоися, яко Арменопулъ свидѣтельствуетъ въ книзѣ первой.

Сего ради Евстафій епископъ, писаннѣ епископства отрекійся, отъ святаго третьяго Вселенскаго собора сіе получити сподобися: первое, да чести архіерейскія наслаждается, второе да по изволенію престольнаго епископа діаконы хиротописуетъ и іереи поставляетъ и прочая архіерейская священнодѣйствуетъ; третіе да въ церковь вдовствующую и

престольнаго епископа не имущую введется,—яко свидѣтельствуетъ третьяго Вселенскаго собора посланіе къ собору Панфилійскому написанное.

Сего ради іерей Віаноръ іерейства отрекійся, паки отъ святаго и Богомудраго Великаго Василія іерейская священнодѣйствовати сподобися.

Третіе,—яко епископы не могутъ епископа низложити безъ перваго ихъ епископа, по 9 правилу Антіохійскаго собора сице глаголющу: безъ перваго ихъ епископа да ничтоже творятъ епископы. Како же возмогутъ низложити митрополитове патріарха своего безъ инаго патріарха или его Экзарха? Не бо лѣпотствуетъ сыномъ отца своего чести лишати, овцамъ пастырю своему власть пастырскую восхищати, и подчиннымъ ахіереомъ чиноначальнаго архіерея низлагати и того архіерейства же и священства чужда творити. Аще бо епископу со своимъ митрополитомъ прящуся, годствуетъ судитися предъ патріархомъ Константинопольскимъ, по 9 правилу 4 собора вселенскаго, сице глаголющу: аще же кій епископъ или клирикъ со митрополитомъ прется, да предъ Константинопольскимъ патріархомъ судится,—кольми паче митрополитомъ, со своимъ патріархомъ прю имущимъ и того низложити хотящимъ, предъ Константинопольскимъ патріархомъ судитися и отъ того на низверженіе своего патріарха суда и изреченія праведнаго просити подобаетъ.

Но речетъ кто: яко іеромонахъ Матвѣй Властарь глаголетъ: «имя безъ вещи не бываетъ; убо кто остави епископство сей нѣсть епископъ, послѣдовательно же ниже архіерей». На сіе глаголаніе Матвѣево сице отвѣщаю: яко ино есть епископство и ино же архіерейство.

1. Яко всякъ епископъ есть архіерей, но не всякъ Архіерей есть епископъ; архіепископъ бо есть архіерей, но нѣсть епископъ, архіепископъ бо есть; митрополитъ есть архіерей, но нѣсть епископъ, митрополитъ бо есть; патріархъ есть архіерей, но нѣсть епископъ, патріархъ бо есть: убо ино есть епископство, ино же архіерейство.

2. Яко власть епископская наляцается: меньшая бо есть власть епископская, той бо точію іереи подчиняются; большая есть власть архіепископская и митрополитская, той бо не точію іереи, но и сами епископы подчиняются; величайшая есть власть патріаршеская, той бо не точію Іереи и епископы, но и сами митрополиты подчиняются. Архіерейство же не наляцается: вси бо архіереи по архіерейству суть равны; таковъ бо епископъ есть архіерей, яковъ архіепископъ есть архіерей, и таковъ архіепископъ есть архіерей, яковъ патріархъ есть архіерей.

3. Яко вещь и дѣло есть сугубое архіерейское: первое есть — еже запрещати, отъ общенія отлучати, низлагати и паству себѣ врученную паствовати, и сіе дѣло отъ епископа, яко отъ епископа, дѣйствуется; второе дѣло есть еже священнодѣйствовати, діаконы хиротописовати и іереи поставляти, и сіе дѣло отъ епископа, яко отъ архіерея дѣйствуется: убо понеже ино есть епископство ино же архіерейство, можетъ архіерей епископство убо и его дѣло первое оставити, архіерейство же держати и второе дѣло архіерейское дѣйствовати.

4. Яко глаголаніе Матвѣево предложенное не точію (?) есть не благословное, понеже ни единымъ правиломъ или дѣяніемъ соборнымъ утвердися.

Сіе написахъ не яко прекословя освященному, Богоизбранному и благодатію Духа святаго соборное дѣяніе правильно дѣйствующу собору. Мнѣ бо паче благочинно молчати, нежели безчинно и прекословно глаголати безъ вопрошенія подобаетъ. Ниже писаніе отъ преосвященныхъ архіереовъ греческихъ и Богомудраго Діонисія архимандрита написанное охуждаю; кто бо чуждая писанія охуждаетъ, той самъ охуждаемъ бываетъ. Но мнѣніе мое отъ худаго ума моего исходящее проявляя, еже аще благословно освященному собору возмнится быти, да пріемлется; аще же ни, да отмещется. Таже у имущихъ власть прощати смиренно прощенія прошу. Къ сему писанію старецъ Епифаній руку приложилъ.

5. Письмо греческихъ архіереевъ, поданное царю Алексѣю Михайловичу, въ опроверженіе мнѣній Епифанія о соборѣ 1660 г.

Благочестивѣйшій Самодержце, Великій Царю и Святый священный соборе, суть нѣцы иже дружбою носими прежняго патріарха Господина Никона, или не разумѣюще добре разумѣваемаго правильно, скорбятся о изверженіи его, сирѣчь, еже по времени упраздненія священства его, еже священный соборъ, якоже священніи закони и правила повелѣваютъ согласующе, вси изрекоша быти, дондеже той Господинъ Никонъ смирится и паки взыщетъ со умоленіемъ отъ новаго рукополагаемаго Патріарха и священнаго собора, священство, якоже при святомъ и вселенскомъ третьемъ соборѣ сотвори Евстафій Панфилійской Епископъ; обаче сицевіи, не разумѣвающе добрѣ священныхъ правилъ, непщеваютъ, яко нѣсть праведно извергнути его и упразднити его отъ священства, и распрю творяще утвержаютъ и показуютъ образъ патріархіи Константинопольскія, яко и суще внѣ престолъ своихъ имутъ священство и священнодѣйствуютъ и рукополагаютъ; и глаголятъ сицевая, зане не вѣдаютъ добрѣ вины и чесо ради сице надлежится и бываетъ нынѣ въ томъ святѣйшемъ престолѣ Константинопольскомъ. Да слышатъ же добрѣ распрю творяще и да навыкнутъ, яко не пребеззаконно священство имутъ суще внѣ престола своего, но ниже по законамъ и правиламъ, обаче смотрѣніе употребивше: пребеззаконно бо отмѣтаются и отгоняются престола своего отъ нечестивыхъ Агаряновъ, а не волею оставляютъ престоли и Епархіи, ниже отъ нѣкихъ оглаголеми, ниже отъ собора судими и низвержими священно-дѣйствуютъ; но кромѣ оглаголанія нѣкоего и кромѣ суда соборнаго и кромѣ изверженія и кромѣ оставленія вольнаго; но нуждею и насильствомъ нечистивіи изгоняютъ или и пенезей ради многихъ, яже Турцы отъ нихъ просятъ, и не имуще дати, боящеся нужды и насильства ихъ, отступаютъ отъ того великаго престола и не инаго престола (?); и сего ради со разсужденіемъ паки потомъ,

егда умирятся вещи, упокоитъ ихъ соборъ смотрительно управленія ради церкви Христовой. (Слѣдуетъ пространное изложеніе того, какъ Турки, по корыстолюбію, притѣсняютъ греческихъ архіереевъ и принуждаютъ оставлять каѳедры).

Сія бо и образъ сицевый, сущу благочестивому царю и христіанству не приличя суть, ниже да будутъ, ниже да внимаются, ниже да слышатся; зане благодатію Всесильнаго Бога, елика выше повѣдахомъ, въ странахъ ихъ христіянскаго царства ниже бѣяху, ниже суть, ниже когда быти Богъ сохранитъ. И сущу здѣ благочестію и христіанству нѣсть лѣпо внимати и яже яко отъ нужды управляются въ странахъ нашихъ нынѣшняго времени; зане они добре вѣдаютъ священныя законы и правила, но время не помогаетъ имъ во всѣхъ. Обаче здѣсь благодатію Божіею время помогаетъ смотрѣти священныя правила что повелѣваютъ; и тако по законамъ и правиламъ да будетъ и да совершится, и обычай да надержится якоже правила повелѣваютъ. О отрицаніи же и изверженіи и упражненіи священства, якоже рѣхомъ, и паки глаголемъ: образъ чистъ есть въ томъ во священныхъ правилахъ. Евстафій Памѳилійскій епископъ, иже при святѣмъ и вселенскомъ великомъ третьемъ соборѣ, иже имать разумъ и умъ здравъ во главѣ своей да смотритъ и узритъ яснѣе: како обдержитъ посланіе святаго и вселенскаго третьяго собора сущимъ въ Памѳиліи, яко по отрицаніи, еже сотворилъ Евстафій, пребысть и изверженъ, яко является, не отъ себе извержеся но отъ собора извержеся и возбранися священства; зане аще не бѣ изверженъ отъ собора, и возбраненъ не совершити священства, и не токмо священства не совершити, но ниже имя епископа имѣти, аше не бѣ сице, не бѣ нужда и потреба притекати и припасти ко святому и вселенскому третьему собору, просити со многими слезами и многимъ умоленіемъ имени и чести епископа; и умолени бывше, пишетъ, слезами его и многою старостію и смиреніемъ его благоувѣвшеся, дася ему имя и честь епископа имѣть, но не священнодѣйствовати и рукополагати егда самъ хощетъ, но

егда отъ брата и сослужителя, иже по мѣсту архіерея, призовется и повелѣнъ. Неправеднѣ же сія рѣшася святыми, но смотрѣніе и снисхожденіе употребивши: кій грѣхъ, или кое ино погрѣшеніе, рцыте намъ, о мудрѣйшіи, сотвори той Евстафій и извержеся и управися сице? Явѣ есть, яко не за иное погрѣшеніе, токмо отрячеся престола своего; и когда и въ кое время отрячеся престола своего, и кто изверже его и кто паки съ прощеніемъ управи его? явлено извѣстно есть, яко святый и великій вселенскій третій соборъ. Хощете еще инъ большій соборъ отъ того? Хощете правило больше и извѣстнѣйше отъ того? и образъ чистшій того же Евстафія и судъ и разсужденіе извѣстнѣйшее отъ святаго и вселенскаго третьяго собора? Который инъ святѣйшій и мудрѣйшій обрящется отъ тѣхъ святыхъ отецъ того же святаго собора творити лучшій и мудрѣйшій судъ и разсужденіе? Сего ради возбудите, братія, молю васъ, еликихъ въ семъ смущаются, умъ вашъ, и внемлите яко нынѣ собравшіися содѣйствіемъ Святаго Духа не инымъ образомъ судиша и изрѣша, но неизмѣнно потому же образу святаго и вселенскаго третьято собора согласуемые вси судиша и изрѣша: яко неизмѣнно въ семъ быти, яко же при Евстафіи быша. Хощете, братіе и друзи, показати помощь и дружбу, и не добрѣ мыслите мыслимая правильно, обаче престаните распри и оглаголанія и да имамы прощеніе.

6. Письмо къ царю Алексѣю Михайловичу Хіосскаго Архіепископа Кирилла.

Тишайшій самодержавнѣйшій царю, Господи Господи алексѣю Михайловичъ, всея великія и бѣлыя и малыя Россіи самодержче, животъ и побѣду отъ Бога долготу дней!

Господь всѣхъ и Богъ нашъ созда человѣка по образу и по подобію своему и почти его отъ всѣхъ созданій и украшая его многими дарьми: врагъ же истинный (истины?) діаволъ, не терпя толикія чести, юже даде Богъ человѣку, преобразися во образъ зміинъ и прельсти человѣка и сотвори его преступити заповѣдь Божію; ядый отъ плода ра-

зума, и абіе пребысть нагъ отъ благодатей и даровъ Божіихъ и изгнанъ бысть изъ рая и повелѣнъ отъ Бога, по́томъ ясти хлѣбъ свой: по́томъ лица твоего ясти (снѣси) хлѣбъ твой. Оттолѣ, державнѣйшій царю, изнеможе человѣческое естество и бысть тлѣнное и удобопреложное, человѣкомъ бо оттолѣ дадеся, еже согрѣшати. Сія помышляяй и Пророкъ Царь Давидъ писа глагола: *взякъ человѣкъ ложь*, и Премудрый Соломонъ: нѣсть праведенъ на земли, иже сотворитъ благо и не согрѣшитъ, сирѣчь всякъ человѣкъ есть тлѣнный въ мірѣ семъ и удобопреложный намѣреніемъ, и праведнѣйшему на земли не возможно есть въ добротахъ, яже творитъ, не прельститися и погрѣшити. Является въ ветхомъ писаніи и въ новомъ, яко близь царствѣхъ случахуся между добрыми человѣки и зліи и злаго намѣренія и гордыи, иже прельщаху многажды царей лестію, и овогда убо поущаху ихъ на убійство и пребеззаконіе, овогда же на нелѣпую честь ихъ и, дерзаю рѣщи, на безчестіе царское, яко же является и во время Артаксеркса царя единъ его первый князь, Аманъ именуемъ, яко прельсти царя и даде повелѣніе, яко да погубитъ тогдашнія благочестивыя Божія вся. Но Богъ, не терпя неправду тую и гордость онаго Амана, яви царю, чрезъ царицу его Есѳирь, неправду тую и гордость онаго, и абіе царь не сохрани оно повелѣніе и вмѣсто его сотвори инаго, да погубитъ Амана онаго гордаго. Отъ сея гордости, является, державнѣйшій царю, яко побѣждашеся зѣло и господинъ Никонъ, и просяше грамоты отъ царствія твоего пребеззаконныя на возвышеніе нелѣпое свое. И великое твое царствіе, яко вѣренъ и правъ въ вѣрѣ, сущу оному началу вѣры, простымъ и чистымъ сердцемъ дадеся ему что̀ либо просяше. Обаче великое твое самодержавіе не вредися никакоже, но наипаче возрастѣ и вѣнчася вѣнцемъ смиренія. Той же высокосердый, сый начало закона, бысть преступникъ и отрицатель закона, и еже лютѣйшее, яко уча иныхъ себе не учаше и не подражаше Владыку Христа и перваго патріарха и Бога, чесому учаше, не слу-

шаше его, глаголюща: большій (въ) васъ да будетъ вамъ слуга, и: иже аще хощетъ первый быти въ васъ, да будетъ вамъ рабъ. Не слыша его глаголюща: вознесый себе смирится: и, аще не смиритеся и будете яко отрочата, не внидите въ царствіе Божіе. Не слуша Павла глаголюща: да не будемъ тщеславны, и паки: смиренномудріемъ другъ друга предводяще; ниже премудраго Соломона: не чистъ у Господа всякій высокосердый. Не слыша того паки Владыки глаголюща: возмите иго Мое на васъ и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есть и смиренъ сердцемъ; не слуша Соломона глаголюща: сердце царево въ рупѣ Божіи, и Богослова Григорія: сердце царево въ рупѣ Божіи и речется и вѣруется. Но хотяше прельстити царя, не помышляя, яко иже прельщаетъ царя, Богу противляется; не устраши его страхъ тогожде Соломона глаголюща: не гордися предъ царемъ ниже у царя умудрися; ниже: прещеніе царево подобно рыканію львову. Не слыша Златоуста глаголюща: иже не слушаетъ (царя) Богу борется, и еще тому глаголющу: ничто же бо сице прогнѣваетъ Бога, яко же паче чести почитатися. Но ослѣпи его гордость, возлюби бо славу человѣческую, паче нежели славу Божію; вся бо дѣла своя твориже, во еже видѣтися отъ человѣковъ; любяше бо первосѣданіе въ вечеряхъ и перволеганіе и зватися отъ человѣкъ: Равви. Владыко Христосъ учаше ученики своя смиренію, и той—величаніемъ; Христосъ не памятозлобію, и той—памятозлобію; Христосъ излія кровь свою насъ ради, и той не претерпѣ ниже слово студное; Христосъ учаше да покаряются царемъ, и той противляшеся цареви; ослѣпи бо его злоба его. Сего ради пріятъ по дѣломъ своимъ; обратися бо, глаголетъ, болѣзнь, его на него и на главу его, той бо сія (?). Грамоты же оныя, яже даде великое твое царство, во ничто же вмѣняются и въ мѣру не приходятъ; яже бо кромѣ закона и испытанія прилѣжнаго и разсмотрѣнія утвержденныя вины и совершенныя ниже законъ, ниже время, ниже обычай утвердити можетъ. Безсловесно бо судимая и бывае-

мая словомъ разрѣшаются и во ничто же бываютъ. И великое твое царствіе радуется и красуется во благочестіи своемъ и укрѣпляется и поставляетъ инаго патріарха законнаго и соборнаго, которому, аще хощетъ, страхомъ Божіимъ благословити и освятити тебе и вся Христовы люди, и прославится Богъ за вы, яко тому подобаетъ слава во вѣки аминь. (1660 Мая 14 число).

Кириллъ архіепископъ отъ святыя и царскія обители новыя, яже въ Хіи, богомолецъ и рабъ великаго твоего царствія.

III.

ПИСЬМО ПАТРІАРХА НИКОНА КЪ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ,

СЪ ИЗЛОЖЕНІЕМЪ УСЛОВІЙ, НА КОТОРЫХЪ ЖЕЛАЕТЪ ОСТАВИТЬ НАВСЕГДА УПРАВЛЕНІЕ ПАТРІАРШЕСТВОМЪ, ПОСЛАННОЕ СЪ ЧУДОВСКИМЪ АРХИМАНДРИТОМЪ ІОАКИМОМЪ 14 ДЕКАБРЯ 1665 Г.

Лѣта 7173, а еже по плоти рождества Господа Бога и Спаса нашего І. Христа 1665 генваря въ 14-й день пріѣхали Новаго Іерусалима въ Воскресенскій монастырь чудова монастыря архимандритъ Іоакимъ, да думной дьякъ Дементій Башмаковъ, и велѣли про себя сказать Никону патріарху, и Никонъ патріархъ велѣлъ имъ сказать: Буде по государеву указу пріѣхали и они шли бъ на монастырь въ келью, и вшедъ въ келью говорили: Великій Гр҃ъ Святѣйшій Никонъ патріархъ! Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь всея великія, малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, велѣлъ о твоемъ спасеніи спросить. И Никонъ патріархъ говорилъ: Божіею милостію се живъ есть, и поклоняся говорилъ: какъ Господь Богъ его милуетъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія, малыя и бѣлыя Россіи самодержца? И ар-

химандритъ Іоакимъ и думной дьякъ Дементей мнѣ, Никону патріарху, сказали: какъ они поѣхали съ Москвы и великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь всея великія, малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, далъ Богъ, въ добромъ здравьѣ. — И спрашивалъ Никонъ патріархъ архимандрита Іоакима и думнаго дьяка Дементія: что ваше приведствіе къ намъ смиреннымъ? И Архимандритъ и думной дьякъ говорили: прислалъ де насъ великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь всея великія, малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, со всею палатою и со всемъ освященнымъ чиномъ, а велѣлъ Г-рь царь и весь царскій сигклитъ и весь освященный соборъ сказать: спаси Богъ, что де ты свою правду явилъ, смутное письмо царю прислалъ и воровское дѣло не утаилъ Никиты Зюзина и его совѣтниковъ, которой твоею святительскою думою возмутилъ и на странное твое пришествіе къ Москвѣ привелъ и великаго государя со священнымъ соборомъ и со всемъ государствомъ хотѣлъ ссорить, и чтобъ ты впредь такимъ ссорщикамъ и составщикамъ не вѣрилъ, а которые есть иные такіе же ссорщики, и ты патріархъ Никонъ прочихъ потому же объявилъ; да ты же де приказывалъ къ великому государю изъ села Чернева съ преосвященнымъ митрополитоиъ Павломъ сарскимъ и подонскимъ и окольничьимъ Родіономъ Матвѣевичемъ Стрѣшневымъ съ товарищи извѣстилъ великому государю: буде ему великому государю угодно, для чего посылать ко Вселенскихъ патріархамъ, мощно то дѣло содѣлать и безъ Вселенскимъ патріарховъ, что тебѣ впредь на Москвѣ патріархомъ не быть и въ патріарше невочто не вступаться; и положилъ на волю Божію и на повелѣніе его великаго государя и на освященный соборъ, кого они патріархомъ изберутъ и поставятъ, и о томъ ты великому государю хотѣлъ письмо прислать за своею рукою.

Смиренный Никонъ Божіею милостію патріархъ свидѣтельствуя страхомъ Божіимъ, Святыя Живоначальныя Троицы, и Пресвятою Пречистою и Преблагословенною Владычицею

Богородицею и Приснодѣвою Маріею, и Святыми Ангелы и всѣми Святыми и Святою Церковію Божіею и Святыми священными вещьми и небомъ и землею: тако бо иногда и Моисей, предаяй Божій законъ Израилю, засвидѣтельствовалъ небу и земли, глаголя: вонми небо и возглаголю и да услышитъ земля глаголы устъ моихъ и пр. Такожде же Исаія пророкъ засвидѣтельствуя небу и землѣ глаголя: слыши небо и внуши земле, яко Господь глаголетъ: Сыны родихъ вы и вознесохъ, тіи же отвергошася мене и пр. Тако Іисусъ Навинъ заповѣдуя при исходѣ своемъ положа камень предъ всемъ соборомъ Израилевымъ о сохраненіи заповѣдей Господнихъ; такожде и Іаковъ съ Лаваномъ составя громаду каменія собравъ засвидѣтельствовали о своемъ миру предъ собраннымъ каменіемъ. Сице и азъ свидетельствую и заповѣдую, что мнѣ жити отнынѣ, лѣта 7173, а отъ воплощенія Слова Божія 1665 генв. съ 14 числа, своего строенія въ монастыряхъ Св. Живоноснаго Воскресенія Христова, или въ монастырѣ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы Иверскія, или въ монастырѣ Св. Честнаго Креста Господня и во иныхъ нашего строенія приписныхъ монастыряхъ повольно. А держати ми живучи въ тѣхъ монастырѣхъ во всякое исправленіе заповѣди Господа Бога Спаса нашего І. Христа, Св. Его Евангеліе, заповѣди и правила Св. Апостоловъ и Св. Отецъ седми Вселенскихъ соборовъ, такожде и помѣстныхъ св. отецъ соборовъ, и особь коегождо святаго, и святыя книги и уставы, яже пріяла св. соборная и апостольская церковь, къ симъ же и приданыя царскія Св. законы и уставы, такожде святый символъ исправленный нами съ греческаго благодатію Св. Духа и совѣтомъ и единеніемъ со св. вселенскими патріархами; такожде и церковные уставы преданные святѣй церкви св. отцы, т. е. святую литургію, или общимъ словомъ нарещи, служебникъ и требникъ и прочіе святые книги справлены съ старыхъ греческихъ святыхъ книгъ; чинъ и уставъ снабдѣвати св. восточныя церкви Новаго Сіона, еже есть церкве Воскресенія

Господа Бога и Спаса нашего І. Христа, иже во Іерусалимѣ, и имѣти ми любовь и соединеніе со святыми вселенскими патріархами во всемъ не отложно. И великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея великія, малыя и бѣлыя Россіи самодержцу жаловать насъ, богомольца своего, милостію какъ прежде сего; а когда мнѣ, его государеву богомольцу, случится для великихъ нуждъ, или милостыни ради по надобію пріити въ царствующій градъ Москву поклонитися образу Пресвятыя Богородицы, и его государево лице видѣти, миръ и благословеніе подати и престолу славы царства его поклонитися, и ему великому государю пожаловать невозбранить; а мнѣ, пришедъ, въ царствующемъ градѣ безъ его, великаго государя, указа и безъ совѣта брата нашего святѣйшаго патріарха московскаго и всея Россіи чрезъ Божественные законы ничтоже творити, И грамоты его государевы утвержденныя данныя въ его государевы богомолья Новаго Іерусалима Воскресенскій монастырь, и Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи въ Иверской монастырь, и святаго Честнаго и Животворящаго Креста Господня въ Ставросъ монастырь, и иныхъ нашего строенія и приписныхъ монастырей, и которые грамоты послѣ нашего отшествія взяты изъ нашей келейной казны къ нему великому государю вверхъ и всякія крѣпости и книги пожаловать ему, великому государю, отдать намъ въ свои государствы; богомолья въ Воскресенской, Иверской, Св. Честнаго и Животворящаго Креста и въ иные нашего строенія приписные монастыри. А которые вотчины купленные нами и вкладные дани въ монастырь, а въ его государевыхъ приказахъ не утверждены и въ книги не записаны, и тѣ вотчины купленные и по вкладнымъ данные пожаловать ему великому государю утвердити и въ приказѣхъ въ книги записати, за тѣми монастыри, гдѣ которые мы дали. Да въ прошлыхъ же годѣхъ, будучи на престолѣ, съ совѣтомъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всея великія, малыя и бѣлыя Рос-

сіи самодержца, мы, великій господинъ, смиренный Никонъ, Божіею милостію патріархъ указали: которые около воскресенскаго монастыря близь церковныя пустыныя земли въ книги написать и приписать къ Воскресенскому Монастырю, а тѣмъ церковнымъ пустымъ землямъ переписные книги въ патріаршѣ приказѣ, и тѣ пустые церковные земли пожаловать великому государю — утвердить за Воскресенскимъ монастыремъ и изъ оброку выложить. Да я же смиренный Никонъ Божіею милостію патріархъ, будучи на престолѣ, въ домъ Пресвятыя Владычицы, во св. соборную церковь, построилъ многія священныя вещи, государевымъ жалованьемъ и своимъ келейнымъ избыткомъ, которыя великій государь жаловалъ, подносилъ за мою работишку, будучи въ моровыхъ повѣтріяхъ, и государыня царица и великая княгиня Марія Ильинична жаловала подносила же, — и тѣ драгіе вещи подѣланы во священные одежды архіерейскіе и въ митры всѣ; и про то вѣдомо самому великому государю и самые тѣ священные вещи свидѣтельствуютъ въ великой ризницѣ; а отходя изъ царствующаго града Москвы, я смиренный Никонъ, Божіею милостію патріархъ, отъ тѣхъ священныхъ вещей взялъ единъ худѣйшій саккосъ и едину митру и омофоръ свой, и то священное одѣяніе въ службѣ издержалось, а о митрѣ слыша государеву кручину отослалъ къ Москвѣ, и сія тако суть, и чтобъ великій государь пожаловалъ меня богомольца своего и святый синклитъ приговорилъ и священный соборъ благословилъ отъ тѣхъ священныхъ одеждъ нашего строенія дати въ потребу на служеніе, сколько великій государь изволитъ, и едину митру, или цареградцкую, или жалованье государыни царицы, и едину енколпію или панагію служебную подвеликую, да крестъ, иже утерялся въ походѣ въ моровое повѣтріе, а нынѣ обрѣтается въ домовой казнѣ, а онъ есть келейный, а не казенный, и едину лахань и единъ рукомой. Да я же построилъ Государевымъ жалованьемъ и своимъ промысломъ и учинилъ прибыль въ домъ Пресвятыя Богородицы доходу тысячь по двадцати на годъ и

тому свидѣтельствуютъ книги при моемъ владычествѣ: и изъ тѣхъ доходовъ пожаловать великому государю и всему царскому сигклиту и освященному собору, давать мнѣ, богомольцу своему, вмѣсто милостыни на пропитаніе хлѣба и рыбы и денегъ на потребу, елико ему великому государю и всему честному сигклиту и всему освященному собору Господь Богъ извѣститъ. Понеже обычай держитъ св. вселѣнская восточная церковь сей: егда оставитъ великій архіерей престолъ своею волею, или нѣкоего ради случая неудобнаго и о немъ всѣмъ священнымъ соборомъ жалуютъ и даютъ на пропитаніе первыя епархіи митрополитскія со всякимъ достояніемъ. Такожде и правила св. отецъ повелѣваютъ: епископъ аще будетъ имѣлъ жену въ мірѣ или своихъ сродникъ бѣдныхъ, невозбраняютъ требованія подати имъ въ мѣру. Кольми паче намъ, многъ трудъ понесшимъ при строеніи всякомъ дому Пресвятыя Богородицы, подобаетъ питатися. И Божественный апостолъ глаголетъ: да необротиши вола молотяща; и паки: дѣлаяй священная отъ святилища да ядятъ и предстоящій олтарю со олтаремъ да раздѣляются. Еще же намъ слышится, какъ будучи мы на престолѣ своемъ, за премногую великаго государя любовь и милость, подносили отъ своихъ трудовъ ему, великому государю, по двѣ тысячи избранныхъ рыбъ волскихъ, а иногда сугубо, и великій государь тотъ уставъ и благословеніе наше, и до днесь держитъ: и не во грѣхъ такоже и о насъ да смилуется. А иже благодать Св. Духа изберетъ на честное и великое предсѣдательство великаго архіерея, и ему въ наши монастыри, которые Божіею милостію и его государевымъ жалованьемъ и милостынею построены, и въ приписные монастыри, и вотчины, и во всякія суды, и въ приходскія церкви, и во священный причетъ и въ крестьянскіе и во всякія духовныя дѣла не вступаться и не посылать никого; такожде митрополитомъ и архіепископомъ, въ коихъ областяхъ нашего строенія монастыри и приписные монастыри, монастырскіе вотчины и въ нихъ приходскіе церкви, и во всякія кресть-

янскія дѣла не вступаться, и невѣдать и ни почто не посылать; а посвящати ми въ тѣ монастыри архимандритовъ и игуменовъ, священниковъ и діаконовъ по благодати Св. Духа самому, покамѣстъ живъ буду и могу, или по духовной любви коему митрополиту, или архіепископу, или епископу соблаговолю и грамотою нашею извѣщу; а по прехожденіи нашемъ временнаго житія,—тѣ святыя великія обители Новаго Іерусалима монастырь Св Воскресенія Господа Бога Спаса нашего І. Христа, и Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи Иверской монастырь, и Св. Честнаго Креста Господня Ставросъ монастырь и иные меньшіе монастыри пожаловать великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея великія малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу и честному Сигклиту приговорити и священному собору благословити—велѣть приписать къ царствующему граду Москвѣ во область, а не въ домъ Патріаршъ брату нашему и сослужителю всесвятѣйшему патріарху, иже по Божественной благодати кто въ тѣ времена будетъ; понеже тѣ святыя обители строены на пустыхъ мѣстахъ по нашему благословенію и избыткомъ нашимъ отъ царствующаго града Москвы и совѣтомъ благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія малыя и бѣлыя Россіи самодержца, а не по благословенію митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ; того ради не подобаетъ къ нимъ и приписывати, якоже и св. отецъ правила показуютъ; такожде и по достоянію и по избытку славы и по сочетанію братства, пожаловать великому государю, велѣть написать въ степени. И егда будутъ соборы въ царствующемъ градѣ Москвѣ по указу великаго государя и по благословенію святѣйшаго патріарха Московскаго и всея Россіи и всего освященнаго собора, и отъ тѣхъ святыхъ обителей архимандритовъ призывать въ собраніе и святую литургію служити невозбранно, идѣже аще повелитъ братъ нашъ и сослужитель святѣйшій патріархъ, а безъ благословенія того чрезъ Божественные законы

ничтоже имъ творить. А нуждою къ мирскимъ судіямъ на судъ насъ и нашихъ монастырей архимандритовъ, игуменовъ, и намѣстниковъ, и строителей, и всего освященнаго чина по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ и царскихъ законовъ не привлачати; а которое будетъ дѣло дойдетъ, и про то сыскивать крѣпкимъ сыскомъ и рѣшити по правиламъ св. Апостолъ и св. отецъ и по царскимъ законамъ. Да въ прошлыхъ годѣхъ будучи я, смиренный Никонъ Божіею милостію патріархъ, въ великомъ Новѣградѣ митрополитомъ отъ бунтовщиковъ многіе бѣды и напасти и увечья пострадалъ, правды ради, даже близь смерти, и своимъ многимъ долготерпѣніемъ и напастьми и ранами и увечьемъ то злое дѣло ихъ удержалъ, и со Псковичи совѣтовать имъ не далъ, и клятвою разорилъ; а они воры и бунтовщики посылали къ Польскому и Свейскому королямъ о подданствѣ, и я о томъ о всемъ великому государю писалъ, многими цѣнами наимовалъ, и всякія у нихъ тайныя дѣла выкупалъ и посылалъ къ великому государю многими сторонними дорогами, и про то про все великому государю самому вѣдомо и свидѣтельствуютъ дѣла въ Новгородской четверти; да ко мнѣ же Псковичи писали, чтобъ мнѣ пристать къ ихъ злому совѣту и изъ иныхъ многихъ городовъ присылали двойниковъ и воровскія письма, чтобъ мнѣ стоять съ бунтовщики заодно; и я къ ихъ зломыслію ни къ какому не приставалъ, и тѣ измѣнные, злые совѣтные ихъ письма за руками великому государю подносилъ самъ; того ради великій государь пожаловалъ меня богомольца своею многою милостію, великими дарами и деньгами, и я на тѣ деньги купилъ вотчину подмосковную, сельцо Минеевское, да сельцо Ильинское съ деревнями у Лаврентія Булатникова, а далъ за тѣ села шесть тысячь съ лихвою, его государево жалованье, тѣ милостынные деньги, а не Софійскаго дома казенные, и тому свидѣтельствуютъ книги, что тѣ деньги не изъ казны даны, мои келейные, государево жалованье; да въ тоже время пожаловалъ меня великій государь за мое злостраданіе въ Новогородскомъ уѣздѣ на Пет-

ровскомъ порогѣ, Михайловскомъ погостѣ мужиковъ съ полтораста, или съ двести со всякими угодьи и съ рыбными ловлями: и чтобъ великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь всея великія малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, пожаловалъ меня богомольца своего, а честный сигклитъ и весь освященный соборъ приговорили, сельцо Минеевское, да сельцо Ильинское съ деревнями для моей скудости и многаго терпѣнія и крови отдать мнѣ на пропитаніе, или по купчей деньги выдать, или вмѣсто того гдѣ индѣ великій государь пожаловалъ бы деревнишку на пропитаніе; а я за великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія малыя и бѣлыя Россіи самодержца и за государыню царицу и великую княгиню Марію Ильинишну, и за государя великаго князя Ѳеодора Алексѣевича, и за благородные царевны, и за честный сигклитъ, и за весь освященный соборъ и за все христолюбивое воинство, и за вся православныя христіаны со всею братіею долженъ молити Бога. Такожде и въ степени святѣйшихъ Московскихъ патріарховъ, имя наше да пишется непреложно по настоящему, и боголюбивымъ всякихъ чиновъ людемъ къ намъ приходити не возбраняти. И иже ради нашея любве, или своею простотою царское величество преогорчивши и прогнѣвавши и суть заточени въ дальнихъ странахъ и въ горкихъ работахъ, да получатъ свободу и отпущеніе грѣховъ по заповѣдѣхъ Божіихъ реченныхъ: Егда молитеся стояще, и аще что имате на кого отпущайте согрѣшеніе ихъ; по писанному: внемлите себѣ, аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой запрети ему, и аще покается остави ему. А намъ смиренному Никону, Божіею милостію патріарху, отнынѣ лѣта 7173-го, а отъ воплощенія Слова Божія 1665-го, генваря 14-го числа, Московскимъ и всея Россіи патріархомъ неименоватися; а описыватися, по обычаю великихъ патріарховъ, въ началѣ нашихъ грамотъ посылаемыхъ отъ насъ: смиренный Никонъ Божіею милостію патріархъ; такожде и во всякія духовныя дѣла Московскаго Государства и всея Россіи не вступаться

и невѣдать и хранити ми твердо правило св. апостолъ и св. отецъ, иже утвердили: въ чужей епископіи ставленниковъ не ставити, и никакихъ духовныхъ дѣлъ безъ мѣстнаго епископа велѣнія не творити. А буде духовныя ради пользы случится намъ на соборъ пріити и въ томъ намъ не возбраняти и засѣдати подъ настоящимъ патріархомъ первѣе митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, понеже и Григорій Богословецъ по отшествіи своемъ на второмъ св. вселенскомъ соборѣ былъ; тому свидѣтельствуютъ писанія; аще и нѣціи злоумніи порицаютъ о семъ и глаголютъ, что будто Григорій Богословъ по отшествіи своемъ священныхъ недѣйствовалъ: и то глаголютъ не праведно; о семъ же многія его писанія свидѣтельствуютъ; и аще бы не бы тогда по отшествіи своемъ Патріархомъ именовался, небы и нынѣ славился отъ православныхъ патріархомъ. А что въ отшествіяхъ своихъ огорчеваяся отъ великія кручины, жалуясь Господу Богу на царское величество и на честный сигклитъ и на священный соборъ судъ Божій износилъ, и отомъ мнѣ молити Господа Бога, яко да милостивъ Господь Богъ будетъ имъ, и по власти данной намъ отъ Господа Бога и Спаса нашего І. Христа, архіереямъ священнодѣйствующимъ во святей Божіей церкви, на земли оставляти грѣхи и рѣшити всякій союзъ неправды, — и то намъ по уставу св. отецъ святымъ молитвословіемъ разрѣшити; и прахъ, его же отрясали отъ ногъ своихъ, исходя отъ царствующаго града Москвы, ставъ посредѣ града, и во всѣхъ градскихъ вратахъ, изглашая Божественную заповѣдь глаголющую: Господи Іисусе Христе Боже нашъ, Ты реклъ еси пречистыми не ложными своими устами: въ онь же колиждо градъ или весь внидите, испытайте, кто въ немъ достоинъ есть, и ту пребудите дондеже изыдете, входяще въ домъ цѣлуйте его, глаголюще: миръ дому сему, и аще убо будетъ домъ достоинъ, придетъ нань миръ вамъ; аще ли же ни, къ вамъ возвратится; и иже аще не пріиметъ васъ, ниже послушаетъ словесъ вашихъ, исходяще изъ дому или изъ града того, отря-

сите прахъ отъ ногъ вашихъ; аминь глаголю вамъ отраднѣе будетъ земли Содомской и Гоморской въ день судный неже граду тому; да исполнится граду сему и людемъ симъ непріемлющимъ насъ и изгоняющимъ; и нѣкто отъ предстоящихъ стрелѣцкихъ головъ говорилъ: мы де выметемъ прахъ тотъ; и Никонъ патріархъ противу того говорилъ: да размететъ Господь Богъ васъ оною Божественною метлою, яже является на дни многи отъ востока и до запада, отъ сѣвера и до юга, и отъ того времени она Божественная метла обратилась къ Москвѣ; и то аще и невсѣмъ, обаче многимъ вѣдомо. И мнѣ, смиренному Никону, Божіею милостію Патріарху, молити Господа Бога, чтобъ Господь Богъ премѣнилъ отрясенный прахъ въ свидѣтельство благословенія и миръ нашъ, яко на сынѣхъ мира, по заповѣди Божіей пребылъ, и царствующему граду Москвѣ не быти осужденну паче Содома и Гоморра; но дабы пріялъ Господь Богъ покаяніе, якоже и Неневитянъ кающихся; и метла она Божественная дабы была въ собраніе и въ защищеніе отъ навѣтъ вражіихъ, а обидящихъ насъ во отмщеніе. А иже безъ правды на мя подвигли судъ архіереи беззаконно и чрезъ вся Божественная правила; и мнѣ тожде прощеніе дати и разрѣшити святымъ молитвословіемъ, кто о томъ станетъ каяться и прощенія просити; аще ли кто не покается и онъ буди подъ заповѣдію Божіею глаголющею: имже судомъ судитъ, осудится, и его же мѣрою мѣритъ возмѣрится. Такожде и честный сигклитъ, бояре, кои злословили на насъ безъ правды и клеветали на насъ великому государю смутными винами, якоже Семенъ Лукъяновичъ Стрешневъ вопросы своими Газскому митрополиту, и Романъ Бабарыкинъ, Иванъ Сытинъ и прочіе вси, кождо самъ свою совѣсть вѣдая, и попщутъ прощенія, и намъ тѣхъ разрѣшити и благословити и молити Господа Бога по Божественной заповѣди: молитесь другъ за друга, яко да исцѣлѣете. А иже кто будетъ пріобидѣлъ насъ въ чемъ либо житейскомъ, вещахъ движимыхъ и недвижимыхъ, исправитися въ правду полюбовно; аще ли и по семъ кто, уклоняяся

отъ великія Божественныя правды, обратится на зло какое либо, или на досажденіе, или на пріобидѣніе и на немъ также да будетъ Божественная юза неразрѣшима, а намъ въ печалѣхъ своихъ прощено глаголати Божественныя Давида псалмы: Суди Господи обидящія мя, возбрани борющія мя, пріимли оружіе и щитъ и востани въ помощь мою, изсуни оружіе и запрети сопротивъ гонящія мя; и паки: Богъ отмщенія Господь, Богъ отмщеній и не обинулся есть, вознесися судяй земли, воздаждь воздаяніе гордымъ и пр. подобныя тѣмъ. Да какъ лили великій колоколъ и въ то время ушла мѣдь, а долить было нечимъ, а государевой мѣди столько не стало, а я давалъ своею мѣдью; да у Ивана Щепоткина взято изъ лавки мѣди съ пять сотъ пудъ и та мѣдь пошла въ колоколъ же; да ему же Ивану дана память на князь Ивана Ивановича Лобанова во стѣ пудъ мѣди и онъ Иванъ Великому Государю въ своей мѣди не билъ челомъ, заверстался за ту мѣдь пять сотъ пудъ моею мяхкою рухледью, которая дана была ему продать, шелкомъ и сафьяны и кисеями тысящи на полторы или на двѣ, и того ради пріобидѣнія я его Ивана проклялъ: и въ томъ бы прикащикомъ межъ собою сдѣлаться, и мнѣ его по смиренію разрѣшити и благословити; а что въ колоколъ моей мѣди положено, и той мѣди дошло до меня пять сотъ пудъ, и въ томъ какъ онъ великій государь изволитъ. Сія тако исповѣдую и утверждаю; инако паче сего да не будетъ. А противу нашего изображенія всего да дастся и намъ писаніе отъ царскаго величества и отъ честнаго царскаго сигклита и отъ священнаго собора во свидѣтельство всякія правды.... И аще ли инако, чрезъ всея Божественныя законы и заповѣди и любовной союзъ сбудется, яже о патріаршествѣ, по власти міра сего: то да неречется по правдѣ патріархъ, но яко предюбодѣй и хищникъ и въ мѣсто мира да будетъ мечь Божій: не мните яко пріидохъ вовреще миръ на землю, не пріидохъ бо во вреще миръ, но мечь, пріидохъ бо разлучити человѣка на отца своего и пр.; и паки другое писаніе: всяко царство раздѣльшееся на ся за-

пустѣетъ и всякій градъ, или домъ раздѣливыйся на ся не станетъ. Аминь.

IV.

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ СОБОРНЫХЪ ОПРЕДѢЛЕНІЙ ПО ПОВОДУ ПИСЬМА, ПРИСЛАННАГО ПАТРІАРХОМЪ НИКОНОМЪ КЪ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ СЪ ЧУДОВСКИМЪ АРХИМАНДРИТОМЪ ІОАКИМОМЪ, отъ 14 декабря 1665 г.

Настоящаго лѣта сего, по седьми тысящахъ отъ созданія міра 174, отъ Рождества же по плоти Господа Бога нашего Іисуса Христа 1666, по повелѣнію великаго государя нашего царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія, бѣлыя и малыя Россіи самодержца, собравшеся архіереи Россійскаго государства преосвященныя митрополиты и архіепископы и епископы, имѣюще волю и не присудствующихъ архіепископовъ Сибирскаго и Астраханскаго, Св. Духа призваша, да дастъ благодать свою, еже разсудити праведно писаніе присланное къ великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу отъ святѣйшаго Никона патріарха за рукою его въ лѣто 7173 генваря въ 14 день, внемъ же написано:

1. Яко отъ того дне жити святѣйшему Никону патріарху строенія своего въ монастырѣхъ Новаго Іерусалима Св. Живоноснаго Воскресенія Христова, или въ монастырѣ Пресв. Б҃цы Иверскія, или въ монастырѣ Св. и Животворящаго Креста Господня, или въ иныхъ его строенія и приписныхъ монастырехъ повольно.

И священный соборъ присуди: монастырь Воскресенія Христова Новымъ Іерусалимомъ не именовати и не писати, а именовати и писати его сице: *монастырь Воскресенія Христова, по образу церкви Іерусалимскія*, или: *монастырь Новый Воскресенія Христова.* Зане пишетъ му-

дрый монахъ Максимъ Грекъ: яко единъ есть Іерусалимъ на земли и една земля Іудейская, въ ней же Христосъ родися и крестися во Іорданѣ, на Ѳаворѣ преобразися и на Голгоѳѣ распяся, и тамо негдѣ близъ погребеся, и по воскресеніи, поживъ со ученики своими четыредесять дней, отъ Елеонскія горы на небеса вознесеся; второе, яко люди народа Россійскаго зѣло блазнятся, суще невѣжди, о имени монастыря Новаго Іерусалима, паче же въ послѣднія дни сія, въ няже концы вѣкъ достигоша, и въ той ихъ блазни веліе есть хульное слово на святѣйшаго Никона патріарха, еяже хулы не мощно написати: и того ради обоего не подобаетъ писати, ниже именовати монастырь онъ Св. Христова Воскресенія Новымъ Іерусалимомъ.

2. Живучи въ тѣхъ монастырехъ святѣйшему Никону патріарху держати вся преданія церковная, и книги исправленныя съ старыхъ греческихъ книгъ и символъ, како исправися при немъ, и имѣти любовь и единеніе со вселенскими патріархи во всемъ не отложно.

Священный же соборъ рече: аще что и впредь за повеленіемъ великаго государя и за благословеніемъ святѣйшаго патріарха Московскаго и всего священнаго собора съ греческихъ книгъ исправится, и ему святѣйшему патріарху Никону и тѣ книги пріимати и по нимъ славословіе Божіе и чины церковныя исправляти, и святѣйшаго патріарха Московскаго и всея Россіи въ молитвахъ тайныхъ и явныхъ всѣхъ имя поминати ему самому въ первыхъ, и во всѣхъ своихъ монастырехъ и церквахъ такъ же велѣти впервыхъ поминати, и имѣти патр. Никону къ св. патр. Московскому и всея Россіи повиновеніе во всемъ, такъ какъ и прочіе архіереи св. патріарху повинуются и имя св. настоящаго патріарха московскаго въ молитвахъ своихъ въ церковныхъ и келейныхъ поминаютъ.

3. Великому государю царю жаловати св. Никона патр. своею милостію какъ и прежде сего.

И священный соборъ отвѣща: о томъ великій государь

воленъ, зане государь нашъ царь милостивъ и домотерпѣливъ и непамятозлобивъ; аще св. Никонъ патр. къ нему великому государю и свят. патр. настоящему будетъ покоренъ во всемъ по Господѣ Бозѣ и не начнетъ каковыхъ мятежей и смущеній творити каковымъ либо образомъ, и великій государь будетъ его своею государскою милостію жаловати по своему государскому разсмотрѣнію, какъ ему великому государю Богъ извѣститъ, зане по премудрому нѣкоему: сердце царево въ рукѣ Божіи.

4. Въ царствующій градъ Москву пріити св. Никону патріарху, когда случится всякихъ ради нуждъ, и его в. г. лице видѣти, миръ и благословеніе подати и престолу славы царства его поклонитися, и великому государю пожаловати не возбранити.

И священный соборъ рече: приходити въ царствующій градъ Москву св. Никону патріарху сице: первѣе ему о приходѣ своемъ въ царствующій градъ Москву къ великому государю и къ святѣйшему патріарху Московскому писати, какъ и прочіе архіереи о пріѣздѣ своемъ пишутъ; и егда благочестивый государь царь повелитъ и святѣйшій патріархъ благословитъ, тогда по указу великаго государя и по благословенію святѣйшаго патріарха въ царствующій градъ Москву святѣйшему Никону патріарху приходити, а безъ указу великаго государя и безъ благословенія святѣйшаго патріарха къ Москвѣ ему не приходити.

Пристойно ли Сардикійскаго собора правило 25 листъ III здѣ написати, изволите сказати.

5. Пришедъ ему въ царствующій градъ Москву, безъ указу великаго государя и безъ совѣту брата его и служителя святѣйшаго патріарха Московскаго и всея Россіи, чрезъ Божественныя законы, ничтоже творити.

И священный соборъ рече: св. Никону патріарху бывшему Московскому святѣйшаго патр. настоящаго Московскаго и всея Россіи сослужителемъ не именовати, но имѣти его и именовати архипастыря и начальника и старѣйшину и

подчинятися ему во всемъ и безъ воли его и безъ благословенія въ царствующемъ градѣ, или гдѣ индѣ, не точію что чрезъ Божественныя канопы, но аще что и по Божественнымъ законамъ, безъ совѣта и веленія ничтоже творити, но вся ему дѣяти по указу в. г. и по благословенію св. патр. Московскаго и всея Россіи, якоже и прочіи архіереи вся дѣютъ по благословенію его.

Есть ли правила, или иное какое писаніе о томъ, что сослужителемъ не именовати?

6. Грамоты великаго государя, и

7. Вотчины купленные и вкладные утвердити за монастырями его;

8. Церковныя пустыя земли, которыя около Воскресенскаго монастыря близь, пожаловать Великому Государю утвердити за Воскресенскимъ монастыремъ и изъ оброку выложити.

Отвѣща священный соборъ: св. третьяго вселенскаго собора правило 8-е глаголетъ: въ коейждо области сущу епископу, иже суть подъ нею правды да соблюдается чисто и не подвижно; аще же уставу сему противно вводитъ кто, всуе труждается. Толкованіе же того правила глаголетъ: елико Епископовъ отъ иные области отъяша что и подъ свои руцѣ взяша, еже не бѣ исперва подъ ними, или село, или виноградъ, или землю, или иное что, еже отъ иныя епископіи восхитиша, ничтоже отъ того своего да сотворятъ, ни да удержатъ, но да возвратятъ вскорѣ въ епископію, подъ нимъ же быша и прежде была, яко чисто и неподвижно блюсти подобаетъ коеяждо области сущая подъ нею стяжанія; да не буесть мірскія власти извѣтомъ святительства влѣзетъ въ ня; аще ли уставъ инъ введетъ кто, повеленнымъ на семъ соборѣ противу глаголя и боряся, ничтоже успѣетъ, но всуе труждается. И святыхъ апостолъ 34-е правило не повелѣваетъ епископомъ безъ своего старѣйшаго что творити, но токмо въ своемъ предѣлѣ комуждо и старѣйшему ону безъ онѣхъ ничтоже творити. Въ толкованіи

глаголетъ: не подобаетъ ни продати ни отдати церковныхъ нѣкихъ вещей. Антіохійскаго собора правило 24-е глаголетъ: всѣмъ причетникомъ соборныя церкве подобаетъ вѣдати все церковное имѣніе, да егда умретъ епископъ церковное особно да сохранится, а еже есть епископское, по завѣту его да управится. Кирилла Александрійскаго правило 2 глаголетъ: сокровища и стяжанія церковная не подвижна, и не отъемлема, и не продаема церкви подобаетъ хранити. Аггирскаго собора правило 15 глаголетъ: аще что церковное пресвитери продадятъ, да будетъ не твердо. Вселенскаго четвертаго собора правила 25 толкованіе глаголетъ: все вдовствующія церкве иконом̀ъ да держитъ и церковное имѣніе цѣло да хранитъ. Вселенскаго шестаго собора правило 35 повелѣваетъ скончавшагося епископа причетникомъ хранити имѣніе; въ толкованіижъ жь 5 глаголетъ: по смерти епископа, ни причетникомъ его, ни митрополиту достоитъ взяти себѣ что отъ имѣнія овдовѣвшія церкве. Седьмаго Вселенскаго собора правило 27 и 33 правило Карѳагенскаго собора. И по симъ правиламъ тѣ церковныя земли св. патр. Никону возвратити въ домъ патріаршъ по прежнему, а къ Воскресенскому монастырю не приписывати и не утверждати и изъ оброку не выкладывати. А егда будетъ св. патр. Московскій и всея россіи и тогда о семъ совѣтъ сотворитъ съ великимъ государемъ и со освященнымъ соборомъ; а мы несмы нарушители правилъ св. отецъ, зане церковное твердо и недвижимо.

10. Изъ доходовъ, что учинилъ святѣйшій Никонъ патріархъ прибыли въ домъ Пресв. Б^цы, тысячь по двадцати на годъ, давать ему милостыни на препитаніе, хлѣба, и рыбы и денегъ на потребу, что великому государю и всему царскому сигклиту и всему освященному собору Богъ извѣститъ.

Отвѣща *освященный соборъ*: какъ великій государь благоволитъ о семъ и его царскій сигклитъ приговоритъ, а намъ безъ св. настоящаго патріарха изъ дому Пресв. Б^цы да-

вать присудити ничего нельзя, по правиломъ реченнымъ въ 8-й статьѣ; а прибыль учинилася милостію великаго государя, а по приходскимъ книгамъ всея прибыли отъ насаду во единъ годъ девять тысячь рублевъ, а больши того не бывало и нынѣ нѣтъ; а на препитаніе его есть вотчина: за Воскресенскимъ монастыремъ — крестьянскихъ дворовъ, за Иверскимъ Монастыремъ — крестьянскихъ дворовъ, за Крестнымъ монастыремъ—крестьянскихъ дворовъ *; къ сему соляные варницы и рыбные ловли; мощно и тѣми довлѣтися по апостолу: имуще пищу и одежду сими довлимся, хотящіи же богатитися впадаютъ въ искушеніе и сѣти и пожеланія многая непотребная и вреждающая.

11. Обычай святыя восточныя церкви: оставльшему архіерею престолъ свой волею, или нѣкотораго ради случая не удобнаго, и весь освященный соборъ даетъ ему на препитаніе первыя епархіи со всякимъ достояніемъ; тако и правила св. отецъ повелѣваютъ, епископъ аще имѣлъ будетъ жену въ мірѣ или своихъ сродникъ бѣдныхъ, не возбраняютъ требованія подавати имъ въ мѣру.

И священный соборъ отвѣща: каковый обычай нынѣ имать восточная церковь о прешедшихъ архіереяхъ, еже давати имъ изъ первыя епархіи, мы писанія не обрѣтохомъ; точію слишимъ, яко настоящій архіерей даетъ бывшему архіерею по любви каковый либо монастырь, и то не писанно. А еже требованіе давати бывшей епископа женѣ, и правило 6-го вселенскаго собора 48 повелѣваетъ: распустившися съ хотящимъ пріяти епископское первосѣданіе, по поставленіи его, внити въ монастырь, иже есть далече отъ епископіи, и пріимати потребу отъ Епископа настоящаго, прежде бывшаго мужа ея. Сродникомъ же своимъ, убогимъ сущимъ, святыхъ апостолъ правило повелѣваетъ давати пасущему епископу, яко и прочимъ нищимъ. По лишеніи же престола

* Здѣсь, очевидно, Епифаній оставилъ мѣсто для внесенія числа крестьянскихъ дворовъ, принадлежавшихъ упомянутымъ монастырямъ, какое окажется по справкѣ.

его имати у .втораго архіерея потребу какову любо изъ епархіи его, мы такова правила не обрѣтохомъ. Тогоже вселенскаго собора правило 12 единыя области на двѣ дѣлити не повелеваетъ. Да возвѣститъ убо св. Никонъ патр. священному собору, егда онъ взыде на престолъ Новгородскія митрополіи, живу сущу прежде его бывшему Аффонію митрополиту, каковую потребу взяше ему изъ епархіи Новгородскія митрополіи; мы точію слышали, яко кромѣ насущнаго хлѣба въ монастырѣ на Хутынѣ, ничто же ему бысть вся дни живота его. Нынѣ же намъ, освященному собору, что давати изъ патріаршескія епархіи на препитаніе свят. Никону патр., безъ настоящаго архіерея ничто же мощно опредѣлити; зане ничтоже подобаетъ творити Епископомъ безъ своего старѣйшаго, по 34 правилу святыхъ апостолъ, но токмо коемуждо во своемъ предѣлѣ; и четвертаго вселенскаго собора правило 25 повелѣваетъ: иконому церковное имѣніе цѣло хранити, хотящему епископу поставитися; тожде повелѣваетъ и шестаго вселенскаго собора 35 правило. И аще обычая восточныя церкви такого держутся, еже давати бывшему архіерею изъ первыя епархіи на препитаніе, и то творятъ не правильно, и намъ не вѣдомо о семъ; намъ же подобаетъ по правиломъ св. отецъ цѣло все сохранити хотящему быти патріарху. Никону же святѣйшему патріарху великій государь пожаловалъ и священный соборъ благословилъ и царскій сигклитъ приговорилъ дати на препитаніе не единъ, но и три монастыри; аще же св. Никонъ патріархъ благоволитъ тѣ три монастыря отдати со всѣми ихъ достоинствы, и великій государь пожалуетъ укажетъ, что дати ему на препитаніе его; егда же будетъ св. патр. настоящій, имать власть, еже аще восхощетъ, давать милостыню, намъ же того сотворити не мощно.

12. Будучи на престолѣ подносилъ великому государю по двѣ тысячи избранныхъ большихъ рыбъ, а иногда и сугубо, и великій государь той уставъ и благословеніе и до днесь держитъ, и не въ грѣхъ такожде на немъ свят. Никонѣ патр. да смилуется.

Отвѣща священный соборъ. власть свят. Патріархъ имяше и лѣть ему бяше творити, еже хотяше; а еже благочестивому царю подносилъ, и то не свое, но царево царю даяше; и по дѣлу о немъ же святѣйшемъ патріархѣ благочестивому царю и намъ безъ будущаго патріарха ничто же подобаетъ сотворити, якоже выше рѣхомъ.

13. Святѣйшему настоящему патріарху въ монастыри, построенныя свят. Никономъ патріархомъ, и въ приписныя и въ вотчины ихъ и во всякія суды и въ приходскія церкви и во священный причетъ, и въ крестьянскія всякія духовныя дѣла не вступатися и не посылати никого.

На сіе отвѣща освященный соборъ: кійждо долженъ есть мѣру свою вѣдѣти, и въ своихъ предѣлѣхъ и въ повелѣнныхъ ему священными законы пребывати. Патріарху же единому подобаетъ быти и вѣдѣти ему паству свою, яже вручится ему благодатію Св. Духа, и владѣти ему всѣми предѣлы своими непреложно и непоступно, по осьмому правилу перваго Вселенскаго собора, глаголющему: двѣма епископома не мощно быти въ единомъ градѣ. Но да повелитъ святѣйшій настоящій патріархъ святѣйшему Никону нарицатися патріархомъ, архіерейскаго же дѣла, безъ своего велѣнія, никакоже касатися ему; имѣти же ему настоящаго святѣйшаго патріарха Московскаго и всея Руссіи, яко же выше рѣхомъ въ статьѣ 5-й, архипастыря и начальника и старѣйшину, и подчинятися ему во всемъ и безъ воли его и безъ благословенія ничтоже творити. Перваго собора Вселенскаго по толкованію правила 6-го: кійждо патріархъ своими предѣлы обладати долженъ есть, и никому же ихъ иныя области не восхищати, не бывшія превыше изначала подъ рукою его, се бо есть гордость мірскія власти; подобаетъ же епископомъ коеяждо области старѣйшаго ихъ знати и почитати. 4-го же Вселенскаго собора 12 правило глаголетъ: едина область на двѣ не дѣлится, аще же кто раздѣлитъ, нѣсть епископъ, и прочее того правила и толкованія его. И третьяго Вселенскаго собора правило осьмое пове-

лѣваетъ: въ коейждо области сущимъ подъ нею правдамъ соблюдатися не подвижнымъ. Перваго же Вселенскаго собора 16 правило уставляетъ, не тверду быти поставленію пресвитерскому и діаконскому, рекше извержену, отъ иныя власти епископа поставленнымъ, безъ воли своего имъ епископа. И св. апостолъ 35-е правило не повелѣваетъ поставляти отъ чуждаго предѣла, ни въ предѣлѣ; аще же, глаголетъ, безъ воли того мѣста епископа сіе сотворитъ, съ поставленнымъ отъ него и самъ не поставленъ, сирѣчь да извержется и самъ и поставленный отъ него. Къ сему же и самъ свят. Никонъ патр. написа въ писаніи своемъ, статья 24: во всякія духовныя дѣла Московскаго Государства и всея Россіи не вступатися и не вѣдати, и паки въ 25 статьѣ *, хранити обѣщая твердо правила св. апостолъ и св. отецъ, въ чуждей епископіи ставленниковъ не ставити, и ни какихъ духовныхъ дѣлъ безъ мѣстнаго епископа велѣнія не творити. И мы нынѣ по священнымъ правиламъ и по самоизволенному св. Никона патр. обѣщанію, написанному въ 24 и въ 25 статьяхъ, подтвердихомъ, еже не вѣдати ему безъ велѣнія св. патріарха, и митрополита, архіепископа, или епископа ни въ которой области никакихъ духовныхъ дѣлъ, да не виновни будемъ по священнымъ правиламъ изверженія его. А которое дѣло духовное въ которомъ его монастырѣ прилучится, и ему къ тѣмъ архіереомъ, который монастырь или вотчины котораго архіереа области, надлежитъ и описыватися и по ихъ совѣту и велѣнію, аще повелятъ что творити, да творитъ. Аще же не восхощетъ отписатися, или отпишется, но архіерей, аще будетъ, ему не повелитъ что своея области творити, и св. Никону патр. отнюдь безъ ихъ велѣнія ничтоже творити смѣти, якоже выше священныя правила законополагаютъ и яко самъ обѣщася.

Прилично ли вписати Карѳагенскаго собора правило 98, листъ 157, сами изволите досмотрѣти.

* Разумѣется раздѣленіе на статьи, сдѣланное въ настоящемъ соборномъ актѣ. См. ниже ст. 24 и 25

14. Митрополитамъ и архіепископомъ и епископомъ, въ коихъ областяхъ строенія св. Никона патр. монастыри, и приписные монастыри и монастырскія вотчины, и въ нихъ приходскія церкви, во всякія крестьянскія дѣла не вступаться же и не вѣдать и ни почто не посылати.

И св. соборъ повелѣ во всемъ быти, якоже рѣчеся въ 13 статьѣ, а приписнымъ монастырямъ быти по прежнему во всемъ, какъ который монастырь былъ до приписки къ святѣйшему патріарху, а отнынѣ св. патр. Никону ими не владѣти, глаголетъ бо Халкидонскаго 4-го собора вселенскаго 24 правило сице: монастырь, иже съ волею епископа поставляется, да пребываетъ непретворенъ и яже суть къ нему имѣнія да будутъ не отъемлема; аще же кто инако начнетъ творити, нѣсть безъ вины. И 4-е правило того же собора повелѣваетъ всякому мниху повиноватися епископу и отъ монастыря безъ повелѣнія его не изходити. И перваго глаголемаго и втораго собора правило первое повелѣваетъ епископу вѣдѣти монастырь, и сущимъ въ немъ внутреннимъ и внѣшнимъ подъ властію быти епископа и безъ воли епископа ни самому создавшему игуменити въ немъ, ни игуменовъ поставляти. Карѳагенскаго же собора 85-е: черноризцемъ епископу области тоя покорятися, отъ чужаго же нѣкоего монастыря не поставляти пречетника. Аще же будутъ тѣ приписные монастыри подъ властію, аще и внѣшнего, свят. Никона патр., то тѣхъ монастырей имѣнія внутреннее и внѣшнее не будутъ подъ властію тоя епархіи архіерея, но будутъ всяко отъемлема, идѣже св. Никонъ патр. восхещетъ, и мнихи тѣхъ монастырей не всяко будутъ своему архіерею, въ епархіи котораго монастырь стоитъ, покарятися и отъ монастырей своихъ безъ повелѣнія своихъ . . . . . архіереевъ преходити будутъ и покарятися своимъ архіереомъ не будутъ: и тѣмъ священныя правила Богоносными Отцы узаконенныя нарушены будутъ и архіереи въ презорствѣ будутъ, мы же, умолчавше, осудимся. И того ради свят. Никону патр. тѣми монастырями

ин въ чемъ не владѣти, да Божественныхъ отецъ законоположенныя правила тверда пребудутъ и мы да не осудимся; а довлѣетъ св. Никону патр. на препитаніе его и на всякую тѣлесную потребу строенія его монастырей съ вотчинами, въ нихъ же жити ему опредѣлися, и владѣти внѣшними имѣньми тѣхъ монастырей, кромѣ духовныхъ всякихъ дѣлъ, якоже выше речеся.

15. Посвящати въ тѣ монастыри архимандритовъ и игуменовъ, священниковъ и діаконовъ св. Никону патр. самому, покамѣстъ живъ будетъ и можетъ, или коему митрополиту или архіепископу и епископу соблаговолитъ и грамотою своею извѣститъ.

Священный соборъ рече: коемуждо епископу подобаетъ свою область соблюдати цѣлу. Зане 35 правило св. апостолъ не повелѣваетъ никому же отъ епископъ внѣ своихъ предѣлъ, ни отъ чуждихъ предѣлъ приходящихъ, поставляти кого пресвитера или діакона; аще же безъ воли того мѣста епископа сіе сотворитъ, съ поставленнымъ отъ него и самъ не поставленъ, сирѣчь да извержется; Антіохіи Сирскія собора правило 13 глаголетъ: аще никимъ же позванъ во ину область поставитъ пресвитера или діакона, или правленіе нѣкое церковное творитъ, таковая не тверда и разрушена да пребудутъ, а онъ да извержется; и 22 правило того жъ собора повелѣваетъ, коемуждо епископу въ своемъ предѣлѣ владѣти и поставляти пресвитеры и діаконы, во инъ же предѣлъ не ити, ни поставити пресвитера, ни ино что епископское творити, кромѣ воли епископа предѣла того; аще же дерзнетъ и сотворитъ что таковое, да будетъ изверженъ и повиненъ, и поставленный отъ него пресвитеръ и діаконъ. Втораго же вселенскаго собора правило 2-е глаголетъ сице: предѣлъ ради никто же да мѣшаетъ церковь, не поставляетъ пресвитера ни епископа; прочее да чтется того правила толкованіе. Къ сему же и самъ свят. Никонъ, патр. тѣ всѣ правила подтвердилъ писаніемъ своимъ въ статьѣ 25 глаголя: никакихъ духовныхъ дѣлъ безъ мѣстнаго епископа велѣнія

ему не творити. И по симъ правиломъ свят. Никону патр. и по своему обѣщанію рукописанному поставляти въ свои ему монастыри, которыя въ патріаршей области, архимандриты и игумены, пресвитеры и діаконы точію до насущаго св. патр. Московскаго; егда же благоволитъ Богъ быти свят. патр. Московскому и вся Россіи, тогда ему описыватися къ свят. патріарху и бити челомъ ему о всякой духовной вещи, и что настоящій св. патр. повелитъ, — и ему вся по повелѣнію его творити, а безъ повелѣнія его ничтоже ему творити. А которыя монастыри въ области преосвященныхъ митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ, св. Никону патріарху отнынѣ отсылати тѣхъ монастырей ставленниковъ на рукоположеніе къ тѣмъ архіереомъ, которой монастырь или вотчина котораго архіереа во области есть; или, аще самъ благоволитъ кого рукоположити, и ему такоже по совѣту и благоволенію тоя области архіерея повеленная имъ творити. Аще же о чесомъ не будетъ воли тѣхъ мѣстъ архіерея и св. патріарху безъ воли ихъ ничтоже творити, да не будетъ нарушеніе священныхъ правилъ, уставленныхъ отъ св. отецъ. Аще же что, кромѣ совѣта оныхъ мѣстъ архіерей, самовольно каковы духовныя дѣла начнетъ творити, и то да будетъ не твердо, посвященнымъ выше реченнымъ правилемъ. Мы же вси архіереи не должни грамотъ патр. Никона слушати, писанныхъ отъ него о чемъ либо съ повелѣніемъ; но должны есмы вси повиноватися и слушати настоящаго святѣйшаго патріарха московскаго и всеа Россіи и писаній его.

Епископъ не радяй о врученной ему паствѣ, пріискати есть ли такое правило.

16. По прехожденіи его отъ временнаго житія тѣ всѣ монастыри пожаловать великому государю царю, и царскому сигклиту приговорити, и освященному собору благословити, велѣть приписати въ области царствующаго града Москвы, а не въ патріаршъ домъ.

Освященный соборъ присуди: которой монастырь строенія

св. Никона патр. въ которой области стоитъ, той монастырь въ ту епархію архіерейскую и приписати, а не въ домы архіерейскія; а приписнымъ монастыремъ отнынѣ во всемъ быти якоже речеся въ 14 статьѣ выше сего.

14. Такъ же и въ степени написать, и егда будутъ соборы въ царствующемъ градѣ Москвѣ и отъ тѣхъ обителей архимандритовъ въ собраніе призывати и св. литургію служити невозбранно, идѣ же святѣйщій патріархъ повелитъ, а безъ благословенія того чрезъ Божественныя законы ничто же имъ творити.

Священный соборъ отвѣща: егда благоволитъ Богъ быти св. патр. московскому и всеа Россіи, тогда будетъ соборнѣ просити, да по совѣту съ великимъ государемъ напишетъ въ степени три монастыря: живоноснаго Воскресенія, Иверскія Богородицы и Животворящаго креста, въ которой степени которому изъ тѣхъ трехъ монастырей быти прилично. А до святѣйшаго патріарха быти тѣмъ монастыремъ безстепенно.

Сказываютъ, что Иверскій монастырь написанъ уже въ степени; провѣдалъ Іаковъ.

18. Нуждею къ мирскимъ судіямъ на судъ свят. патріарха изъ монастырей его архимандритовъ и игуменовъ, намѣстниковъ, строителей и всего священнаго чина не привлачити; а которое дѣло дойдетъ, и про то сыскивать крѣпкимъ сыскомъ и рѣшити по правиламъ и по царскимъ закономъ.

Отвѣщаша архіереи о семъ соборно: како священная правило уставиша и царстіи законы повелѣша, обычай Россійскаго государства держится о прочихъ архіерѣехъ и монастырехъ: тако и о св. Никонѣ патріархѣ, и о монастырехъ его, и монастырей его о всякихъ начальникахъ, да держатся твердо во всемъ.

19. За Новгородское его отъ бунтовщиковъ терпѣніе.

20. Въ степени святѣйшихъ патріарховъ московскихъ имя его да напишется непреложно по настоящему времяни.

21. Всякихъ чиновъ людемъ приходити къ свят. Никону

патріарху благословенія ради, или милостыню подати ему не возбраняти.

И священный соборъ изгласи: благочестивый царь пожалуетъ, и свят. патр. настоящій благословитъ и мы повелѣваемъ, и царскій сигклитъ не возбраняетъ христіаномъ къ нему приходити, дондеже не будетъ каковый мятежъ и соблазнъ.

22. Прогнѣвавшіи царское величество за него и заточенніи въ дальнихъ странахъ свободу и отпущеніе грѣховъ да получатъ.

23. Никону святѣйшему патріарху отнынѣ, лѣта 7173, отъ воплощенія же Божія слова 1665, генваря съ 14 числа, московскимъ и всеа Россіи патріархомъ именоватися, а писатися ему вначалѣ своихъ грамотъ посылаемыхъ отъ него: смиренный Никонъ Божіею милостію патріархъ.

И священный соборъ присуди сему по воли его тако быти.

24. Во всякія духовныя дѣла московскаго государства и всеа Россіи не вступатися и не вѣдати.

И священный соборъ сіе изволеніе его зѣло похвали и утверди тако быти; къ сему же присуди, не вступатися св. Никону патр. и въ мирскія всякія дѣла московскаго государства и всеа Россіи, — кромѣ своихъ трехъ монастырей данныхъ ему, и вотчинъ ихъ; въ нихъ бо аще хощетъ, да разсуждаетъ мірскія дѣла, пристоящія ему. Аще же время случится, и благочестивый государь нашъ царь и свят. патріархъ или священный соборъ призовутъ, или о каковѣ любо вещи, или дѣлѣ отпишутъ, и ему тогда не возбранно дати отвѣтъ; собою же ему нивочто не вступаться.

25. Хранити ему твердо правила святыхъ апостолъ и отецъ, иже утвердили въ чужей епископіи ставленниковъ не ставити, и никакихъ духовныхъ дѣлъ безъ мѣстнаго епископа велѣнія не творити.

Священный соборъ сіе добрѣ похвали и утверди сему тако быти.

26. Духовныя ради пользы будетъ лучится св. Никону па-

тріарху на соборъ пріити, и въ томъ ему не возбраняти, и засѣдати подъ настоящимъ патріархомъ превыше митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ.

И священный соборъ святѣйшему Никону патріарху засѣдати подъ настоящимъ патр. московскимъ превыше митрополитовъ и архіеписковъ и епископовъ повелѣ; а къ Москвѣ и на соборъ безъ повелѣнія ему не приходити, а приходити ему къ Москвѣ или на соборъ по выше реченному въ четвертой статьѣ.

27. По отшествіяхъ своихъ, отъ великія кручины огорчеваяся, жаловался Господу Богу на царское величество и на честный сигклитъ и на священный соборъ судъ Божій износилъ: и о томъ ему Господа Бога молити, да милостивъ имъ будетъ Господь Богъ и по уставу молитвословіемъ разрѣшити.

И священный соборъ рече: егда бысть на престолѣ патріаршества московскаго св. Никонъ патр. тогда писася въ многихъ писаніяхъ уподобляяся Моусею, кротости же его не подража. Моисей бо онъ, егда люди израильстіи къ Богу прегрѣшиша, сліявше телецъ поклонишася ему, Господь же прогнѣвася на ня, онъ же моляше Господа о нихъ глаголя: аще оставиши имъ грѣхъ сей, остави, аще же ни, изгладди мя изъ книги твоея, юже написалъ еси. Царское же величество и освященный соборъ и честный сигклитъ, ниже Богу явно въ чесомъ приразися (аще яко человѣцы и согрѣшиша, никтоже бо безгрѣшенъ), ниже св. Никона патр. въ чесомъ кто преобидѣ, но вси почитаху его и покаряхуся ему во всемъ, яко самому Христу, и честь ему отдаваху паче прежде его сущихъ патріарховъ Россійскихъ: онъ же самъ обѣщанія своего не сохранивъ, паству свою, врученну бывшу ему отъ Св. Духа, невинно безпастырну оставивъ, ниже благочестивому царю вину какову о отшествіи своемъ извѣстивъ, ниже священному собору изъявивъ, пойде аможе восхотѣ и многащи зовомъ царскимъ величествомъ чрезъ боляръ, и священными тогда сущими и всѣмъ преизящнымъ

сигклитомъ молимъ, да на престолѣ патріаршестемъ предсѣдательствуетъ, онъ же, въ своемъ упорѣ твердо ставъ, отвѣща къ молящимъ его, глаголя: отселѣ азъ не словесной паствѣ Христовѣ, но мнѣ самому внимати, не пастырски овцы Христовы паствовати, но паствуемъ быти, не о православной церкви Россійской, но о спасеніи души моея пещися, не чуждихъ прегрѣшеній язвъ врачь быти, но моя и моихъ грѣхопаденій раны врачевствовати желаю, да не речется мнѣ притчески реченное: *врачу, уврачи тя самаго*; и по симъ его словесемъ ни на кого же ему подобаше, точію на свое упорство Господу Богу жаловатися и судъ Божій износить, невинныхъ же отшествію его не кляти, на зло бо молящагося и праведнаго Богъ не слушаетъ. Аще же бы ему въ чесомъ пасомыхъ имъ кто и погрѣшилъ, и ему яко пустырю подобаше не кляти, но по Моусею Господа Бога молити, и душу свою за паству положити и къ язвѣ пластырь долготерпѣнія приложити, по реченному въ писаніи: должни немощи немощныхъ носити; и ничтоже безчестнѣйше пастыря гнѣвающася: пастырь бо истинный есть, иже словесныя овцы не злобіемъ своимъ и милостію взыскати и исправити могій; кляти же невинныя не пастырево есть. Аще бо, глаголетъ многій въ Божественныхъ Ареопагита, кленетъ страстно святитель, не послѣдуетъ ему судъ Божій; и св. апостолъ глаголетъ: *гнѣвъ мужа правду Божію не содѣловаетъ*. Разсмотримъ, о священніи, аще не ради страсти своея кляше? Ей, всяко по своей страсти кляше! Но долженъ есть Господа Бога молити, да не вмѣнится ему сіе въ грѣхъ.

28. Прахъ, его же съ молитвою оттрясалъ отъ ногъ своихъ во осужденіе, изходя изъ царствующаго града, и разметенія являшіяся на небеси оныя метлы Божественныя клятвы, ему свят. Никону патр. молити Господа Бога, да премѣнитъ Господь Богъ отрясенный прахъ въ благословеніе и царствующему граду Москвѣ не быти осужденному паче Содома и Гомора, но да пріиметъ Господь Богъ покаяніе, яко же и Ниневитянъ кающихся; метла же она Божественная

да будетъ въ собраніе и защищеніе отъ всякихъ навѣтовъ вражіихъ, а обидящимъ его во отмщеніе.

И священный соборъ разглагола: сотвори патр. Никонъ дерзость, еже прахъ отрясе и моляшеся оному праху отрясенному отъ ногъ его быти въ осужденіе царствующему граду Москвѣ паче Содома и Гомора, и таковыя дерзости никтоже сущихъ прежде свят. Никона патр. сотвори гдѣ, аще и истинно изгнаніе подъя кто, или не пріятъ кого кій градъ или весь. И первое убо, егда Господь нашъ Іисусъ Христосъ, внегда наста время страсти его, утверди лице свое ити въ Іерусалимъ, не внезапу самъ пойде, но посла вѣсники предъ лицемъ своимъ, они же внидоша въ весь Самарянску, яко да уготовятъ ему пріятіе; вѣдый убо яко не пріемлютъ его Самаряне, но обаче посла; и не пріяша его, яко лице его бѣ грядый въ Іерусалимъ; не брегомъ убо отъ Самарянъ, безъ злобы претерпѣ; видѣвше жъ ученика его Іаковъ и Іоаннъ рѣста: *Господи, хощеши ли, речемъ, да огнь снидетъ съ небесе и потребитъ ихъ, якоже Илія сотвори?* обращьжеся Іисусъ, запрети има и рече: *невѣста коего духа еста вы, сынъ бо человѣческій не пріиде душъ человѣческихъ погубити, но спасти.* Господь же, священныя своя апостолы посылая, повелѣ проповѣдати Евангеліе, яко приближися царство небесное, и власть даде первѣе болящія цѣлити, прокаженныя очищати, мертвыя воскрешати, бѣсы изгонити, самимъ же апостоломъ не стяжати ни злата, ни сребра; входящимъ же имъ въ домъ, повелѣ глаголати: миръ дому, и аще достоинъ будетъ домъ, пріидетъ на него миръ апостольскій, аще же домъ не будетъ достоинъ, миръ апостольскій къ апостоломъ возвратится; таже, аще не пріимутъ апостоловъ, ниже послушаютъ словесъ ихъ, еже есть проповѣди св. Евангелія, тогда повелѣ имъ изходящимъ изъ дому или изъ града онаго оттрясяти прахъ ногъ своихъ въ свидѣтельство имъ, еже сотвориша святіи апостоли Павелъ и Варнава въ Антіохіи Пасидійстѣй: егда Іудее исполнишася зависти, и глаго-

лемымъ отъ Павла сопротивъ глаголюще и хуляще, рекоста къ нимъ Павелъ и Варнава: вамъ бѣ нужно первѣе глаголати слово Божіе, а понеже отвергосте е и недостойныхъ себе судисте вѣчному животу, се обращаемся въ языки. Іудее же наустиша честныя жены и благообразныя и первыхъ гражданъ, воздвигоша гоненіе великое на Павла и Варнаву, и изгнаша ихъ отъ предѣлъ своихъ; они же не просто, ниже разгнѣвавшеся оттрясоша прагъ ногъ своихъ, но на непріемшихъ и отвергшихъ слово Божіе и напротивящихся и хулящихъ проповѣдь святаго Евангелія отрясше прахъ отъ ногъ своихъ, поидоша въ Елинскій градъ, яко и ему проповѣдати св. Евангеліе. Зане ни праха хощетъ Господь ученикомъ своимъ имѣти на ногахъ отъ земли нечестивы; ничтоже бо пріобрѣтоша апостоли отъ нечестивыхъ; прахъ же образъ труда ихъ, его же претерпѣша ради нихъ. И въ Коринѳѣ св. апостолъ Павелъ засвидѣтельствуя Христа Іисуса, сопротивящимъ же ся имъ и хулящимъ, оттрясъ ризы своя, рече къ нимъ: кровь ваша на главахъ вашихъ, чистъ азъ, отъ нынѣ иду въ языки. Отсюду вѣдати всякому мощно, яко апостоли оттрясаху прахъ и ризы своя на Іудеи, невѣрныхъ сущихъ, не токмо противящихся имъ, но и хулящихъ слово Божіе, проповѣданное ими, а отхождаху въ языки проповѣдати слово Божіе; егда же аще и досаждаху апостоловъ и біяху ихъ, но слово проповѣди св. Евангелія не тако хуляху, тогда апостоли изгоними и біемы, не токмо прахъ не оттрясаху да еже каково злопострадаша, но и радующеся изъ сонмищъ исхождаху: яко въ Іерусалимѣ архіереи бивше апостолы запретиша имъ не глаголати о имени Іисусовѣ, они же идяху отъ лица собора радующеся, яко за имя Господне сподобишася безчестіе пріяти.

Подражатель же незлобиваго владыки Христа и соученикъ святыхъ апостолъ, златый языкомъ Іоаннъ, изверженъ неправедно сана архіерейскаго, изъ церкве изгнанъ, по изверженіи въ третій день самъ вдадеся и никого же кляше; возвращенъ же отъ изгнанія и нудимъ царемъ и цари-

цею не хотяше внити въ градъ, дондеже народъ приведе имъ съ нуждею; во второе же изгнаніе радовашеся, яко изгнанъ бысть, а никого жь кляше; аще и пришедъ огнь отъ Бога пожже тамо сущая зданія, — но не по его прошенію: онъ бо аще и изгнаніе подья, но кротостію отъиде. Заповѣда же и Алимпіадѣ съ прочими поставленному по немъ въ церкви, понужди или совѣтомъ всѣхъ, повиноватися тому, яко же самому Іоанну: не можетъ бо, рече, церковь безъ епископа быти.

И здѣ же древле случившееся о митрополитѣ всеа Россіи Филиппѣ: егда по оклеветанію нѣкихъ злыхъ изгнася престола и паствы съ веліею досадою и безчестіемъ и біеніемъ, тогда святый, яко истинный пастырь, не кляше не точію невинныхъ, но и самихъ клеветниковъ благословляше.

Патріархи Іевъ и Ермогенъ оставяще престолъ свой, како отойдоша, написати.

Священная же правила не пріемшихъ епископа людей кляти не повелѣваютъ, якоже свидѣтельствуетъ собора Агкирскаго правило 18 глаголющее: епископъ поставленъ бывъ, аще не пріятъ будетъ жители предѣла того, въ онь же поставленъ бысть, и начнетъ инымъ епископіямъ стужати, да отлучится, аще же хощетъ да причтенъ будетъ, съ пресвитеры да причтется, аще же и тамо сущимъ епископомъ стужаетъ, да изринется изъ пресвитерскія чести. И Антіохіи Сирскія 10-е правило глаголетъ: аще поставленъ бывъ епископъ и никакоже пріятъ будетъ людьми града того, таковый убо честь епископскую да иматъ, и да служитъ токмо, ожидая егда всея области епископи соборомъ управятъ о семъ. Того жь собора правило 16 глаголетъ: иже кромѣ совершеннаго собора, или самого митрополита на праздный церкве престолъ наскочивъ, аще и самъ есть празденъ отъ епископіи, да будетъ изверженъ.

Смотримъ прилѣжно, яко не пріемшихъ людей поставленнаго имъ епископа не точію не повелѣваютъ кляти священнаго правила, но и епископа безчинующа и наскачюща из-

верженію подлагаютъ. Святѣйшій же Никонъ патр. моляшеся на царствующій градъ Москву о погубленіи, якоже Содому и Гомору, ниже по Божію велѣнію, ниже по чину св. апостолъ, ниже за проповѣдь слова Божія (издревле бо россійскій народъ имать проповѣдь св. Евангелія), ниже изгнанъ; но по рукоположеніи его на патріаршество пріятъ бысть отъ всѣхъ и почтенъ паче прежнихъ патріархъ Россійскихъ. Остави же самовольно престолъ свой и паству безчинно на многа лѣта безпастырну, безъ всякія вины и совѣта, и тогда много молимъ, не возвратися. Многа же лѣта минувъ по отреченіи своемъ, восхотѣ паки власти и славы міра сего, ниже возвѣствивъ о себѣ, ниже совѣтовавъ, или моливъ царя и соборъ, пріиде внезапу нощію, и въ мірѣ молву и смущеніе веліе сотвори; стражу же градскую въ градѣ проходя, вспрошенъ сказоваше себе архимандрита Савинскаго монастыря Звѣнигородскаго. Изшедъ же паки вспять, гнѣвомъ побѣждаемъ, оттрясаше прахъ и молитву законопреступную прилагая. Како бо не законопреступная первѣе учини? Получи бо священство, паче же архіерейство на благословеніе и на молитву о грѣсѣхъ людей къ Богу и о благосостояніи всего православнаго царства, и нарицашеся и до днесь нарицается царскій и всего христіанства богомолецъ, а не клятвотворецъ; и подобаетъ ему о своемъ дерзновеніи каятися и молитися Господу Богу, яко же и самъ молитися обѣщася. Долженствуетъ же ему свое обѣщаніе сіе дѣломъ исполнити по реченному: обѣщайте и воздадите, и лучше не обѣщатися, нежели обѣщавшему не исполнити.

А еже метлу нѣкую, нареченную имъ, молится въ отмщеніе обидящимъ его, и о семъ прирече свящ. соборъ: подобаше св. патр. Никону, яко ученику владыки Христа, молитися за творящихъ ему обиду о оставленіи грѣховъ, якоже самъ владыка нашъ Христосъ научи, рекъ: якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе; о семъ разумѣютъ вси яко ученицы мои есте, аще любовь имате между собою; возводя же ученицы своя на совершенство, учаше я глаголя: любите

враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите кленущія вы, молитеся за творящимъ вамъ обиду. Святѣйшій же Никонъ патріархъ, возшедъ на совершенный степень архіерейскій, не воспомянувъ Божія заповѣди глаголющія: мое мщеніе, азъ воздамъ, моляшеся законопреступно, бывшей въ то время звѣздѣ, юже наричетъ метлою, быти обидящимъ его во отмщеніе; его же обида, кто чимъ его пообидѣ, невѣдома; точію аще не самъ себе обидитъ въ душу и тѣло; повергъ свое начальство, износитъ на ничимъ же ему винныхъ, а сущихъ правовѣрныхъ словеса клятвенная не законно. Како же будетъ его таковая молитва законна? Зане глаголетъ священный Златоустъ: аще на враги молимся, откуду пріимемъ спасенія надежду, законопреступную сію прилагающе молитву. И паки: не симъ тебѣ Христосъ наказа, не сице уста окровавляти повелѣ, ибо окровавленныхъ устъ отъ плотей человѣческихъ лютѣйшъ таковый языкъ. Егда бо речеши: расторгни его, и домъ преврати и вся погуби и тьмами его губетельствы клянеши, ничимъ же человѣкоубійцы разнствовалъ еси, пачежъ человѣкоядца звѣря; обидѣлся ли еси отъ кого, убо помилуй его, да невозненавидиши; яко Христосъ распятися хотя, о себѣ убо радовашеся, о распинающихъ же молящеся; паче убо покажемъ любовь опечалившимъ, да подобни будемъ Богу нашему, иже на небесѣхъ. Аще же не токмо не оставляеши но къ Богу на него бесѣдуеши, которую прочее пріимеши спасенія надежду? егда умоляти его подобаше, тогда его раздражаеми. И паки: коликія муки будутъ достойни, не токмо не оставляюще, но и Бога о отмщеніи враговъ моляще? Аще же враговъ благодѣтельствуемъ нашихъ, многу себѣ предположимъ милость; тако бо и въ настоящее житіе вси насъ возлюбятъ, и прежде иныхъ Богъ и возлюбитъ и вѣнчаетъ; сице святіи апостоли моляхуся и Стефанъ великомученикъ каменьми побиваемъ отъ Іудей, сущихъ не вѣрныхъ, моляшеся глаголя: Господи не постави имъ грѣха сего; и святый Павелъ моляшеся: да не вмѣнится имъ, еже сказуетъ

святый Златоустъ, яко не токмо не хотяше мучитися, или что нужно пострадати, но и простити молящеся имъ; и самъ Спаситель нашъ Христосъ распинаемъ отъ Іудей моляшеся Отцу своему глаголя: отче отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творятъ.

29. Безъ правды подвигшимъ судъ архіереемъ на святѣйшаго Никона патріарха беззаконно, чрезъ вся Божественная правила, прощеніе дати и разрѣшити молитвословіемъ кающихся о томъ и прошенія просящихъ; не кающіяся же подъ заповѣдь Божію подлагаетъ, глаголющую: имъ же судомъ судите, осудитеся, и: въ ню же мѣру мѣрите возмѣрится вамъ.

Священный соборъ рече: каятися о семъ и прощенія просити не лѣть и не о чесомъ. Зане св. патр. Никонъ не отъ достовѣрныхъ свидѣтелей извѣстися о семъ: нѣкто убо ему солга, и свящ. соборъ туне оклевета, и его душу возмути. Онъ же возмнѣ, яко егда собрася священный соборъ въ лѣто 7168, судъ изнесе на него; но не бысть тако. Бысть же сице: Благочестивый государь нашъ царь (титулъ), имяше веліе попеченіе о вдовствующей соборной церкви, да преосвященный соборъ о семъ по правиломъ св. апостолъ и свят. отецъ разсудитъ; они же, подобно имуще о святѣй церкви попеченіе, сошедшеся въ патріаршу крестовую палату, извѣстишася, съ писаньми, многими достовѣрными свидѣтельми, обрѣтшимися при отшествіи свят. Никона патр.; слышаша бо отъ нихъ, аще и не купно, обаче согласно рекшихъ, яко патріархъ самовольно престолъ свой пастырскій остави и патріаршества своего отрече́ся, и впредь на патріаршествѣ обѣщася не быти, и жезлъ пастырскій по произвольному желанію своему на патріаршествѣмъ мѣстѣ постави, и тако церкви и паствы изъиде. Послѣди же того самъ святѣйшій Никонъ патр. къ великому государю писа своею рукою сице: Никонъ *бывшій* патріархъ. И избравше о томъ правила, написаша, чтоша прилѣжно, и разсудиша, да инъ благоискусный мужъ на верховное предстательство

правильно благодатію Св. Духа избранъ будетъ и хиротонисанъ возведется на престолъ патріаршескій, якоже и прежде въ велію пользу церкви православныя апостольскія соборнѣ содѣяся. Христолюбивому же архіерею, во святыхъ Григорію Богослову, престолъ свой константинопольскій самовольно оставлшу, абіе отъ святаго вселенскаго константопольскаго собора инъ благоговѣйный пастырь Нектарій избрася, архіерей хиротонисася и на престолъ патріаршескій константинопольскій возведеся. Да и самъ свят. Никонъ патр. прежде патріаршества своего возведеся на архіерейскій степень митрополіи великаго Новгорода и Великихъ Лукъ, еще живу сущу преосвященному Аффонію митрополиту Великаго Новгорода и Великихъ Лукъ, но оставлшу за старость престолъ митрополіи новгородскія. И паки св. Никонъ патр., еще сый на престолѣ патріаршествмъ, архіепископу же Іосифу суждальскому и торусскому отрекшуся престола за немощь (иже и еще живъ есть и доднесь), — рукоположи и возведе на онъ престолъ архіепископа Филарета. По семъ онаго архіепископа Филарета преведе свят. патріархъ на вышшій степень града Смоленска, вмѣсто же его Суждалю граду рукоположи и возведе на онъ престолъ Стефана архіепископа, живу сущу превому того града архіепископу Іосифу. Паки оставлшу за старость престолъ архіепископіи града Твери преосвященному архіепископу Іонѣ, свят. Никонъ патр. рукоположи и возведе на онъ престолъ архіепископа Лаврентія, иже нынѣ милостію Божіею преосвященный митрополитъ казанскій и свіяжскій. И многа такова соборная дѣянія суть, яже краткости ради времене оставляются. И сія вся быша не чрезъ правила, но по правилóмъ. Святѣйшій же Никонъ патріархъ ничимъ же когда судися, ниже осудися, ниже изгнася, ниже въ оземствованіе послати присудися, ниже сана извержеся. И еже написа свят. Никонъ патр. яко подвигоша на него судъ архіерее беззаконно, чрезъ вся Божественная правила, и то написа недостовѣрно о семъ извѣстився.

30. Такоже и честный сигклитъ, боляре, иже злословиша его безъ правды и клеветали на него государю смертными винами, кійждо самъ свою совѣсть вѣдая, поищутъ прощенія, и ему и тѣхъ разрѣшити и благословити; а имъ, кто будетъ преобидѣлъ его въ чемъ либо, житейскихъ вещахъ движимыхъ и недвижимыхъ, исправитися въ правду, полюбовно; аще и по сему кто уклоняся отъ всякія Божественныя правды обратится на зло какое либо, или на досажденіе, или на преобидѣніе, и на немъ тажде да будетъ Божественная юза не разрѣшима.

Священный соборъ рече: въ 167-мъ году слухъ пройде нашествія крымскаго хана на московское государство, и тогда св. Никонъ патр., уже по оставленіи престола своего, пріиде въ царствующій градъ Москву, но не на престолъ свой;—егда же паки отхождаше съ Москвы, тогда бысть у царскаго величества и, оттуду исходя, всѣмъ купно подалъ прощеніе и разрѣшеніе во всемъ къ нему прегрѣшившимъ, овымъ поименно, прочимъ же всѣмъ и безъименно: и како нынѣ хощетъ тѣхъ же и въ тѣхъ же прегрѣшеніихъ разрѣшати и благословляти? Аще же кто послѣди жъ того чѣмъ ему прегрѣши, и то всякъ вѣдая свою совѣсть, долженъ искати прощенія и разрѣшенія отъ него: о семъ мы не возбраняемъ, но и соблаговсляемъ, не точію отъ архіерея прощенія въ согрѣшенныхъ къ нему искати, но и отъ простыхъ по реченному Христомъ Спасителемъ: аще принесши даръ твой къ олтарю, и тамо помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя, остави тамо даръ твой предъ жертвенникомъ и шедъ прежде примирися брату твоему и тогда пришедъ принеси даръ твой, и апостолу Петру сопросившу Христа Спасителя: коль краты согрѣшитъ въ мя братъ мой и отпущу ли ему, до седьми кратъ?—Отвѣща ему Спаситель нашъ: не глаголю тебѣ до седьмъ кратъ, но до седьмидесятъ кратъ седмерицею; и паки: аще оставите человѣковъ прегрѣшенія ихъ, оставитъ и вамъ Отецъ вашъ небесный прегрѣшенія ваша, и прочая.

А еже кто будетъ преобидѣлъ его въ чемъ либо, житейскихъ вещехъ движимыхъ и недвижимыхъ, исправитися вправду полюбовно. И священный соборъ отвѣща: зѣло подобаетъ исправитися обидѣвшимъ въ каковѣ либо вещи св. Никона патр.; такожде и свят. Никону патр., аще что обрящется у него не свое, или аще уже у него что и не обрѣтается, но въ память пріидетъ ему самому, или кто инъ воспомянетъ ему о каковѣ либо вещи, движимомъ или недвижимомъ, взятой у него на святѣйшаго патріарха, и ему такожде вся возвращати безъ всякія тщеты.

А еже и посемъ кто обратится на зло какое либо, или на досажденіе или на преобидѣніе и прочее. И священный соборъ о семъ отвѣща: добро убо всѣмъ престать, не точію на св. Никона патр., но и на всякаго человѣка отъ всякія досады, и обиды и отъ всякаго зла. Но человѣкъ удобоползновеный, по реченному: аггелъ то есть, еже не падати, человѣческое же, еже падати и паки востати, елижды сіе и случится. Христосъ вопрошенъ святымъ апостоломъ Петромъ, доколижды оставляти брату прегрѣшенія къ нему, повелѣ безъ числа кающимся оставляти. Убо и свят. Никону патріарху вѣдящему человѣческое удобоползновенное естество, яко послушателю Христа Спасителя, не подобаетъ озлобити раздражившаго: и еже бо желати озлобити раздражившаго гнѣвъ есть, рече нѣкій Богоносный отецъ; солнце жь, рече Божественный апостолъ, да не зайдетъ въ гнѣвѣ вашемъ: кольми паче не будетъ гнѣвъ, еже на впредь будущая согрѣшенія налагати юзу неразрѣшиму? Архіерею жь, яко должну сущу всѣхъ бремена носити, паче не подобаетъ гнѣватися. Глаголетъ бо нѣгдѣ священный Златоустъ: яко инымъ убо гнѣвающимся прощеніе есть, епископу же нигдѣ жъ. Святыхъ же мужей словеса глаголютъ: еже хранити сіе согрѣшеніе, памятозлобіе есть. Іисусъ Христосъ Спаситель нашъ, образъ дая собою, овогда словесы учаше, овогда же и дѣлы ученіе показоваше: словесы убо егда рече: возмите иго Мое на себе и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь

и смиренъ сердцемъ; дѣлы же егда не точію досаждаемъ и злословимъ, слыша: бѣса имать, и: о вельзевулѣ бѣсы изгони, но и каменьми метаемъ, не гнѣвашеся и неразрѣшимую юзу ни на кого же налагаше; но посреде ихъ прошедъ паки благодѣтельствоваше, цѣляше и учаше и солнце свое возсіяваше на благія и злыя и одождаше на праведныя и не праведныя.

31. Святѣйшій Никонъ патріархъ взялъ у Ивана Щепоткина изъ лавки въ дополненіе великаго колокола пять сотъ пудъ мѣди его, а далъ ему Ивану память на князя Ивана Ивановича Лобанова во стѣ пудѣхъ мѣди. И Иванъ Щепоткинъ, не бивъ челомъ великому государю о своей мѣди, заверсталъ за ту пять сотъ пудъ мѣди его патріарховою мягкою рухлѣдью, которая ему Ивану дана была продать — сафьяны, шелкъ и кисеи тысячи на полторы, или на двѣ, и того ради преобладанія патріархъ его Ивана проклявъ.

И священный соборъ судилъ ту клятву патріархову на Ивана быти суетну, и зѣло безмилостивну и грѣшну ему патріарху, зане, якоже свидѣтельствуетъ и самъ св. патр., взялъ Иванъ за свою мѣдь, а мѣдь взялъ у него патріархъ, а Ивану было бити челомъ великому государю о той своей мѣди въ которомъ приказѣ? потому что не въ приказъ взята у него мѣдь,—пристойнѣе было бити челомъ великому государю о той мѣди, или за мѣдь о деньгахъ, самому святѣйшему патріарху, да отдать Ивану; а клясти за то Ивана не подобаетъ, хотя бы и впрямъ Иванъ чѣмъ патріарховымъ завладѣлъ и ему было подобаше писати о томъ къ прикащикомъ Ивановымъ, дабы ему долгъ его возвратили; а кляти отнюдь не подобаше и душу кровію Христовою отъ клятвы искупленную, за малую тѣлесную ничтожь сущую вещь, клятвѣ предавати и вѣчно губити, и то не праведно, за его бо Иваново имѣніе, его Ивана прокля: аще бы и весь міръ пріобрѣлъ, душу же погубилъ, или отщетилъ, ничтоже дастъ измѣну за душу ону, зане души единыя погибель, глаголетъ святый Злато-

устъ, толику имать тщету, елику ни кое же слово представити можетъ, весь бо міръ души единыя не достоинъ.

34. Аще ли инако, чрезъ вся Божественныя каноны, и заповѣди и любовной союзъ, сбудется, яже о патріаршествѣ, во власти міра сего, то да не наречется по правдѣ патріархъ, но яко прелюбодѣй и хищникъ и, вмѣсто мира, да будетъ мечь Божій и раздѣленіе по словеси Господню: не пріидохъ вложити миръ, но мечь.

И священный соборъ на сіе отвѣща: яко же древле содѣвашеся о избраніи патріарха московскаго, царское величество не кромѣ священнаго собора избираше, такоже и священный соборъ помощи требоваше у царскаго величества о избраніи патріаршескомъ: тако и нынѣ, егда благоволитъ Богъ избранію быти св. патріарха московскаго, тогда благочестивый царь, и священный соборъ купно да изберутъ мужа, вѣрна суща въ православіи и вѣдуща Божественное писаніе и искусна, отъ многихъ лѣтъ въ священномъ чинѣ суща, не кромѣ Божественныхъ канонъ, но якоже священная правила повелѣваютъ, и обычай Россійскаго государства есть рукополагати своимъ архіереемъ патріарха согласіемъ и благословеніемъ святѣйшаго Вселенскаго патріарха константинопольскаго; а власти мірскія (кромѣ священныхъ) никогда же избираху, ниже избираютъ. Любовный же союзъ сице имать быти: аще св. Никонъ патріархъ будетъ святѣйшему престольному патріарху московскому во всемъ покоренъ и имя его будетъ вездѣ самъ и въ сущихъ подъ нимъ минастырѣхъ и церквахъ всѣхъ въ первыхъ поминати и имѣти его будетъ архипастыря и старѣйшину и не будетъ каковыхъ мятежей и молвъ и смущеній каковымъ либо образомъ творити, и святѣйшій настоящій патріархъ будетъ его патріарха Никона любити, жаловати и почитати, яко прежде бывшаго брата своего; аще же святѣйшій Никонъ патріархъ святѣйшаго настоящаго патріарха имя въ первыхъ не будетъ поминати, или почитати и имѣти его архипастыря и старѣйшину, и начнетъ въ чемъ либо не покорятися ему, или каковыя молвы и смущенія и мятежи ка-

ковымъ либо образомъ собою или людьми творити, и святѣйшій патріархъ настоящій святѣйшаго Никона патріарха долженъ и судити по священнымъ правиломъ, да не будутъ два патріарха равные себѣ, и тѣмъ не наречется прелюбодѣй и хищникъ, но пастырь, пасый жезломъ силъ, данною ему властію не покаряющихся отъ него и отвращающихся отъ него, послѣдующихъ же ему пасый духомъ кротости.

А еже вмѣсто мира да будетъ мечь Божій и раздѣленіе по словеси Божію.

И Божіе слово реченное, еже: не пріидохъ воврещи миръ но мечь, пріидохъ разлучити человѣка на отца своего и дщерь на матерь свою и невѣсту на свекровь свою, — и сіе слово не о власти каковой, ниже о начальствѣ, ниже о казни каковой рече Христосъ; но о вѣрѣ, яко сказуетъ святый Θеофилактъ, еже отсѣцаетъ отъ любве внутреннихъ и отъ сродникъ повреждающихся отъ благовѣрія, не тако бо просто раздѣлятися отъ своихъ глаголетъ, но егда не токмо не послѣдуютъ но и повреждаютъ.

Во время же патріаршескаго избранія и рукоположенія какову раздѣленію быти и мечу патр. Никонъ моли Бога? Едина бо вѣра во всѣхъ православныхъ христіанѣхъ сущихъ подъ державою царскаго величества: точію подобаетъ святѣйшему Никону патріарху и всѣмъ намъ молити Бога да будетъ той мечь на прекословящихъ и не покаряющихся святой восточной превославной каѳолической и церкви святѣйшему настоящему патріарху московскому и всему священному собору, иже таковыя и нынѣ мнози обрѣтаются, и да будетъ имъ той мечь не на пагубу, но на страхъ Божій и на познаніе истины и на обращеніе къ святой восточной каѳокической православной церкви. Аще же кто мыслитъ, или хощетъ оному мечу и раздѣленію быти о патріаршескомъ избраніи и рукоположеніи, и таковый мужъ двоедушенъ, иже не исправится во всѣхъ путехъ своихъ, зане отъ единыхъ устъ не исходитъ благословеніе и клятва, и— вселяетъ Богъ единомысленныя въ домъ свой.

V.

ПИСЬМА ПАТРІАРХОВЪ ПАИСІЯ АЛЕКСАНДРІЙСКАГО И МАКАРІЯ АНТІОХІЙСКАГО.

1. Къ Іерусалимскому патріарху Нектарію.

Пресвятѣйшій, блаженнѣйшій и премудростію преукрашенный патріархъ святаго града Іерусалима и всея Палестины, Господине Господине Нектаріе, во святемъ Дусѣ брате любезнѣйшій и сослужителю пречестнѣйшій. Пресвятѣйшее блаженство твое братолюбіемъ и рачительствомъ истиннымъ цѣлуемъ, моляще чистою совѣстію и праведнымъ умомъ всемогущую свыше Божественную силу, да даруетъ миръ, отъ всѣхъ долговъ свобожденіе, здравіе, крѣпость, возвышеніе же святаго и животворящаго гроба намъ въ духовную радость и веселіе.

Вѣстно да будетъ, яко отидохомъ отъ нашихъ престоловъ, узрѣвше писаньице твое, извѣщающее, яко твое блаженство имѣ умышленіе въ сіа страны путь шествовати. Паче же граматоносецъ устнѣ извѣща намъ, яко вселенскій патріархъ хотяше послати своего ексарха, тако якоже наипаче подвигнутися намъ сими сѣмо шествовати, дабы неприлучитися и не быть коему измѣненію во всѣхъ главѣхъ, яже мы вси четыре патріарси судихомъ. Обаче же и по кадикеллѣ твоего блаженства, сирѣчь по краткомъ ономъ назнаменованіи, (еже особно состави въ Волосѣхъ во всѣхъ нашихъ подписаніихъ аки на обину Никонову), нѣчто увѣстившеся имъ, тако сотворихомъ. Ибо на соборъ его не единожды, но дважды призвахомъ, иже убо и пріиде, еже бы дати отвѣтъ совершенный о всѣхъ оглаголаніихъ, на него многими сотворенныхъ. Единаче, блаженнѣйшій брате, обрѣтошася и иныя вящшія вины, ихъ же не подобаетъ предавати писанію, занеже епистолія не имѣетъ въ себѣ что либо тайно. Едино се довлѣетъ, яко многая и превеликая бяше внутренняя бо-

лѣзнь многихъ лѣтъ достойнѣйшему царю, иже аки отъ источника изливаше слезы отъ своихъ очесъ, даже землѣ полаты омочитися ими. Паки познахомъ, яко глаголанная не по страсти, ниже по ненависти глаголана быша: ибо въ такое пріиде напыщеніе гордостный Никонъ, якоже самъ ся хиротониса патріархомъ Новаго Іерусалима, монастырь бо, егоже созда, нарече Новымъ Іерусалимомъ со всѣми окрестъ лежашими: именуя святый Гробъ, Голгофу, Виѳлеемъ, Назаретъ, Іорданъ. Еще же и пришествіе наше бяше свобожденіе нѣкое грамотоносца твоего Савастьяна, его же едва могохомъ многими прошеними и моленми отъ царскаго гнѣва и заключенія свободна сотворити. И оттуду познахомъ дерзновеніе воистинну быти, еже кому либо судити кромѣ многаго взысканія и прилѣжнаго испытанія въ дѣлѣ, егоже не вѣсть совершенно. Того ради, яко мы сѣмо пришедши очима видѣхомъ, и подробну взыскующе всю истинну, обрѣтохомъ Никона неточію недостойна бывша еже престолъ патріаршій держати, но къ тому ниже архіерейскаго сана достойнаго; того ради по Божественнымъ святымъ правиломъ, и по нашимъ патріаршимъ томомъ обнажихомъ его всего священнаго дѣйства. Посланъ же есть во единъ монастырь изрядный, да плачется о грѣсѣхъ своихъ. Творимъ сіе извѣщеніе къ особному вѣденію твоей пресвятости, якоже и подобаетъ, да другъ другу возвѣщаемъ яже приличествуютъ святой Христовѣ церкви уставы. Мы убо Божіею милостію и благодатію, тщаніемъ же и добродѣяніемъ многихъ лѣтъ достойнѣйшаго царя нашего, надѣемся по совершеніи сего Божественнаго дѣла, такожде и по хиротонисаніи новаго патріарха, иже имать быти избранъ соборнѣ, еже возвратитися къ нашимъ убожайшимъ престоломъ. Да благоволитъ же Богъ еже снитися намъ во едино, и еже помолитися онымъ святымъ мѣстомъ Христа Господа ногами топтаннымъ и еже возвеселитися всѣмъ телѣсно же и духовно. Здравствуйте, брате любезнѣйшій, по обоему человѣку.

2) Къ Константинопольскому патріарху Діонисію.

Пресвятѣйшій, премудрѣйшій и богоизбраннѣйщій Господине вселенскій патріархъ.

Твою пресвятость мы, въ святомъ Дусѣ братія и сослужителіе твои, единодушно лобзаемъ, всѣхъ душеспасительныхъ желающе твоей пресвятости, купно со всѣмъ прочіимъ освященнымъ соборомъ премудрѣйшихъ архіереевъ тамо обретающихся въ царствующемъ градѣ.

Вѣстно убо да будетъ вашему о Господѣ братолюбію (ибо ничтоже есть тайно еже не въ явленіе пріидетъ, и никтоже, дѣлаяй нѣчто въ тайнѣ, ищетъ самъ, да явѣ то будетъ, по глаголу Господню во главѣ 7-й святаго Іоанна Евангелиста), яко пресвѣтлѣйшій и Богомъ вѣнчанный государь царь и великій князь (титулъ) писа не единою но и дващи, якоже увидѣхомъ, яко писа и до прочихъ святѣйшихъ восточныхъ престоловъ, паче же яко и человѣка посыла тоя ради вины вѣрнаго, призывая насъ, да разсудимъ нѣкое церковное его предложеніе, дѣемое въ православномъ его царствѣ, утверждая насъ къ тому, яко имѣлъ быти присланъ отъ вашея пресвятости мужъ вмѣсто лица вашего патріаршаго. И яко большія ради вѣрности безбѣдства и души утѣшенія имѣло быти нѣкое чаственное (особенное) снисхожденіе и устроеніе, воеже бы двумъ царствующимъ странамъ пріити во едино. Тако, во ежебы смятеніамъ сущимъ между има престати, яже тщету творятъ, ни коея же пользы приносятъ, яже нѣцыи злые людіе творятъ, возмущающе царствія своего ради прибытка. Преувѣдѣхомъ же яко и блаженнѣйшій іерусалимскій патріархъ отъ многа времене бяше на половинѣ пути, во еже бы и самому притсуствовати лично на освященномъ соборѣ московскомъ. Того дѣля мы два патріарси да не явимся быти разгласни толикому единству патріаршескому, и дабы не явитися намъ непослушливымъ быти толикому праведнѣйшему царскому повелѣнію, изыдохомъ, и преидохомъ стропотныя пути, проходяще мѣста студеная, и верхи горъ непроходимыхъ, единаго точію насмотряюще конца, дабы намъ праотеческое благоговѣйнство и истинную

правду сохранити: и сія вся неудобная ни во чтоже вмѣнихомъ, аще и ветхостію дней отягощени есмы, и долгимъ путемъ весьма не пріобычни. Изыдохомъ убо, но едва пріидохомъ во преславнѣйшій градъ Москву: обаче не обрѣтохомъ твоего братолюбія присутства, якоже надѣяхомся по обѣщанію. Итого дѣля зѣло и отъ усердія опечалихомся, яко надеждею нашею прелщени и добраго общества лишени быхомъ. Но занеже, якоже глаголется, яже сотворшася, несотворенна быти не могутъ, ко другому пріидохомъ разсужденію. И начахомъ разсмотряти церковное оно предложеніе, еже и прежде бяше прилѣжно взыскано, и отъ помѣстнаго разсуждено собора. Обрѣтохомъ же бывшаго патріарха Никона премногимъ винамъ должна и повинна, яко досади своими писаньми крѣпчайшему царю нашему. Такожде, яко соблазни пресвѣтлый синклитъ, укоряя его, и именуя еретичествующимъ и латинствующимъ быть. Но и церковь державше во вдовствѣ чрезъ девять лѣтъ, весьма лишенную всякаго церковнаго благолѣпія, и патріаршія красоты, своими коварствы и хитростьми всячески томя ю. Паче же, по совершенномъ престола отреченіи отъ его сотвореномъ народнѣ въ соборномъ храмѣ, паки литургиса и хиротониса, дѣйствуя вся приличная архіерейскому достоинству, свободно и кромѣ всякаго препятія; ругаяся купно священнымъ, нѣкими своими новыми и суетными именованьми, нарицая себѣ самаго, аки самъ ся хиротониса, новаго Іерусалима патріархомъ. Новскую имамы считати премногая его преступленія, яже едва сочестися могутъ. Паки обрѣтохомъ, пресвятѣйшій владыко, патріаршій престолъ царствующаго града Москвы зѣло оскорбленъ, и изълиха обезчествованъ, и великое сіе стадо безъ добраго пастыря, тако даже истинну познати намъ, яко призваніе наше, еже бысть отъ пресвѣтлѣйшаго государя царя, сего ради дѣла зѣло бысть нуждное, праведное и правильное; и судъ, его же изнеслъ бяше помѣстный соборъ московскій, бѣ совершенно чистъ и всячески праведенъ, по святымъ правиломъ составленный, и по нашихъ

патріаршихъ томахъ утвержденный. Тѣмъ же всѣми силами потщахомся (вся обаче сотворихомъ съ великимъ разсужденіемъ и со премногимъ взысканіемъ многихъ лѣтъ достойнѣйшаго царя и защитника нашего и со истиннымъ предъ Богомъ судомъ помѣстнаго собора архіереовъ) и едва вникнухомъ въ дѣла Никоновы, обрѣтохомъ неправедно ходившаго, но мимо царскаго пути средняго, сѣмо и овамо, и совершенно низложихомъ народнѣ въ церкви, и соборнѣ судихомъ, еже жительствовати ему во единомъ отъ древнихъ довольно обильномъ монастырѣ, дабы плакатися ему о своихъ грѣсѣхъ. Тѣмъ же нынѣ пребываетъ престолъ патріаршій во вдовствѣ, донелѣже свыше Высочайшій обрящетъ преизбраннаго отъ него достойнаго жениха церкви своей. Просихомъ же многихъ лѣтъ достойнѣйшаго царя, дабы быти о соборномъ нѣкоему извѣщенію и изъявленію чрезъ свои ему грамотоносцы, о всѣхъ здѣ бывшихъ вашей пресвятости. И убо пріемше отъ него соизволеніе, есмы радостнѣ извѣствуемъ кромѣ всякаго лицапріятія всю истинну сказующе, во еже бы будущему патріарху имѣти и въ диптихахъ свое воспоминаніе, якоже и прежде бывшіи патріарси имѣша купно съ нами присное поминаніе. Обаче и обычной милостыни великому престолу и прочимъ убогимъ престоломъ даянной надѣемся обновитися: паче же большей и довольнѣйшей быть. И о томъ всѣми силами тщимся, дондеже совершится, сирѣчь во еже бы исполнитися оной притчѣ: яко братъ братомъ пособствованъ спасается, и да друзи будутъ въ нуждахъ полезни. Прилагаемъ же нѣчто ино, нашего ради общаго утѣшенія, яко съ нашимъ пришествіемъ средостѣніе вражды разрѣшися, и повседневнаго плѣна извѣтъ погибе, тако, во еже бы паки надѣятися намъ пріити ко прежней нашей свободѣ, чести и славѣ, юже древле имѣхомъ. Понеже здѣ нѣцыи со своими буйствы и неистовствы обезчестиша рода нашего преизящную свѣтлость, того ради сотворишася у вельможъ достойни презрѣнія и отверженія. Обаче тщахомся и по вся дни молимъ, да извергутся отъ

среды, и весьма отложатся уметы чести ради общія и лѣпоты рода нашего. Уповаемъ же яко вашими святыми молитвами Бога умилостивляющими, внегда совершити намъ сіе боголюбезное дѣло, еже отъ всея души начахомъ каѳолическія ради церкве, возвратитися тамо, сирѣчь, еже намъ другъ съ другомъ цѣловатися всею душею и сердцемъ и собесѣдовати, обаче со должною честію и приличнымъ говѣніемъ; по сихъ же еже намъ шествовати къ убогимъ престоломъ нашимъ и видѣти врученное намъ стадо, якоже должны есмы вси именуемыи пастыріе стрещи его бодрственно сице, во еже бы намъ пріяти достойное возмездіе отъ Христа Пастыре-начальника нашего, такожде еже бы гонзнути намъ страшныхъ оныхъ мѣстъ мученія, яже воздадутся комуждо по дѣломъ его, яже ожидаютъ злыхъ дѣлателей и пастырей не по истиннѣ бывшихъ епископами, но мрачными мужами, долга своего нетворившими совершеннаго дѣлательства.

Здравствуй по обоему человѣку внѣшнему же и внутреннему, отъ Бога посажденный и Богомъ почтенный владыко, на премногая спасенная лѣта въ утвержденіе церковныя тверди!

